

Войну опишем просто и правдиво...

**Министерство образования и науки
Российской Федерации**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение
высшего профессионального образования
«Ивановский государственный энергетический университет
имени В.И. Ленина»**

к 70-летию ПОБЕДЫ

Войну опишем просто и правдиво...

**Воспоминания ветеранов ИГЭУ (ИЭИ)
о Великой Отечественной войне**

Иваново 2015

Составители: **В.В. Таланова,**
Т.А. Абакшина,
Е.А. Каленова

Научный редактор
зав. кафедрой истории и философии,
д-р ист. наук Т.Б. Котлова

Рецензент
кафедра истории и философии
ФГБОУВПО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»

В данный сборник включены воспоминания ветеранов Ивановского государственного энергетического университета, участвовавших в Великой Отечественной войне или переживших эти события в тылу. Значительная часть воспоминаний ветеранов была собрана в рамках проекта «Войну опишем просто и правдиво...», реализованного студентами ИГЭУ в 2014 – 2015 годах, а также записана накануне 65-летия Победы в 2010 году. В сборник вошли и материалы, собранные в течение многих лет и сохраненные работниками музея истории и развития ИГЭУ.

«Записки разведчика» – воспоминания участника Великой Отечественной войны – были переданы в музей одним из преподавателей ИГЭУ. В этом разделе фактический материал представлен в авторской редакции.

Книга освещает широкий спектр событий повседневной жизни тыла, фронтовых будней периода Великой Отечественной войны, представляет интерес для всех, кто хочет знать отечественную историю.

Сборник издан на средства Программы развития деятельности студенческих объединений ИГЭУ на 2015 год, направление «Историко-патриотическое воспитание».

К ЧИТАТЕЛЮ

70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне – это особое событие для всех поколений россиян. Подготовка к празднованию этой великой даты окрашена смешанными чувствами восхищения подвигом дедов и отцов и горечью от потерь тех далеких лет, а также от осознания того факта, что в праздничных мероприятиях следующего юбилея смогут принять участие немногие участники событий той далекой войны. Поэтому сбор воспоминаний ветеранов – это важнейшая работа, которая позволяет сохранить малейшие крупинки человеческой памяти для последующих поколений, позволяет избежать забвения важнейших страниц истории.

Студенты Ивановского государственного энергетического университета под руководством преподавателей истории, а также работников музея истории и развития ИГЭУ в течение нескольких лет проводили кропотливую работу по сбору воспоминаний сотрудников ИГЭУ – участников войны и тружеников тыла, детей войны. Начало было положено накануне 65-летней годовщины со дня Победы в Великой Отечественной войне, а продолжение последовало накануне празднования 70-летия Победы. Благодаря студенческому проекту «Войну опишем просто и правдиво...», реализованному в 2014 – 2015 годах, студентам ИГЭУ посчастливилось пообщаться с ветеранами войны, которые в боях или в тылу приближали Победу либо пережили страшные годы в детском возрасте, узнать о том, какие горестные или радостные событиях военных лет им запомнились. Они героически защищали Родину на фронте, трудились на производстве, стойко переносили тяготы войны, воспитывали своих детей патриотами.

Уникальность данного издания состоит в том, что в нем впервые соединены собранные и хранящиеся в музее ИГЭУ в течение многих лет воспоминания преподавателей,

сотрудников и студентов Ивановского энергетического института, ковавших Великую Победу на фронте и в тылу.

Материал распределен по разделам.

Разделы «Дети войны» и «Солдаты Победы» – это рассказы ветеранов ИГЭУ, записанные студентами – участниками проекта «Войну опишем просто и правдиво...» в 2014 – 2015 годах, а также в предыдущие годы.

Раздел «Бойцы вспоминают минувшие дни...» содержит рассказы участников Великой Отечественной войны, опубликованные в разные годы в многотиражной газете Ивановского энергетического института «За энергетические кадры».

Раздел «Ивановский энергетический институт в годы Великой Отечественной войны» – это воспоминания преподавателей, сотрудников, студентов военной поры (из фондов музея ИГЭУ).

«Записки разведчика» – воспоминания участника Великой Отечественной войны, переданные в музей одним из преподавателей ИГЭУ. В этом разделе фактический материал представлен в авторской редакции.

Редакционная коллегия выражает благодарность всем, кто откликнулся на просьбу участвовать в подготовке данного сборника.

Сборник издан на средства Программы развития деятельности студенческих объединений ИГЭУ на 2015 год, направление «Историко-патриотическое воспитание».

Д Е Т И В О Й Н Ы

**Борисов
Валерий Викторович**

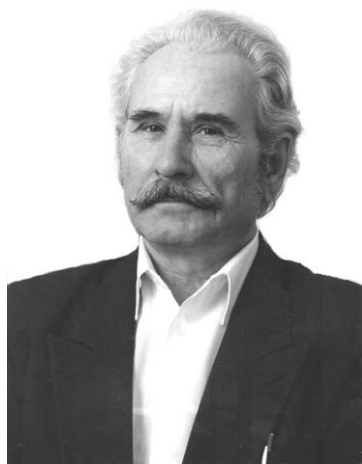
*д-р экон. наук, профессор кафедры
общей экономической теории,
работал в ИГЭУ (ИЭИ) с 1963 по 2015 г.*

Родился я в январе 1938 года. Жили мы в крупном селе Дунилово Шуйского района Ивановской области. Моя мама, Анна Васильевна, работала в сельской больнице медсестрой. Отец погиб в результате несчастного случая в 1939 году. Я был единственным ребенком в нашей семье. С нами жили дедушка и бабушка.

День начала войны не помню – маленький был, мне было только три с половиной года.

Мой дед, Василий Михайлович, прошел первую мировую войну с 1914 по 1917 год, от начала до конца. Я запомнил, как мой дед всегда говорил: «Немец воевать умеет». Но, тем не менее, дед на победу в этой начавшейся войне искренне надеялся и дожился до великого Дня Победы.

Военные действия обошли наше село. Если бы планы Гитлера были реализованы, скорее всего, мы бы тоже попали под удар. Он хотел Москву взять, и, видимо, был план захода с севера. В ивановских пригородных лесах до сих пор

можно найти следы от траншей и блиндажей, которые были выкопаны в 1941 году. По словам местных жителей, готовились к обороне Москвы.

У меня остались отдельные детские воспоминания от событий тех военных лет. У нас в селе была фабрика. В фабричном дворе и на всей прилегающей территории располагалась какая-то воинская часть, и мы, ребятишки, туда бегали общаться со взрослыми. Но недолго военные пробыли у нас, их отправили либо под Москву, либо под Сталинград.

Играли мы однажды на улице, и вдруг рёв мотора и хвост дыма – в небе немецкий бомбардировщик. Возможно, вражеские самолеты летели бомбить Ярославль. Самолет, видимо, подбили наши. Он низко-низко летел над селом. Выл. Дымил. И упал в лесу в 3 – 4 километрах от села. Ребята, что постарше, бегали туда посмотреть, но я был мал, и меня они с собой не взяли. По их рассказам, страшная была картина: лес выгорел, части тел на деревьях...

А как-то раз наш самолет пролетал над селом. Но, видимо, закончилось горючее или у летчика возникли проблемы со здоровьем, и он решил сесть на поле, однако самолет упал прямо в ров, в котором раньше корма для скота готовили. Летчик погиб... Я помню, как по улице шел военный транспорт – перевозил разбитый самолет с крыльями, сложенными вверх.

Жизнь в войну была тяжелая. Семьи бедствовали. Колхоз их поддерживал слабо, т.к. и не имел возможности, ведь нужно было кормить армию и население тех громадных территорий, которые освобождали от фашистов. Все, что производилось, отдавалось государству, а работникам оставались только трудовни, т.е. почти символическая плата за труд. Был сильный голод, даже несмотря на то, что мы жили в сельской местности. Кормились тем, что выращивали на своих огородах, но и за свои огороды народ все равно платил натуральные налоги государству.

Еще во время войны была проблема с солью. Говорили, что где-то в Иванове был соляной источник, воду из него брали, выпаривали и получали соль.

Не меньшей была и проблема с одеждой. Справлялись с ней кустарными методами по принципу «голь на выдумку хитра». В то время было в ходу слово «чуни». Если у кого дома была старая ватная фуфайка, то взрослые шили из нее сапоги – чуни, носили их как зимнюю обувь. Денег народ почти не имел, и купить на них что-то было практически невозможно, поэтому добыть ботинки для ходьбы в школу было очень сложно.

В. Борисов крайний справа в 1-м ряду, 2-й класс. 1946 г.

Игрушек никаких не было. Самые маленькие играли черепками от разбитой посуды. Их, например, использовали как «товар», когда играли в «магазин». Зимой нужны были лыжи, мы делали их сами: остругивалась доска, отпарива-

лась, загибалась и сушилась на печке. С горки хотелось кататься, а санок не было. Санки сделать было очень сложно, поэтому делали так называемые ледянки. Из льда на водоеме вырезался круг, этот круг вытаскивался, его середина аккуратно выдалбливалась и превращалась в сиденье. На этой ледянке можно было с бешеной скоростью нестись с горы, особенно если эта гора длинная, больше сотни метров. Да еще её предварительно обливали водой. Рукастые мужчины делали драндулеты – это стульчик такой, на котором сидишь, пара коньков сзади, впереди тоже конек и руль. Мы завидовали тем, кто имел такие драндулеты, но с них ребята часто падали, а с ледянки упасть было практически невозможно.

Из моих родственников участницей войны была тетя – Анна Петровна, служила медсестрой. Она вернулась живой, вышла замуж, воспитала двух детей и умерла совсем недавно... Соседи - мужчины все были на войне, кто-то вернулся, а кто-то нет.

Многих ребят в 1941 году забирали на фронт в 17 лет. И человек становился взрослым, но ничего не умел, кроме как убивать. Его учили этому. На фронте он был на всем готовом: и кашу дадут, и тушенку, и кусок хлеба, и махорку, и оденут, и обуют. Ты только вой. А после того, как война закончилась, человек возвратился в мирную жизнь, оказавшись к ней абсолютно не готовым. Тебе никто ничего не даст, и работы нет в сельской местности, в колхозах работали фактически бесплатно. Многие не выдерживали этого. Была проблема с адаптацией к новой жизни. Военный подвиг – это одно, а гражданский подвиг, оказывается, труднее...

В 1947 году был сильный неурожай, дело доходило даже до голодных смертей. Человек начинал сильно болеть от систематического недоедания и погибал. Голод послевоенных лет помнится фактически всем, кто жил в то время, потому что он был повсеместным.

Современной молодежи я желаю, чтобы им в течение всей жизни удалось избежать того, что пережили мы в детстве и в юности, а то, что мы имеем, худо-бедно сохранить и даже улучшить.

Записал Д. Чубаров, студент группы 1-42, ноябрь 2014 г.

**Горячкин
Станислав Николаевич**

канд. техн. наук, профессор кафедры высоковольтной электроэнергетики, электротехники и электрофизики, работает в ИГЭУ (ИЭИ) с 1966 г.

Я родился 14 марта 1936 года в городе Владимире.

Когда началась война, наша семья жила в Тбилиси. Мне было 5 лет. Отец, Николай Васильевич, был военным, служившим, мать, Елена Михайловна, работала в прокуратуре. С нами жила бабушка.

Несмотря на возраст, начало войны я помню очень хорошо. Это был воскресный теплый, солнечный день. Наша семья поехала в парк культуры на отдых. Мы разместились на берегу реки Куры. Вдруг все засуетились, стали собирать вещи, поспешили домой. Вокруг говорили: «Война! Война!».

Отца почти сразу же направили в действующую армию. Потом к нему уехала и мама. Она стала военнотружашей в штабе авиационной

части, в которой служил мой отец.

С. Горячкин, 5 лет. 1941г.

Мы с бабушкой остались в Тбилиси, жили в квартире с соседями в центре города, квартира была на 7-м этаже. Родители как военнотружашие высылали аттестат, на основе которого нам выдавали карточки на продукты и какие-то деньги. Помню хлеб с отрубями – яркая примета военного времени.

Родители служили в авиаподразделении, которое размещалось в

Подмосковье. В 1943 году они забрали меня к себе, т.к. мне надо было идти в школу. Там я закончил 1-й класс. Помню, что родители целыми днями были на службе, а я оставался в квартире один допоздна.

Летом 1944 года наше авиаподразделение переместилось в Белоруссию. Мы оказались в деревне Бобры неподалеку от Бобруйска и примерно в 100 километрах от Минска. Эту местность совсем недавно спешно покинули фашисты, там был знаменитый Бобруйский котел. Кругом было много брошенной немецкой военной техники: грузовики, разбитые танки, легко можно было найти боеприпасы, гранаты. Мы, мальчишки, гуляли, бегали везде, все было интересно. Рядом со штабом стояла небольшая зенитная пушка и была землянка с артиллерийскими снарядами, мы туда спускались, не

представляя, как это опасно. Мне было 8 лет, а я уже имел опыт обращения с боеприпасами, мог из патрона наконечник стрелы изготовить. Однажды нашел небольшой снарядик сантиметров 10–12 длиной, красивый, с полосочками по краям. Взял гвоздь, хотел его расковырять, но что-то меня остановило, и я положил снаряд на место.

Семья Горячкиных

Мальчишки постарше глушили гранатами рыбу в реке. Однажды был случай, когда сразу четверо ребят погибли: они разожгли костер и бросили туда снаряд. Меня судьба уберегла от гибели.

Чтобы занять меня, отец, уходя на службу, давал мне задания по математике, чтению, а вечером мать проверяла.

Время было опасное. В лесах гуляли банды, поэтому у нас в доме, на всякий случай, хранилось оружие: на стене висел автомат, а под кроватью стоял ручной пулемет.

Из Белоруссии мы переместились в Литву, под Вильно (Вильнюс). Там тоже было много брошенной техники. А школы и детей-сверстников не было.

*С. Горячкин, 8 лет,
Белоруссия. 1944 г.*

Я рос среди военных – офицеров и солдат, они ко мне хорошо относились, видимо, видели во мне своих детей. Я был у них как «сын полка». Солдаты часто сажали меня обедать за длинный деревянный стол, помню вкус солдатских щей из крупно рубленой капусты. Солдаты были моими лучшими друзьями. Одежду мне перешивали из гимнастеров, у меня был даже френч, сшитый солдатским портным.

Помню, как хоронили генерала Черняховского. Он погиб от осколка снаряда, разорвавшегося рядом с его машиной.

Потом наше авиаподразделение перелетело в Польшу, в район города Миньск-Мазовецки. Мы разместились в какой-то деревушке вблизи аэродрома. Поляки жили бедно, варили мыло, продавали его. Было много бандитов из немцев и местных жителей. Как-то раз мы с матерью остались дома одни. Вдруг входят двое до зубов вооруженных людей. Я проявил бдительность и через окно сиганул на улицу, побежал в штаб. Выяснилось, что это патруль делал обход, они кого-то искали.

Однажды я познакомился там с мальчишкой, который показал мне, как мастерить машинки из консервных банок, и я увлекся конструированием. Дома у моей кровати была даже электрическая лампочка, питавшаяся от старого аккумулятора, в то время как родители сидели вечером с керосиновой лампой.

Так мы и перемещались следом за линией фронта до 1945 года. Потом меня отправили к бабушке в Тбилиси, т.к. надо было учиться в школе. Пришлось учить грузинский язык. Я много там читал, был записан в три библиотеки.

День Победы помню смутно, запомнилась только огромная радость.

После победы родители меня забрали к себе, и мы переехали в Бобруйск, где прожили до 1950 года.

Современной молодежи я желаю настойчивости в достижении своей цели, брать все в свои руки и действовать. Помнить слова Козьмы Пруткова, что если хочешь быть счастливым, будь им.

*Записала О. Волкова, студентка группы 2-41,
ноябрь 2014 г.*

**Гусев
Владимир Алексеевич**

*канд. физ.-мат. наук, профессор кафедры программного
обеспечения компьютерных систем,
заведовал кафедрой вычислительной техники,
работает в ИГЭУ (ИЭИ) с 1962 г.*

Я родился в июле 1936 года в городе Родники Ивановской области. Всего в семье было трое детей: старшая сестра, я и младший брат. До Великой Отечественной войны моя мать, Гладкова Марина Николаевна, не работала, т.к. в декабре 1940 года у нее родился ребенок. Мой отец, Гусев Алексей Сергеевич, работал начальником сборно-складального цеха на текстильном предприятии. В

1937 году у него открылась язва, и отец был признан негодным к военной службе.

Я не помню тот день, когда началась война, зато хорошо помню, как в скором времени начались проблемы с едой. На первом этаже дома, в котором мы жили, был магазин, где до войны всегда можно было купить разные продукты. Но спустя некоторое время после начала войны я ходил в этот же магазин и стоял в очереди, чтобы получить по карточкам маленький кусочек хлеба. У нас дома в углу стоял ящик, который в довоенное время наполнили сухарями. Эти сухари потихоньку ела вся семья, куда-нибудь пошел, взял сухарик и съел.

Мои бабушка и дедушка жили в большом доме со стенами метровой толщины. Возможно, это была бывшая ма-

стерская. Они держали корову, также рядом с домом у них был огород, где выращивали лук, морковь, свеклу и другие овощи. В доме была русская печь, на которой вялили свеклу, а я залезал на печь и ел эту свеклу, получая непередаваемое удовольствие.

Чтобы поддержать здоровье отца, который страдал от язвы, мать часто ходила в ближайшие деревни и обменивала вещи на продукты, а по праздникам готовила лакомство для нас, например плюшки или что-то подобное.

До войны мой отец часто ездил по работе в Москву и привозил оттуда одежду, поэтому проблемы с одеждой начались не сразу. Они возникли к концу войны. Но отцу как работнику комбината выдавали ткань, а у матери была подруга, которая умела шить. Поэтому всю одежду, которую мы носили, шили и перешивали из того, что у нас было. Мне, например, перешивали костюмы отца.

Налетов и бомбежек у нас в Родниках не было ни разу, но везде были вырыты окопы, а в доме на окнах наклеены бумажные ленты, чтобы в случае ударной волны стекла не вылетали. А в одной из комнат окно было занавешено специальным одеялом так, чтобы свет в комнату совсем не попадал, вот в этой комнате мы и жили.

Почти все свободное время я сидел с младшим братом или играл с другими детьми на улице, например, в чиж, лапту или в прятки. Мы не играли в игрушки, так как их не было, я не помню ни одной.

В 1943 году я пошел в школу, в 1-м классе нас было 45 человек, занятия проходили в первую смену. Из праздников я помню только Новый год и 1 Мая. В праздник детей собирали в школьном актовом зале и устраивали концерты.

День, когда закончилась война, я запомнил очень хорошо. С утра, когда я проснулся, работало радио, и первое, что я услышал, было объявление об окончании войны. Дома и на улице все были радостные. Это всеобщее ликование пе-

редалось и мне. Мне повезло, т.к. все родственники были со мной. Я никого не потерял на войне.

Я был активным школьником, был и пионером, и комсомольцем. Мы часто ходили на воскресники: убирали территорию, сажали деревья и делали много другой полезной общественной работы. Школьники также собирали макулатуру и металлолом.

В 1954 году после окончания школы я переехал в город Иваново и поступил в педагогический институт, а закончив его в 1959 году, поступил в аспирантуру ИЭИ, и с тех самых пор неразрывно связан с энергоуниверситетом.

Я хотел бы пожелать современной молодежи активности. Участвуйте в жизни страны, города, вуза. Не будьте наблюдателями! Делайте все сами, и тогда у вас все получится.

*Записал Н. Овсов, студент группы 1-42,
ноябрь 2014 г.*

**Капустин
Владимир Петрович**

*заслуженный изобретатель РФ, заведовал лабораторией
энергоресурсосбережения, работал в ИГЭУ с 1995 по 2011 г.*

Родился я на Дальнем Востоке в городе Белогорске. В 1938 году наша семья переехала в Иваново. Мама моя, Марья Петровна, работала в детском саду заведующей. Папа, Пётр Александрович, был инженер-строитель, работал в строительной организации. Жили мы в маленьком старом доме на две семьи, с нами жили бабушка и тетя. Тесно очень было. Мы готовились расширяться, обустроиваться, но наступила война, и всё рухнуло.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 8 лет, в этом году я должен был пойти в школу. У всех было чувство страха, и в семье, и у ребят, потому что о войне много говорили, знали, что это будет страшно. И когда объявили, что началась война, у всех людей наступило какое-то оцепенение, особенно у взрослых. Мы боялись, что отца заберут на фронт и мама с детьми останется одна. А в семье у нас было трое детей: я и две сестрёнки маленькие – одной было 5 лет, а другой только 6 месяцев. Папу взяли на фронт в августе 1941 года.

*П.А. Капустин перед отправкой на фронт, сентябрь, 1941 г.
(в верхнем ряду второй слева)*

В самом начале войны положение в городе было очень тревожное. Над Ивановом пролетали немецкие самолеты в направлении города Горького (сейчас Нижний Новгород). Несколько раз бомбы падали и на наш город. Была большая паника. Всех жителей заставили вырыть небольшие бомбоубежища во дворах. Было тяжело копать глубокие ямы со ступеньками. Некоторые люди бросали дома и уезжали в эвакуацию.

Окна в домах заклеивали бумажными лентами крест на крест и плотно занавешивали на ночь, чтобы не было видно огней. За этим строго следила милиция.

Прожитые военные годы оставили очень тяжелые ощущения и воспоминания, в основном это холод и голод, одиночество и незащищенность, постоянный страх за своих родных и близких. Жили в военное время трудно, но жили надеждой. Но вот когда папа погиб, надежды рухнули. Он погиб в начале 1942-го. Тогда руки опустились... Тяжелее

всего пришлось нашей маме. Но мы выстояли, выдержали, преодолели все трудности.

Продукты в войну выдавались по месячным карточкам. Норма хлеба составляла 200 – 250 граммов в день на ребенка. Потеряешь карточки – это верная смерть от голода. Приходилось ходить на базар и продавать или обменивать на хлеб различные вещи из сундука бабушки или с чердака дома.

Осенью 1941 года я пошел в 1-й класс.

1-й класс. 1941 г.

Когда наступила зима, учиться стало тяжелее: отопления не было, сидели на уроках в пальто. Школа замерзала. Чтобы как-то спасти ее, всех учеников отправляли строем на южный аэродром, а оттуда каждый приносил по полону дров. Ходили туда пешком, достаточно далеко – наша школа № 27 была на ул. Типографской. Зима 1941 года была очень холодная. Школу закрыли, и нас распределили по учителям,

учеников 5–10 на одного учителя. Мы учились у них на дому. Спасибо им большое за это, и вечная память.

У нас в доме тоже было очень холодно. Хорошо помню, что за ночь в ведрах, которые стояли у двери, замерзала вода. За водой ходили на колонку за 300 метров от дома. Я тоже таскал маленькие ведра с водой. Дров на зиму не хватало. В 1943 году к нам в Иваново приехал с фронта после ранения брат моей мамы. Мы с ним и с мамой зимой ночью ездили в лес на окраину города, где пилили деревья и по частям перевозили домой на самодельных санях, сделанных из старых лыж. Было очень тяжело и холодно. А когда становилось совсем туго, дрова покупали на базаре маленькими вязанками.

До войны мама с папой очень много занимались детьми, из меня музыканта хотели сделать, мечтали, чтобы я играл на скрипке. Война планы смешала: отец на фронте, мама работала целыми днями, бабушка старенькая, тетя – инвалид. И мы, дети, были предоставлены в основном сами себе. У детей – свобода, делай, что хочешь. Беспризорными мы были, в полном смысле слова. Трудное это было время. Поэтому всякое случалось. Мальчишки и ругались, и дрались, и воровали даже. Тяжелая жизнь была, ничего хорошего.

Я всегда на лыжах хорошо катался, рискованно даже. Например, с трехметрового трамплина прыгали, а нам было по 7 – 9 лет. Травмы случались.

Ещё одно увлечение было у нас в то время: коньки привязывали верёвочками к валенкам, брали крючки из проволоки длиной полтора-два метра и цеплялись ими за машины. Вот едет машина грузовая – ждешь её. На повороте машина притормаживает, бежишь за ней, цепляешься крючком и едешь дальше «на машине». Это было очень опасное занятие. Были случаи, когда ребята разбивались. Потому что снег, снег, снег, а потом вдруг – асфальт, а его не видно из-за машины. С разгона запинаешься и падаешь.

Бывало и такое, когда воевать улица на улицу собирались, причём с длинными палками.

Но мне повезло, я стал боксом заниматься в 7-м классе, а до этого посещал в Доме пионеров электромеханический кружок, потом шахматный, ещё через год – кавалерийскую школу. Я всё перепробовал, искал где интереснее. Учеба и спорт спасли меня и друзей от беды, хотя были случаи, когда соседские ребята попадали в плохие ситуации.

С фронта приходили письма в школу. Учителя говорили, что такой-то красноармеец в госпитале лежит и просили написать ему. И мы – школьники – писали коллективные письма и открытки в госпитали раненым бойцам и на фронт. А потом в здании нашей школы госпиталь устроили, и большой госпиталь был также на улице Ермака. Мы ходили туда с маленькими выступлениями: то песни пели, то стихи рассказывали. А оттуда в школу приходили раненые бойцы, беседовали с нами, вспоминали, горевали.

*В. Капустин, 12 лет.
1945 г.*

Когда объявили о победе, был общий подъём, все в школе «Ура!» кричали, радовались. Но праздник был с горечью, со слезами на глазах, потому что отец не вернулся с фронта...

Война кончилась, все вздохнули свободнее, было много радости. Люди как-то сблизились, внимание друг другу

старались уделять. Учителя нас поддерживали, особенно тех, у кого родители не вернулись с фронта. Но трудности оставались еще долго и после войны.

Я закончил Ивановский машиностроительный техникум, поступил в ИЭИ и по распределению уехал в Подмосковье. Получил хорошую закалку на производстве: сначала работал на военном заводе в Подольске, с 1960 года – в Иванове – главным механиком в тресте «Горгаз», на ТЭЦ-2. Потом 30 лет проработал в НИИ ИВНИТИ, прошел трудовой путь от старшего научного сотрудника до заведующего лабораторией. В 1995 году перешел на работу в ИГЭУ. Награжден орденом «Знак Почета», за серию выполненных работ – медалями ВДНХ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

Жизнь многообразна, сложна, и в ней надо суметь найти своё место. Это самое главное. Я желаю молодым найти такую работу, которая будет всегда по душе. На работе нужно быть посмелее и обязательно везде «нос свой совать», чтобы знать, как все устроено и как работает.

*Записал А. Евдаков, студент группы 1-29,
ноябрь 2014 г.*

**Королёв
Анатолий Николаевич**

*канд. техн. наук, профессор кафедры
теоретических основ электротехники и электротехнологии,
работает в ИГЭУ (ИЭИ) с 1966 г.*

Я родился в 1936 году в городе Иваново. Мама, Антонина Вукововна, работала телеграфисткой на центральном телеграфе. Отец, москвич по происхождению, по профессии был радиотехником, работал в монтажной организации, которая занималась установкой радиостанций и телеграфов в разных городах, он был в постоянных командировках. Вероятно, поэтому их брак в 1939 году распался. Вместе с нами жила бабушка, Харитина Куприяновна Сунцова.

Жили мы в подвале большого дома с мощными стенами из красного кирпича на улице Арсения (видимо, раньше этот дом принадлежал какому-то зажиточному человеку).

Хотя мне было всего 5 лет, я отлично помню первый день войны. Мы с бабушкой в этот момент были дома. Всех охватило волнение. Бабушка заплакала. Мама раньше вернулась с работы. Но все взрослые искренне верили в скорую победу СССР.

В Иванове немцев не было, но было очень тревожно, особенно когда немцы стояли под Москвой. В городе были два военных аэродрома – Северный и Южный. Однажды я

был свидетелем воздушного боя двух самолетов над городом. Случались воздушные тревоги, во время которых жители бежали в бомбоубежища, в подвалы. А нам бежать никогда не надо было, потому что мы жили в подвале, и другие жильцы дома укрывались у нас.

*А.В. Королева (мама А.Н. Королева)
за работой на телеграфном аппарате*

В начале войны многих связистов призвали в армию, поэтому первое время маме приходилось работать на телеграфе по сменам – восемь через восемь часов.

Зарплата у неё была 600 рублей в месяц. Все деньги тогда уходили на продукты. Возвращаться после трудового дня ночами было страшно: случались частые кражи и хулиганство. А улицы города не освещались – боялись бомбежек. Поэтому мама шла, как она говорила, всегда посередине дороги, чтобы видеть происходившее вокруг и в случае опасности суметь убежать.

Все школьные здания города были отданы под госпитали. Моя бабушка работала санитаркой в одном из госпита-

лей, который размещался в школе № 21, неподалеку от нашего дома. Иногда она брала меня с собой в госпиталь. Помню, на первом этаже была кухня, на втором лежали раненные, на третьем этаже размещалось психиатрическое отделение, где на окнах стояли деревянные решетки. В госпитале иногда организовывали концерты для раненных бойцов. Однажды я в красиво расшитой украинской рубашке тоже стоял на сцене вместе с детским хором.

Зимой 1942 года я сильно простудился и заболел воспалением лёгких. Меня положили в больницу, нужных лекарств не было, болезнь прогрессировала. Я даже не мог ходить, и врачи прогнозировали скорую смерть. Спасла меня бабушка, которая настояла на том, чтобы внука отпустили из больницы – пусть уж лучше умрет дома. Врачи получили от мамы расписку, что она не имеет к ним претензий, и бабушка, как я помню, закутав меня в одеяло, на руках (видимо, я был не тяжёлый), повезла на трамвае домой. Бабушка вылечила меня народными средствами. Мама договорилась с профессором Берлиным из мединститута. Он приходил к нам в подвал осматривать меня. Профессор сказал, что важнейшее лекарство – хорошее питание. Ещё он посоветовал неделю кормить меня несолёной пищей и сладким. До сих пор вспоминаю, как невкусно это было, и есть этого совсем не хоте-

*Х.К. Сунцова
(бабушка А.Н. Королева)*

лось. Да и где было взять хорошую еду? Другими словами, как самопожертвование, поведение мамы и бабушки в это время назвать не могу. Их главной заботой стало – обеспечить моё выздоровление. А за свой частный визит профессор, очевидно, оценив наше положение, не взял никакой платы.

С продуктами в войну были большие трудности. Ввели продуктовые карточки. По карточке полагалось в день 500 граммов хлеба работающему, 400 граммов пенсионеру, 300 граммов ребенку, а еще по карточкам получали немного крупы и масла. Потеря карточек была огромной бедой. Однажды к нам в подвал постучалась старая женщина и попросила что-нибудь поесть, но лишней еды у нас не было. Оказалось, что она потеряла карточки. Тогда она спросила про картофельные очистки, и мы их ей отдали. Она объяснила, что их можно варить и есть.

А однажды, стоя в очереди за хлебом, я видел, как нищий, доведенный голодом до отчаяния, быстро схватил у проходящей мимо женщины довесок хлеба и тут же его съел. Этого человека, конечно, все ругали, но и сочувствовали ему.

Недалеко от места, где мы жили, был колхозный рынок – «Барашек». Там можно было обменять или купить кое-что из продуктов. Однажды к концу войны мы сэкономили буханку хлеба, и мама, взяв меня с собой, пошла на рынок, чтобы ее продать. Сначала она просила за буханку 120 рублей, но желающих купить ее не было, потом снизила цену до 100 рублей, продала хлеб и на вырученные деньги купила что-то из еды.

Чтобы как-то обеспечить дополнительное питание, городские жители ездили по деревням менять свои вещи на продукты. Помню, мама поехала далеко, в Ильинский район, и обменяла свои довоенные туфли-лодочки кофейного цвета и шелковое платье на небольшой мешочек гороха.

В 1944 году я пошел в первый класс. Помню объявление по радио о том, что наши войска заняли Одессу, в тот момент мы были дома у одного из моих друзей. Мы открыли форточку и с радостью восторженно кричали: «Наши взяли Одессу! Наши взяли Одессу!». Интересное совпадение: по окончании техникума меня направили работать в Одессу, потом я три года отслужил там же в армии.

Помню, что в Иванове около цирка была выставка разбитой трофейной военной техники. Мальчишки, играя там, лазили по громадным пушкам.

Неподалеку от нашего дома был небольшой лагерь пленных немцев. Их использовали на строительных работах. Мы с мальчишками забирались на высокий забор и наблюдали за ними, а пленные разыгрывали там шуточные сценки, танцевали, пели. Многие из них выучили русский язык, некоторые даже в совершенстве.

Мой отец воевал в танковых войсках, обеспечивал радиосвязь, имел много наград. Он помогал иногда нам материально: присылал аттестат, т.е. деньги, хотя у него была уже другая семья.

*Н.А. Королев
(отец А.Н. Королева)*

У моей мамы было три родных брата, всех взяли на фронт: двое погибли, а один, Петр, вернулся. Он воевал в пулемётном расчёте, был тяжело ранен и попал в плен. Там был русский врач, который спас его от угона в Германию. Врач на свой страх и риск забинтовал Петра кровавыми бинтами от других раненых. Немцы подумали, что он всё равно не жилец, и оставили его в лагере. После освобождения из

*Павел – младший брат мамы –
А.В. Королевой*

немецкого плена дядя попал в лагерь под Подольском на несколько месяцев для проверки. Моя бабушка ездила туда удостоверять личность своего сына.

Младший брат мамы Павлик учился на токаря в ремесленном училище. Когда началась война, он как раз окончил училище, и его отправили в Чебаркуль Челябинской области работать на военном заводе.

Ему было только 16 лет. Как он писал, работали непрерывно по 12 часов. Было очень нелегко. Однажды он потерял карточки или их украли, а в заводской столовой кормили баландой. В общежитии порядка не было: хлеб приходилось носить с собой, иначе его могли украсть, и тогда можно было остаться голодным. Потом его взяли на фронт, и он погиб. Сохранились его письма.

После окончания войны все ждали возвращения домой фронтовиков. Моя бабушка долго еще продолжала ждать своих сыновей, не хотела верить, что они погибли.

Мама и бабушка по окончании войны были награждены медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

Послевоенное время тоже было нелегким. Помню, в 1947 году был и неурожай и голод. В летнем школьном лагере, куда я ходил, чтобы получать дополнительное питание, дети по заданию воспитателей собирали крапиву и приносили по пучку – из крапивы варили суп.

В заключение хочу сказать молодым людям, вступающим на путь самостоятельной жизни: много испытаний предстоит пройти каждому из вас. Жизни без проблем не бывает. Война, конечно, одна из самых тяжёлых проверок на стойкость человека, на его порядочность и человечность. Выжил ли бы я, если бы рядом не оказались мама и бабушка? Конечно – нет. Они отдали мне всё, что можно было в тех военных условиях. Спасся ли бы мой дядя Петя, если бы не было самоотверженного врача? Нет. Поэтому самым важным в жизни, и не только во время войны, является взаимопонимание, взаимозабота и взаимоподдержка. Это и есть одно из главных богатств как отдельной личности, так и любой общности людей.

*Записала Е. Каленова, студентка группы 2-9,
ноябрь 2014 г.*

**Королькова (Каликина)
Валентина Ивановна**

*инженер патентного отдела,
с 1994 г. – сотрудник музея ИГЭУ,
работает в ИГЭУ (ИЭИ) с 1967 г.*

Родилась я 19 сентября 1937 года в городе Новград-Волынский на Украине.

Мне было почти 4 года, когда началась Великая Отечественная война, а брату – 2,5 года. Маму мою звали Вера Фёдоровна, она была домохозяйкой. Отец, Иван Дмитриевич, был военным, он служил в местной кавалерийской дивизии. С 1937 по 1940 год отец учился в Академии связи им. Буденного в Ленинграде. После окончания академии его направили на работу в военное училище связи в город Ульяновск на Волге. Весной 1941 года отца перевели служить в Одесский военный округ на границу с Молдавией, а наша семья осталась в Ульяновске. Отец сразу попал на фронт, и очень долго мы о нем ничего не знали, потому что наша армия отступала, шли ожесточенные бои. Первое письмо мы получили от него к концу 1941 года, под Новый год. Из письма мы узнали, что отец находится в госпитале в городе Железноводске на Кавказе. Он попал туда после ранения, полученного от разрыва мин, находясь под Киевом.

Мы с мамой и братиком жили в доме для офицерского состава на территории училища связи обособленно от населения, на окраине города. Родственников в Ульяновске у нас не было.

В Ульяновске был мост через Волгу, по которому шла железная дорога на Урал. Также напротив города, на другом берегу Волги, находился военный завод, где делали патроны и снаряды. В конце августа 1941 года начались налёты немецких бомбардировщиков. Люди стали заклеивать окна бумажными лентами крест на крест, потому что от разрывов бомб стекла лопались. Всем семьям в военном городке выдали солдатские одеяла, чтобы завешивать окна для светомаскировки. Ночью ходили патрули – смотрели, не горит ли где свет.

Первая бомбежка была ночью. Мы спали тогда. У всех в квартирах были радиотарелки, по которым объявили: «Внимание! Внимание! Воздушная тревога!». Также по всему училищу выли сирены. Мама нас разбудила, одела и вытаскила на улицу. Мы побежали на плац, там были вырыты траншеи, блиндажи, окопы для тренировок курсантов. В них все попрятались. Страшно не было, мы ничего не понимали, маленькие были. Было интересно: все куда-то бегут, прячутся, везде лучи от прожекторов, слышны разрывы бомб, зенитки. Саму бомбежку мы не видели, мы ее только слышали. Немцы бомбили патронный завод. Когда все закончилось и мы вылезли из окопа, наш сосед, офицер Мазаев, схватил меня и начал подбрасывать. Была огромная радость, что мы остались живы.

Это был первый налёт фашистских самолетов, потом их было много. Сначала мы бегали на плац, чтобы укрываться там, но вскоре перестали, потому что наступили холода, и мама решила нас не будить по ночам. И мы оставались дома.

В училище связи было свое подсобное хозяйство, где выращивали картошку, капусту и другие овощи. Многие жены офицеров там работали. Моя мама в войну тоже пошла работать в подсобное хозяйство, а нас с братиком устроила в детский сад.

Помню, были трудности с продовольствием. Все было по карточкам: хлеб, масло, сахар. Семьям офицеров давали

овощи с подсобного хозяйства училища. Это было нам хорошим подспорьем. Всем офицерам, которые были в армии, полагались так называемые военные аттестаты, т.е. деньги. Отец их отправлял маме, и в семье были какие-то деньги.

В детском саду нас кормили обедом, который состоял из жиденького супа или пустых щей. Хлеба давали очень мало. Завтракали и ужинали мы дома, в основном картошкой и капустой. Важный продукт питания для детей – молоко, но его можно было купить только на рынке. Зимой его морозили в глубоких тарелках. Помню, что мама приносила с рынка белые круги замороженного молока.

Мне хорошо запомнились два случая. Однажды пошли мы с подружкой к ее маме, она работала в офицерской столовой. Она вынесла нам две горячие картофелины со словами: «Скорей, скорей, кушайте». Если бы это увидели, то ее посадили бы в тюрьму по суровым законам военного времени. И вот мы стали эту картошку быстро есть, и я подавилась. Мама подруги меня буквально спасла, сильно стукнув по спине. И все-таки кушать хотелось всегда.

Около курсантского учебного корпуса была небольшая спортивная площадка. Там стояли столбы и перекладины, на которых на крюках висели шест, кольца и канат. Дети очень любили на этих канатах кататься. Однажды мы пошли туда и стали играть с канатом. Один мальчишка залез наверх, снял канат с кольца, и канат упал прямо на мою голову металлическим крюком, пробив мне череп. Тут, конечно, сразу кровь, крики, шум. Хорошо, что в это время у курсантов был перекур, и один из них меня быстро отнес в санчасть. Там мне обработали рану, забинтовали и отправили домой. Мама прибежала сразу же с работы и решила меня утешить: отрезала кусок хлеба потолще и намазала вареньем, которое только по большим праздникам давала понемножку детям (оно было привезено с Украины еще до войны). А я не могла рот открыть, мне было очень больно. И я рыдала не столько от боли, сколько от обиды, что не могу съесть это лакомство.

С одеждой в военное время тоже были большие проблемы, именно с детской, ведь дети быстро растут. В училище был женсовет, который организовал обмен детской одежды и обуви внутри военного городка. Иногда в местный магазин приходила партия одежды, которая распределялась между семьями офицеров. Однажды по просьбе мамы штаб училища выделил зимнее пальто для моего братика.

Валя Каликина с отцом. 1943 г.

В Ульяновске был рынок, где меняли одежду и обувь на продукты. Самым ходовым товаром были мыло, махорка, соль и спички. За соль можно было всё купить.

Моя мама очень хорошо умела шить и этим подрабатывала. Она шила блузки из белых простыней, потом вышила на них узоры и выменивала эти блузки на рынке на молоко.

С игрушками тоже было плохо. Сначала у нас были довоенные игрушки, но они быстро сломались, и их было мало. Поэтому мы сами мастерили кукол из тряпок и бумаги, а мальчики вырезали из бумаги танки и солдатиков.

Помню, после войны один офицер привез своей дочке большую красивую немецкую куклу с открывающимися глазами. Мы все ходили к ней смотреть на эту куклу. У меня и потом кукол не было. Кончилась война, и я пошла в школу. Родители говорили: «Читай. Нечего в куклы играть».

Отец вернулся с фронта в конце 1943 года. Он был комиссован после тяжелого ранения и направлен преподавателем в Ульяновское военное училище связи. Семье стало немного легче. На Новый год отец поставил дома настоящую елку, ее нарядили игрушками. Помню, как кот играл лапой с шариками, иногда они падали и разбивались.

Семья Каликиных. 1946 г.

У меня с того времени до сих пор хранятся две елочные игрушки: самолетик из бусинок и груша из ваты, которую мне подарила подружка.

Помню, как после войны к нам в училище пригнали колонну военнопленных немцев. Они строили какое-то здание. Иногда им позволяли ходить куда-нибудь. И вот как-то стук в дверь (двери мы не запирали, жили в коммуналке). Я её открываю, а там стоит немец, я очень испугалась. Хорошо, мама была дома, она вышла, а он попросил поесть. И она вынесла ему хлеба и варёной картошки. Это был для меня урок доброты.

В школу я пошла в 1946 году. Любила читать книги, ходила в изостудию Дворца пионеров, занималась в танцевальном кружке Дома офицеров.

Современной молодежи я желаю, чтобы они интересовались историей своей семьи, знали свои корни, собирали, хранили информацию и передавали своим потомкам.

*Записали Д. Чубаров, Н. Овсов,
студенты группы 1-42, декабрь 2014 г.*

Коротков Владимир Федорович

канд. техн. наук, профессор кафедры автоматического управления электроэнергетическими системами, работает в ИГЭУ (ИЭИ) с 1961 г., с 1974 по 1987 г. заведовал кафедрой автоматизации и релейной защиты.

Я родился в сентябре 1937 года. Поэтому, когда началась война, мне было почти 4 года. Семья наша жила в городе Шуе и состояла из 6 человек. Отец, Коротков Фёдор Иванович, 1900 года рождения, был рабочим. Мать, Короткова Анна Васильевна, – домохозяйка. У неё было 4 сына, включая меня: Николай (1924 г.), Анатолий (1926 г.), Александр (1928 г.).

В июне 1941 года началась война. Старший брат Николай учился в Шуйском индустриальном техникуме. В техникуме состоялся ускоренный выпуск специалистов: вчерашние студенты получили дипломы техников, и их сразу же призвали в военкомат. Военный комиссар предложил моему брату продолжить образование в Московском гидрометеорологическом институте, который был эвакуирован в Казахстан. Брат решил пойти на фронт. Ему было всего 17 лет! Он попал на фронт в самом начале войны. Чуть позже призвали и отца. Остальные дети по возрасту не подходили.

*Володя Коротков (1-й ряд) с мамой
и братьями, Анатолием и Александром. 1942 – 1943 гг.*

Несмотря на то, что мне было всего 4 года, я чувствовал страшную беду, которая ощущалась во всем. Помню, как провожали на фронт старшего брата, потом отца. Я ещё не осознавал сущность трагедии, но остро чувствовал угрозу потери близких людей. Поэтому не обошлось без слёз.

В войну все время хотелось есть, поесть побольше, к сожалению, возможностей таких было не много. Были введены карточки на все продукты. В самые тяжёлые годы хлеб выдавали по 400 – 500 граммов на человека, дополнительно давали ещё какие-нибудь жиры, немножко сахара или конфет. До сих пор помню конфеты-подушечки наподобие карамели. Любимым лакомством у нас мальчишек была дуранда. Она была двух видов: подсолнечная и соевая. Из семечек выжимали масло, а все остатки (жмых) прессовали в виде плиток. Это предназначалось для корма животным, но в военное время такое «лакомство» охотно ели и люди. Если удавалось достать кусок дуранды – это было счастье! Соевая

дуранда – погрубее, но для нас она была большим лакомством.

Моя мама была верующая и часто брала меня в церковь. Там всегда было много по-настоящему верующих людей, все ждали родных с фронта и молились Богу, чтобы они вернулись живыми. В то время я мечтал стать попом, когда вырасту. Казалось, что попы вдоволь кушают, так как принимают подношения от прихожан.

Старший брат получил два ранения, одно в ногу, сквозное, а второе, очень тяжелое, в живот. Его эвакуировали в город Горький (теперь Нижний Новгород), сделали операцию, а после излечения дали несколько дней отпуска. Он приехал домой в военной форме. Мама попросила его сходить в магазин, отovarить карточки. Брат взял меня с собой. А в магазинах всегда были очереди. Помню, как люди в очереди расступились со словами: «Проходите, ребята, проходите, сыночки», с уважением пропустили нас к прилавку. Сейчас я понимаю, что это значило.

Во время войны я ходил в военной фуражке. Не помню, как она попала ко мне, возможно, старший брат привез. Фуражка была мне велика, сползала на нос, закрывала глаза. Ни одна

*Володя Коротков с братом Анатолием
и мамой. 1942 г.*

женщина не проходила мимо меня, не спросив: «Мальчик, у тебя есть кто-то на войне?». Я с гордостью отвечал: «Да, папа и старший брат».

Второй брат, Анатолий, после окончания начальной школы пошёл работать, ведь надо было семью кормить, а кормильцев не было. Он выучился и стал классным слесарем на Шуйской Тезинской фабрике. У него были хорошие руки, дома он много всего интересного сделал, до сих пор кое-что хранится в семье. Но брат рвался на фронт и несколько раз записывался добровольцем. Мать собирала ему в мешочек кружку, ложку и что-то поесть. Он не говорил ей, что идет на фронт добровольно. Когда руководству фабрики становилось известно, что Анатолий записался на фронт, его с призывного пункта или с места сбора возвращали обратно, потому что он был нужен здесь, на фабрике.

Третий брат, Александр, окончив 4 класса начальной школы, тоже пошёл работать, чтобы помогать кормить семью.

Газеты во время войны семья не получала, а вот репродуктор был – радиотарелка из черной плотной бумаги. В определенные часы передавали сводки с фронта, и в это время все собирались у репродуктора.

Каждый день с тревогой ждали почтальона. Мать специально выходила на улицу и встречала его. Почтальоном была девушка с большой кожаной сумкой на плече. Ждали с замиранием сердца либо письмо, либо страшную весть... И когда ни того, ни другого не было, трудно было сказать – радоваться этому, или наоборот. Но, слава Богу, отец и брат вернулись с войны.

На фронте отец был связистом, ему приходилось восстанавливать проводные линии связи, если они были перебиты, часто делая это под огнём противника. Очень опасная работа. Он рассказывал такой удивительный случай: был ночной марш лесом, остановились на перекур. Он достал кيسет, набил табаком самокрутку и стал высекать огонь, обычное дело, спички тогда были в дефиците. В лесу оказался снайпер, и он на этот огонёк выстрелил. Часть большого

пальца у отца отрезало. Хорошо, что он к лицу не успел огонь поднести...

Мы, мальчишки, в то время в основном играли в войну. Наиболее авторитетные назначали себя Сталиным, Рузвельтом, Черчиллем. Самый неуважаемый в коллективе был Гитлером. Были у нас Жуков, Василевский и Рокоссовский. Мы знали всех военачальников; разыгрывали сцены Сталинградской битвы, Курской битвы и др. То есть мы были в курсе всех событий войны.

Ещё было кино. Но как в кино попасть? На билеты нужны деньги, а их нет. Так вот шиком среди мальчишек было пробраться на киносеанс бесплатно. Иногда это удавалось. Теперь-то я понимаю, что женщина-контролёр, наверное, видела нас, но делала вид, что не замечает. Военные фильмы мы смотрели по несколько раз. В памяти фильм «Иван Никулин – русский матрос». Современному зрителю он покажется наивным, его и не показывают сейчас, но в то время он пробуждал у нас, мальчишек, огромное чувство гордости за наших солдат и матросов. Фильмы военного времени врезались в память: «Иван Грозный», «Александр Невский», «Два бойца» и др. Перед фильмом в течение нескольких минут обязательно показывали военную хронику. Отсюда мы и знали всех полководцев.

Было ещё одно интересное занятие, которое в настоящее время вряд ли можно наблюдать. Мы, уличные мальчишки – малолетки, часто пели хором, причём хор организовывался стихийно. Просто в холодную ненастную погоду, когда невозможно было находиться на улице, мы собирались у нас в доме, забирались на тёплую русскую печь и начинали горланить патриотические песни. Среди любимых песен были (названия привожу в основном по первым строчкам): «Вставай, страна огромная...», «Артиллеристы, Сталин дал приказ...», «Самовары - самопалы», «Дан приказ ему на запад ...», «Броня крепка и танки наши быстры ...» и многие

другие, которые в настоящее время практически не исполняются, а тогда у всех были в душе и на устах.

Когда объявили об окончании войны, все соседи вышли на улицу. Кто-то с радостью, кто-то со слезами. Все целовались, обнимались; стихийно всё это произошло. Сейчас вот митинги организуются кем-то, а тогда всё это было само собой. И это было незабываемо!

Стали ждать возвращения родных. Не сразу, конечно, но они стали возвращаться. Спустя какое-то время была ещё война с Японией. Ежедневно мы встречали каждый поезд. Людей полно, все ждут, смотрят. Это врезалось в память очень сильно. Зима уже была, мороз. Меня тоже брали встречать поезда, закутав потеплее и повязав маминым платком. Сначала отец вернулся, потом старший брат.

В 1945 году я пошёл в школу. Война закончилась, но первые послевоенные годы были не менее тяжёлыми. Помню, что тетрадей не было. Мы учились писать на газетных листах. Была большая радость, если на день рождения получали тетрадь в линейку или в клеточку или коробку карандашей, а уж если цветных, то это была невероятная радость. Писали карандашом, потом стали писать чернилами. Чернила были в чернильницах-непроливайках, их можно было положить в портфель. В помещениях было холодно. Мы сидели в пальто. В школе были бесплатные завтраки: давали немножечко картофельного пюре, четвертинку солёного огурца и кусочек хлеба. Но это было лакомство, до сих пор помню его вкус. На праздник давали один-два мандарина или апельсин, небольшой кулёчек сахара, примерно столовую ложку. Я всё это приносил домой, чтобы поделиться с мамой. Она, конечно, всё отдавала мне.

На праздники мама всегда что-то пыталась сделать для нас. Помню, однажды мы с соседским мальчишкой, который был постарше меня (мне было лет 6-7), на лыжах поехали в лес, срубили небольшую ёлку, привезли домой и украсили игрушками, сделанными из ваты. Но чаще всего мама водила

меня на ёлку к своей сестре. Она была многодетная мать-героиня и всегда на Новый год устраивала хороший праздник для детей. И я тоже в этом участвовал, рассказывал стихи. Помню, я с трудом выучил стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус», но запомнил его на всю жизнь.

Всё наше детство тогда было босоногое. Летом ходили босиком, даже в лес по ягоды и грибы. Ноги всегда были сбиты. Босиком играли в футбол, кроме «войны» это была ещё одна любимая игра. Мяча, естественно, не было, его делали сами из старого чулка – набивали его тряпками и гоняли этот мяч. А уже после окончания войны мы – мальчишки, все сложились, у кого сколько было денег, и купили настоящий мяч. Накачивали его до звона, а играли всё равно босиком. Помню, ударишь его с подъёма – красное пятно на ноге остается надолго, но мяч летит со звоном. Играли команда на команду с ребятами с соседних улиц на колхозном заливном лугу за рекой Тезой. Естественно, вытаптывали мы этот луг и колхозники нас прогоняли. Мы организовались, ходили в райком ВКП(б), в какие-то городские организации и подавали ходатайства, чтобы нам разрешили играть в футбол на заливном лугу. В конечном итоге нам пошли навстречу, нас перестали прогонять с луга, а мы почувствовали себя взрослыми, способными постоять за себя, свои права и справедливость.

Что же пожелать нашему молодому поколению? Прежде всего, желаю, чтобы не пришлось жить в военное время и быть детьми войны. А уж если, не дай Бог, это случится, то проявить настоящий патриотизм военного времени. А в мирное время элементом патриотизма можно считать добросовестную учебу и работу. Это нужно не только лично каждому, но и всей стране – Родине. Воспитывайте в себе гражданственность и помните, что модная сейчас идеология потребления, на мой взгляд, для страны очень опасна.

Записал А. Евдаков, студент группы 1-29, ноябрь 2014 г.

**Кукина (Шевченко)
Раиса Антоновна**

*канд. техн. наук, доцент кафедры технологии металлов
и деталей машин, работала в ИГЭУ (ИЭИ) с 1965 по 1997 г.*

Родители мои родом с Украины, из поселка Скудный под Донецком.

Я закончила 1-й класс, когда началась Великая Отечественная война. Наша семья в то время жила на Крайнем Севере – на Кольском полуострове в 80 километрах от Мурманска в городе Мончегорске. Это был молодой город, построенный незадолго до начала войны. Там нашли руды, богатые титаном и вольфра-

мом, необходимые для промышленности; построили стратегически важный комбинат «Североникель». На этом комбинате работал мой отец.

Мурманск постоянно бомбили фашисты, а что не удавалось сбросить на город, сбрасывали на Мончегорск. Он оказался всего в 80 километрах от финского фронта, но попыток взять город не было. В 1942 году было принято решение об эвакуации комбината «Североникель» и всего населения Мончегорска в Норильск. До Норильска можно было добраться по Баренцеву морю в короткий период навигации.

Помню очень спешные сборы – подготовку к эвакуации. Родители – украинцы, привыкли жить своим хозяйством, у нас были курочки, поросята. Все это срочно уничтожалось, мясо солили, упаковывали. С собой в эвакуацию

можно было брать минимум вещей. Мне в одежду зашили денежки, на всякий случай.

Отца призвали в военкомат, мы думали, что отправят на фронт. Но, к счастью, отца вернули – его привлекли к работам по эвакуации комбината, нужно было срочно демонтировать оборудование для отправки в Норильск. Что не успели эвакуировать – закапывали в землю или топили в озере, чтобы не досталось врагу.

*В пионерском лагере г. Мончегорска. 1946 г.
Шевченко Рая в верхнем ряду, крайняя справа*

В Мончегорске осталось очень мало жителей – это были семьи специалистов, находившихся на брони. Работала одна школа, в классе нас было всего 12 человек. Нашей семье пришлось перебраться в сарай, переделанный отцом под жилье, чтобы быть поближе к школе, которая находилась в четырех километрах от прежнего местожительства.

Помню полуголодное существование. Нас прикрепили к единственной столовой, до которой приходилось далеко

добираться пешком. Однажды, по незнанию, я положила в похлебку горчицу, есть стало невозможно – очень горько. Было страшно обидно, что не удалось поесть похлебки.

Несмотря на трудное военное время, мы и с горок катались, и праздники отмечали, сами игрушки делали.

Климат на севере очень суровый, но мне никогда не забыть красоту тундры, многочисленные озера, белые ночи, северное сияние.

Война коснулась людей в разной степени. Мы, живя на Крайнем Севере, чувствовали лишь отголоски войны и пережили это трудное время относительно благополучно, потому что отец имел бронь, работал на комбинате. Он был бригадиром такелажников, работал в плавильном цехе. В 1945 году Антон Ефимович Шевченко был награжден медалью «За оборону Советского Заполярья», а еще через год дважды был отмечен медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»

7-й класс. 1947 г.

Шевченко Рая в верхнем ряду, 3-я слева

В 1950 году я окончила мончегорскую школу № 3, потом Ивановский химико-технологический институт и оста-

лась работать в Иванове. Закончила аспирантуру, стала кандидатом технических наук и более 30 лет преподавала в ИГЭУ.

*Записано во время встречи со студентами ИГЭУ.
19 мая 2014 г.*

**Кушникова
Галина Константиновна**

*работала в ИГЭУ (ИЭИ) с 1955 по 2005 г.,
10 лет заведовала кафедрой иностранных языков*

Мне было 11 лет, когда началась Великая Отечественная война. Отчетливо помню первый день войны: он был мирным и теплым. У детей привычные беззаботные летние забавы. И вдруг озабоченные лица близких и просто незнакомых людей и страшное слово «война».

Детство стало уже не таким, как прежде, хотя мы все также до забвения играли в лапту, чижик, городки, гоняли на коньках по пешеходным тротуарам, катались на санках с гор в оврагах. Шла война, поэтому слова «не пойду», «не хочу», «не могу» уже не употребляли.

Я всегда любила стихи. Но и стихи стали другими. Если до войны я читала «широка страна моя родная, много в

ней лесов, полей и рек...», то теперь декламировала о том, как собирали дети лом, чтобы построить танк, или о том, как «бабка чаем недокипяченным напоила немчуру».

Во время войны все лучшие здания города Иваново были отданы под госпитали, в том числе и наша школа № 55. А мы учились в каких-то подсобных помещениях, в подвалах, где в чернильницах-непроливайках иногда замерзали чернила.

В свою родную школу мы ходили уже в качестве самодельных артистов. Сильное впечатление оставило первое посещение школы-госпиталя: кругом бело и бесконечное количество коек с ранеными. А как принимали нас, «артистов», раненые воины! Сколько тепла, благодарности, сердечности видели мы в их глазах.

Хотя линия фронта была далеко от города, ивановцы помогали фронту своим трудом. Лишь в поздние вечера мы видели своих уставших родителей. Некоторое время и я работала в мастерской: шила игрушки, чтобы получить рабочую карточку, на которую давали чуть больше хлеба.

Тяжело приходилось детям в годы войны. Мы испытывали и голод, и холод. Ездили зимой за дровами в лес: мама, я и брат. Транспортom служили сани на лыжах, сделанные отцом. Мама тянула за веревку спереди, а мы с братом толкали их сзади.

У нас дома появилась круглая железная печь, которую по вечерам мы набивали опилками, и она долго оставалась горячей. Великим блаженством было, когда нам с братом мама давала по сырой картофелине. Мы ее резали кружочками, приклеивали к печке, и получалась очень вкусная печеная картошка, которую снимали ножом.

Помню, что зимой мама ездила в деревню менять нашу немудреную одежду и посуду на муку и картофель. Осенью все ходили перекапывать картофельные поля после их уборки. Иногда попадались места, где можно было нако-

пать немного клубней. Правда, приходилось перекапывать большое пространство.

За годы войны маме пришлось продать все свои золотые украшения и посуду, которые ей были подарены на свадьбу, чтобы как-то прокормить нас.

Иногда летом мама водила нас в деревню Марково. Туда надо было идти пешком – приблизительно 25 километров. Особенно было страшно идти лесом. Мама тоже очень боялась, ведь в то время она была совсем молодой. В деревне жила наша родная тетя, бабушка Маша, как мы ее звали. У нее была корова, и поэтому там было сытно. Вспоминаю бабушкины пироги с грибами и ватрушки с молоком. Но у бабушки Маши было много своих детей и внуков, поэтому нас туда не слишком часто водили.

На краю деревни сохранились большие сечи с изобилием земляники. Такого количества ягод я больше никогда в своей жизни не видела. Мы набирали большую бельевую корзину, которую несла мама, и маленькую, которую несла я. Потом мы ягоды продавали в Иванове на рынке, а чаще всего выменивали на хлеб. Вот так и выживали!

Летом нас отправляли в пионерский лагерь. Обычно на заводе папе выдавали одну путевку, поэтому мы с братом ездили по очереди.

Мне еще запомнилась «развариха», которую мама готовила, когда мы съедали хлеб, выдаваемый по карточкам, и есть становилось совсем нечего. Готовилась она так: на керосинку ставилась большая (литра на три) кастрюля с водой и, когда вода закипала, в нее всыпалось два стакана ржаной муки и четверка молока (иногда), затем все это тщательно перемешивалось.

Во время войны продукты выдавались строго по карточкам. Однажды мы съели норму хлеба за три дня вперед. Мама послала меня в магазин: может быть, мне удастся получить на карточки какую-нибудь крупу. Но в магазине мне отказали. Я брела, опустив голову. Очень хотелось есть. В

войну нам всегда хотелось есть. И вдруг навстречу с горы мчится грузовая машина, и с нее падает ящик. Я подбегаю к нему и вижу, что в ящике лежат буханки черного хлеба. Пока я рассматривала его, вокруг ящика собралась большая толпа народу. Стали вести разговоры, что делать с этим ящиком. Прошло несколько минут и вдруг слышу: «Берите хлеб». И на моих глазах буханки стали исчезать из ящика. Вначале я растерялась. Потом пыталась взять буханку рукой, но рука маленькая, и я никак не могла за хлеб ухватиться. Остался последний ряд буханок, я прижала одну из них рукой к днищу ящика. И как сейчас вижу: одна за другой исчезали из ящика буханки. И вот осталась только одна, зажатая моею рукой. Никто не осмелился ее у меня отобрать. Я освободила вторую руку, в ней держала сумку и кошелек с карточками, и взяла буханку. Она была мягкая, теплая, с хрустящей коричневой корочкой. Когда пришла домой с этим хлебом, рассказала маме всю историю, она мне не сразу поверила и долго меня расспрашивала. Буханку по дороге я, конечно, немного покусала, но мама меня на этот раз не ругала. Потом мама со мной долго беседовала и говорила, что я даже не представляю, что может быть шоферу за потерю целого ящика с хлебом.

Во время войны мама работала надомницей: она шила маскировочные халаты для бойцов. Я ей тоже в этом помогала. Выполняла на машинке самые простые операции. В нашей квартире в те дни всегда стучала швейная машинка, которая и сейчас еще хранится как память о войне.

Итак, мне довелось пережить войну, но я встретила с радостью Победы.

Школу я окончила уже после войны. Мы снова возвратились в нашу родную школу № 55, она вскоре стала женской. Все ребята нашего класса были переведены в 30-ю, мужскую. И хотя наша школа была женской, нам преподавали военное дело. Мы умели собирать и разбирать боевую

винтовку, учили нас перевязывать раны и ползать по-пластунски.

Несмотря на пережитое, для меня это была пора молодости и радости!

По материалам газеты «За энергетические кадры»

**Майорова (Лебедева)
Вильгельмина Павловна**

*комендант спортивного корпуса,
работала в ИГЭУ (ИЭИ) с 1967 по 2009 г.*

Я родилась 16 июня 1927 года в деревне Добрищево Комсомольского района Ивановской области. Наша семья была многодетной – у отца, Павла Федоровича, и матери, Марии Петровны, я оказалась «последышем», двенадцатым ребенком. Папе к тому времени уже исполнилось 55, а маме 45 лет.

Хорошо запомнила первый день войны. Был выходной, мы сидели на солнечной лужайке, на маме был новый головной платок. Вдруг прибежали дети-школьники, они кричали, что объявили войну. Мы не сразу в это поверили. Потом все засуетились, начались сборы на войну. Шесть моих братьев ушли на фронт. Четверо погибли – Абрам, Иван,

Дмитрий и Александр. Брат Николай на фронт не попал – ему дали бронь, так как он был главным механиком по оборудованию торфопредприятия. Отец всю войну работал электриком на ИвГРЭС, а мама трудилась в колхозе.

Пять сестер – Нина, Катя, Анна, Мария и я трудились в городе Комсомольске, как могли, помогая делу Победы. Я с 1941 года (с 14 лет) работала на прядильно-ткацкой фабрике «Коммунар» старшим табельщиком, получала рабочую карточку (200 граммов хлеба в день), Нина тоже была табельщиком, Мария – слесарем на ИвГРЭС. Анна возилась в детском саду с детишками – работала воспитателем. Работали мы буквально сутками. Кроме того, меня посылали на лесозаготовки за 20 километров от поселка Писцово, где мы пилили лес на дрова для школы и скотного двора.

В первый год войны наша семья взяла на воспитание пятимесячную девочку Тамару из бедной семьи. Ее мама просила нас помочь, потому что едва выживала с четырьмя детьми. Тамара жила у нас всю войну, а потом, закончив 11 классов, уехала по комсомольской путевке в Тюмень.

Питались плохо, хотя семья держала корову и огород, на зиму запасали грибы и ягоды. Я донашивала одежду и обувь за старшими сестрами. Как все, мы меняли одежду на продукты.

Несмотря на трудности, училась я хорошо, после окончания школы рабочей молодежи поступила в энергетический техникум. Молодость есть молодость – мы бегали на танцы в клуб, ставили там спектакли, я в них тоже участвовала.

Об окончании войны узнали так: рабочие с ночной смены бежали по улице и кричали: «Война кончилась!». Весь народ ликовал, плакал, целовался. А я от радости даже портфель в реку забросила.

Однажды мы получили письмо и фотографию из города Харькова. Оказалось, что в 1943 году два моих брата, Герман и Федор, случайно встретились в госпитале, где ле-

чилились после ранения. С фотографии смотрели летчик и моряк. То-то радости у нас было!

С войны они оба вернулись невредимыми, потом окончили наш Ивановский энергетический институт. Федор участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

*Записала Е. Краснова, студентка группы 1-2,
март 2015 г.*

**Модин
Валентин Александрович**

*профессор военной кафедры,
работает в ИГЭУ (ИЭИ) с 1969 г.*

Родился я 13 мая 1937 года в большом селе Вад, районном центре Нижегородской области.

Мне было 4 года, когда началась Великая Отечественная война. Я жил в то время с матерью, Модинной Анной Григорьевной, домохозяйкой. Отец погиб еще в 1937 году в

результате разбойного нападения. Еще у меня была старшая сестра двадцати лет. Перед войной моя сестра жила в Польше вместе с мужем – офицером – командиром танковой роты. Как раз накануне войны, 21 июня 1941 года, они поехали

в отпуск и в Белостоке попали под бомбежку. Подъезжая к Минску, они увидели, как горел город от бомбовых ударов.

День, когда началась война, я не помню, так как был очень маленьким. Из наших родственников на фронт призвали шесть моих двоюродных братьев, из которых трое воевали на Балтийском море, двое под Москвой и один оборонял Ленинград. С войны не вернулись два брата, один их них был старшим лейтенантом, ему было всего 20 лет. Он погиб под Москвой.

Во время войны наша семья, как и все остальные, переживала бытовые трудности. Питались мы тем, что выращивали сами в огородах и собирали в лесах. Одевались в одежду, купленную еще до войны, и по необходимости переживали старые вещи.

В центре нашего села был Дом культуры, рядом с которым на столбе освещения висел громкоговоритель. Вечером сюда сходил народ, чтобы послушать сводки с фронта, передаваемые голосом Левитана – диктора, которого Гитлер называл «врагом номер два» после И.В. Сталина. Там были и слёзы, и плач, и радость ликования в зависимости от сообщения Совинформбюро.

В 1944 году я пошел в школу. Занятия были организованы так же, как и до войны. Авторучек не было, писали перьевыми ручками, и на каждой парте была баночка с чернилами. Во время школьных каникул подростки помогали взрослым на уборке урожая в колхозе и дома, также заготавливали дрова.

В свободное время мы, дети, играли в разные игры. Дети всегда дети. Основной была игра в войну. Еще любили кататься на коньках, лыжах, играть в футбол, лапту, городки и в чеканку (игра на деньги). А у взрослых свободного времени не было, они всегда были заняты самыми различными делами.

Из праздников помню только новогоднюю ёлку с танцами, хороводами и весельем.

Однажды старшая сестра сшила мне из солдатской детскую военную форму. На ней были погоны младшего лейтенанта, звезда на фуражке и другие элементы формы. Мой путь в школу проходил мимо милиции, и какому-то офицеру милиции не нравилось, что я ходил в фуражке со звездой. Он меня ловил и снимал звезду. Почему? Я не знаю. Но я все равно каждый раз прикреплял её обратно.

Ежегодно весной в половодье в нашем селе прорывало плотину на реке, на которой были построены местная электростанция и мельница. Восстанавливали плотину всем миром, как взрослые, так и дети. Из леса носили хворост, грунт на носилках для ремонта плотины, чтобы её засыпать. Восстановительные работы продолжались примерно 2–3 недели. Это была всеобщая радость, когда в домах вновь появлялось электричество.

Очень много в те годы было инвалидов без нижних конечностей, вместо которых были деревянные самодельные протезы, а некоторые передвигались на специальных тележках на подшипниках, отталкиваясь двумя палками.

Помню, что в селе квартировала группа из 50–100 человек военнопленных немцев. Их привлекали к разным работам: строительству и восстановлению построек, к сельскохозяйственным работам. Взрослый парень однажды побил немца, выбил ему глаз, видимо, решил отомстить за гибель отца, но был арестован, осужден, и больше я его не встречал.

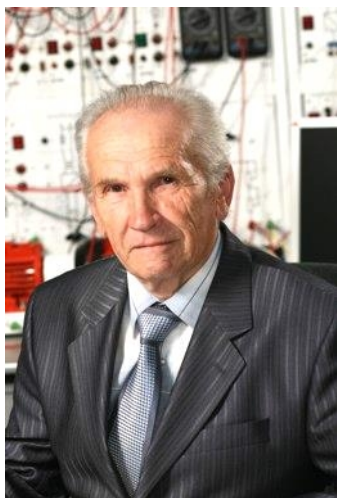
В день окончания войны я был в своем селе и радовался победе вместе со всеми взрослыми и детьми. Все ждали своих близких с фронтов.

Современной молодежи я хочу пожелать хорошей и продуктивной учебы. Сейчас очень важно учиться и быть умным, чтобы стать востребованным на рынке труда и устроиться на хорошую работу.

Записал Д. Чубаров, студент группы 1-42, март 2015 г.

Филиппов
Герман Александрович

*канд. техн. наук, доцент кафедры высоковольтной
электроэнергетики, электротехники и электрофизики,
работает в ИГЭУ (ИЭИ) с 1960 г.*

Я родился 11 сентября 1937 года в городе Шуе Ивановской области. Когда началась Великая Отечественная война, мне было 4 года. Наша семья жила в то время в поселке Новые Горки.

Мой отец, Филиппов Александр Петрович, был призван Лежневским военкоматом на военные сборы еще в начале июня 1941 года. Он воевал на Ленинградском фронте. Их подразделение попало в окружение, и в течение 10 месяцев мы ничего о нем не знали. Потом пришло всего два–три письма, из которых нам стало известно, что их часть сумела выйти из окружения, и они воевали в тылу врага вместе с местными комсомольскими партизанскими отрядами на территории Псковской области.

15 августа 1942 года немцы провели операцию по уничтожению отряда партизан. Очень много людей погибло. Там, в поселке Ляды, в братской могиле похоронен и мой отец. Моя мама, я и мой сын со своей семьей несколько раз ездили туда, чтобы почтить его память.

Семья Филипповых

Все четыре брата моего отца тоже воевали на фронте и пали смертью храбрых. Младший брат, Иван Петрович, был офицером и погиб в Брестской крепости в первый день войны, но он сумел спасти жену и сына, посадив их на машину, вывозившую семьи военных из крепости.

Мой старший брат умер в возрасте двух с половиной лет, через несколько месяцев после моего рождения, так мы с мамой остались вдвоем.

Моя мама, Филиппова Клавдия Мироновна, работала на фабрике в Новых Горках. Во время войны они шили обмундирование, делали заготовки для фронта – сушили картофель, овощи. Кроме работы на фабрике трудились в колхозе и на своих приусадебных участках. Свободного времени не было. Все дни проходили в трудах. Жили тогда дружно, одной семьей, двери на замки не запирали.

Время было очень трудное. Особенно 1941 год, когда немец стоял у Москвы. Наши матери собирали самые необходимые вещи в котомки, чтобы уйти с захваченной врагом территории. Помню звук самолетов, которые летели бомбить

Нижний Новгород и Ярославль. Это было тревожное время. Когда немцев отбросили от Москвы, жить стало легче, появилась надежда на победу.

Во время войны я был маленьким, но в детский сад не ходил, помогал, как мог, маме по хозяйству. Помню, как возил на маленькой тележке хворост из леса.

В годы войны мы питались в основном картошкой и овощами со своего огорода, ягодами и грибами; держали козу. Одевались просто – старое перешивали. Свой первый костюм я купил в студенческие годы.

Навсегда запомнился мне день Великой Победы. Это был весенний, солнечный, ветреный день. Многие женщины переоделись в одежду мужей, погибших на войне, повесили их награды. На улице кроме женщин и детей никого не было, потому что из нашего поселка две трети мужчин не вернулись с войны. Женщины встречали этот праздник со слезами на глазах. Но все равно, все веселились и были счастливы, потому что война наконец-то закончилась.

В 1945 году я пошел в школу. Жизнь села после войны очень изменилась. До сих пор помню 1948 год, когда стали свободно продавать хлеб и маргарин. Так вот, вкус хлеба, намазанного маргарином и посыпанного сверху сахарным песком, до сих пор помню.

После войны, будучи студентом, я донашивал личные вещи отца. Поскольку мама одна обеспечивала семью, то жить приходилось на стипендию 295 рублей. Мать делала все, чтобы выучить меня.

Я хочу пожелать современной молодежи – лучше учиться, более глубоко, творчески овладевать знаниями и готовить себя к самостоятельной работе по избранной специальности. Жаль, что у некоторой части студентов нет стремления к получению хороших знаний.

*Записала А. Лобанова, студентка группы 1-52,
ноябрь 2014 г.*

Чадова
Маргарита Георгиевна

*старший преподаватель кафедры иностранных языков,
работала в ИЭИ с 1971 по 1992 г.*

Мне было 10 лет, когда началась война. Из нашей семьи ушли на фронт 6 человек, в их числе была женщина, врач-хирург. В самом начале войны пропал без вести младший брат мамы, его судьба неизвестна до сих пор. Другой брат мамы погиб под Сталинградом. Четверо воевали до Победы и вернулись домой, но один из них вскоре умер от полученных на фронте ранений. Таким образом, война отняла жизни у половины ушедших на фронт моих родных и осиротила их детей.

И так было почти в каждой советской семье: отцы воевали и погибали. Это война! Отечественная война!

Я жила в глубоком тылу, на северо-западном Урале, в небольшом старинном городке Соликамске на реке Каме.

А как в тылу? Без тыла не было бы победы. Было очень тяжело – работа для фронта, голод и холод. В нашем городе располагались три больших промышленных предприятия, одно из них оборонное – магниевый завод. Везде работали в основном одни женщины и даже дети-подростки, заменившие отцов и ставшие кормильцами для своих семей. Мой муж рассказывал, что, живя в Свердловске, после уро-

ков он шел работать на завод, где делали снаряды для «катуш». И он уже получал рабочую карточку на хлеб.

Я помню, как мы, дети, занимали с вечера очередь за хлебом. Стояли всю ночь на улице, зимой в мороз, прижавшись друг к другу, чтобы было теплее. Это из-за 200 граммов тяжелого черного хлеба на иждивенца и 400 граммов на рабочего. Кто через это прошел, никогда не выбросит в мусорное ведро даже корочку хлеба! Как результат, у меня развилась сильнейшая дистрофия, и я попала в детский санаторий на реке Чусовой. Чтобы нам выжить, мама меняла самые ценные вещи и хорошую одежду на любые продукты.

Школу мы старались не пропускать, так как на большой перемене давали чай – кипяток с сахарином – и маленький кусочек хлеба. Все время хотелось есть. Какая уж тут учеба! А наш учитель истории, демобилизованный по ранению, человек очень серьезный, часто упрекал меня: «Вы, Чадова, способная, но лодырь». Не понимал он, что мне не шла в голову учеба, я все время думала о еде.

Однако мы, школьники, находили силы и время, чтобы навещать раненых в госпиталях, помогать там медсестрам и устраивать праздничные концерты. Раненые очень любили наши посещения, нам верилось, что мы помогаем им выздоравливать.

Среди наших родных из мужчин остались только два двоюродных брата 8 и 11 лет. Нам, женщинам и детям, приходилось заготавливать дрова, пилить и колоть их, хотя от голода сил было очень мало. Мне еще приходилось помогать на огороде своей тете Нине, которой надо было платить налог за дом и огород. Мы вместе с ней носили на продажу зеленый лук в корзинах на коромысле за несколько километров. Муж тети Нины пропал в ГУЛАГе.

Рынок занимал важное место в жизни города. Там можно было купить всё, что нужно, особенно хлеб, но только тем, у кого были деньги, а у нас их не было. Правда, однажды мама мне купила там первые в моей жизни туфельки

(поношенные) на небольшом каблучке для выступления в школьном спектакле.

В свободное время мы с подругами часто собирались у кого-нибудь дома и пели любимые песни о войне. Мы знали очень много песен, заучивали их из передач по радио, которое работало в каждом доме чуть ли не сутками. Я и сейчас помню эти песни.

В нашем городе в первые годы войны появились «чужаки» – высланные немцы Поволжья и крымские татары, а также эвакуированные, в основном из Польши. Мы к ним относились очень дружелюбно и сочувственно. Их дети учились вместе с нами, мы дружили. Вот это был настоящий интернационализм! Мне особенно запомнился один тётин квартирант, немец Виктор, у которого был патефон и пластинки с классической музыкой. Часто он давал нам их слушать, и я особенно полюбила пение Карузо. Спасибо Виктору за то, что он просвещал нас, провинциалов, и развивал наш музыкальный вкус.

Я очень хорошо запомнила день, когда мы узнали об окончании войны. Началось всеобщее ликование. Почти все жители собрались в центре города, нарядные, весёлые, счастливые. Было много цветов, музыки, играли баяны и гармошки, а моя мама пришла с гитарой. Все пели и плясали. Многие плакали – кто от счастья, а кто от горя от потери близких. Этот великий праздник длился всю ночь и, кажется, не один день.

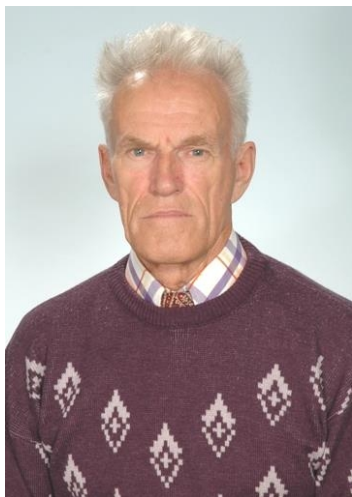
Началась мирная жизнь, которая длится уже 69 лет.

Дай бог, чтобы и дальше не было войны!

Записано 08.05.2014 г. на празднике в честь Дня Победы

Чичикин
Вячеслав Александрович

*доцент кафедры физического воспитания,
работает в ИГЭУ (ИЭИ) с 1965 г.*

Я родился в городе Иваново 23 ноября 1936 года. Мой отец, Чичикин Александр Васильевич, по каким-то обстоятельствам попал в места заключения. Мама, Чичикина Таисия Константиновна, говорила, что послала его в магазин, а он не вернулся. Через полгода пришла «похоронка». Мне было тогда два с половиной года. В семье кроме меня был еще младший брат, 1938 года рождения. После смерти отца мы остались вдвоем на

попечении матери, которая работала на Ивановском меланжевом комбинате.

Мне было 5 лет, когда началась Великая Отечественная война. Для нашей семьи наступили тяжелые времена. Мама работала длинными сменами, меня отправляла в детский сад, а брата – в ясли на круглосуточное содержание. Домой нас забирали только в выходные. До сих пор помню, что выходной день был в пятницу, это был единственный день, когда мы были дома, а так почти по целой неделе находились в детском саду и яслях. Иногда, хоть и редко, в детском саду бывали ночные тревоги, и тогда нас выводили в бомбоубежище, располагавшееся в соседнем доме.

Очень тяжело было с питанием. В выходные дни, зимой, мама собирала различные вещи, которые остались от

отца, укладывала их на санки и уходила обменивать на продукты. Когда она приносила что-то поесть, мы были очень рады. Есть хотелось всегда. Мне запомнилось, как каждые выходные, в детском саду выдавали крупу: мама приходила с котелком, и ей насыпали туда пшена.

Нам повезло – мама умела шить. Всё, что я носил, было сделано ее руками: штаны, рубашки; на лето вязала тапочки из вигони (искусственное волокно), на зиму шила чуни (простеганная обувь, изготовленная из ткани и ваты). Иногда в магазинах можно было приобрести калоши. На моей памяти был такой случай: у друга в давке за калошами погибла мама.

В детском саду нас старались отвлечь от тяжелой жизни: каждый день выводили на прогулки, летом вывозили на так называемые дачи, за город. Целыми днями мы играли в различные детские игры, но игрушек не было. Помню, когда я был чуть постарше, у меня появился мяч. Мама пошла в магазин, а я гулял на улице. И вот я пнул мяч и мне показалось, что тот попал в открытые двери магазина. И сколько я мяч не искал, так и не смог его найти.

Когда я пошел в школу, были очень большие трудности с бумагой и учебниками. Я писал даже на серой оберточной бумаге, в которую в магазинах заворачивали продукты. Помню, как в третьем классе я рисовал горн, барабанные палочки и что-то еще. Красиво старался написать торжественное пионерское обещание. Вот так я стал пионером, а потом каждое лето ездил в пионерский лагерь в Оболсуново.

Из праздников отмечали 1 Мая, день Октябрьской революции и Новый год. Я помню, как мама брала нас с собой на Меланжевый комбинат и, прежде чем идти на праздничную демонстрацию, вела в столовую комбината. Поэтому для нас это был действительно праздник, и мы всегда шли туда с большим удовольствием. На Новый год в драмтеатре устанавливали елку и устраивали новогодний праздник. Все работники предприятий получали для своих детей пригла-

шения. На елке каждому ребенку выдавали праздничные гостинцы, в которых были и конфеты, и мандарины. В то время мандарины были просто несказанным подарком, так что всегда хотелось, чтобы этих гостинцев было как можно больше.

Все детство я был предоставлен сам себе, учился не очень хорошо, больше любил гулять, играть в футбол и хоккей. Я был достаточно активный мальчишка.

День, когда кончилась война, запомнился мне больше всего. Мама ушла на работу в утреннюю смену, к 6 часам утра, и я остался дома один. Я был очень удивлен, когда она вдруг вернулась с работы. Я спросил у нее: «Почему ты так рано пришла?», а она мне ответила: «Сынок, война кончилась».

После школы-семилетки мне хотелось поступить в техникум физкультуры. Но соседи отговорили мою маму, и она запретила мне это делать. Тогда пришлось подать документы в хлопчатобумажный техникум, в который я не хотел идти. Первый же экзамен я не сдал, так как просто перестал писать то, что диктовали. После этого поступил в 49-ю школу, в которой проучился два года. За это время я прочно освоил такие предметы, как математика, физика, и после окончания 9-го класса даже хотел пойти на физико-математический факультет, но маме было очень трудно содержать нас с братом, поэтому я решил устроиться на работу. А сделать это в то время было крайне сложно, мне даже пришлось писать письмо Председателю Совета Министров, для того чтобы оказали содействие в трудоустройстве, и, как ни странно, меня приняли на Меланжевый комбинат в трепальный цех. Приходилось трепать хлопок, цех был очень пыльный, и работа была не из легких. Проработал я там 8 месяцев, после чего был призван в армию. Отслужив 3 года, я снова вернулся в трепальный цех. Вскоре я поступил в Ивановский педагогический институт на факультет физвоспитания. Успешно окончив институт, я уехал работать по

направлению в город Камень-на-Оби Алтайского края. У меня там была минимальная нагрузка, денег едва хватало, чтобы прокормить себя, поэтому я вернулся назад в Иваново. В ноябре 1963 года меня пригласили работать в вуз, который я окончил, где я и начал свою педагогическую деятельность. Поскольку я занимался тяжелой атлетикой, то в марте 1965 года я перешел работать в Ивановский энергетический институт, где открылся специализированный зал тяжелой атлетики. Сначала я работал простым преподавателем физвоспитания, потом стал старшим преподавателем, а сегодня я ответственный за учебную работу на кафедре физвоспитания. В марте 2015 года будет 50 лет, как я работаю в ИГЭУ.

Я хотел бы пожелать современной молодежи быть упрямее и избавляться от вредных привычек, заниматься физкультурой, только тогда они будут молодыми и здоровыми.

*Записал Н. Овсов, студент группы 1-42,
ноябрь 2014 г.*

Шалыгин Владимир Фокович

*техник учебно-методического управления,
работал в ИГЭУ (ИЭИ) с 1985 по 2014 г.*

Я родился 28 сентября 1935 года в Белоруссии в большой деревне Лозово Буда-Кошелевского района Гомельской области. Когда началась Великая Отечественная война, мне было почти 6 лет. Отец, Шалыгин Фок Евменович, был призван на фронт. Мать, Шалыгина Елена Трофимовна, осталась одна с 5 детьми, самому младшему исполнился месяц. Он родился 23 мая 1941 года.

Для меня война началась, когда немцы вошли в нашу деревню, в июле 1941 года. Я запомнил этот день на всю жизнь как величайшее горе для моей семьи. Я помню, как увидел немцев, въезжавших в деревню на велосипедах и мотоциклах, и побежал к маме. У нас был вырыт блиндаж в саду, под яблоней, в котором мы укрылись вместе с соседями. Всюду рвались снаряды, шел бой, с яблони сыпались яблоки, а мы сидели в блиндаже. Потом мать высунула голову и сказала: «Дети, наш дом горит!». Дом соседей тоже горел, и следующий дом горел: немцы подожгли почти все дома в деревне. Мы остались лишь с тем, что на нас было тогда надето, все остальное сгорело вместе с нашим домом. Решили пойти в соседнюю деревню Анастасьевку, нужно было перебраться через реку. Из кустов вышел немец с ав-

томатом, пересчитал нас и показал жестами, чтобы мы оставались на месте, иначе всех расстреляют. Потом он доложил о нас командованию и перевел через речку, как раз в ту деревню, в которую мы шли. В Анастасьевке мы жили у чужих людей, которые кормили нас и заботились по мере своих сил. Через 5 дней мы вернулись в свою родную деревню, нас приютили дедушка и бабушка, родители мамы, их дом уцелел.

Деревня находилась рядом с передовой. Я помню, как на реке спрятались пять наших солдат. Среди деревенских жителей нашелся предатель, который показал немцам, где они сидят, и их расстреляли. Уже после войны этот человек отсидел 20 лет за свое предательство.

Оккупанты назначали себе помощников из местного населения – старост, которые организовывали людей и отправляли их на различные работы для нужд фашистов. Всех 13 – 14-летних подростков немцы забирали и отправляли в Германию как рабочую силу.

Помню, как однажды фашисты собрали всех жителей деревни у сельского клуба и на глазах у них сбросили живыми в колодец пятерых стариков, а сверху на них скинули бороны, которыми бороздят поле, зубьями вниз. После чего возле колодца поставили несколько часовых и оставили стариков медленно умирать от полученных ран.

Запомнился такой случай: старостой деревни был назначен свой человек, связанный с партизанами. Кроме выполнения непосредственных обязанностей он шпионил за немцами, собирал разведданные, отвозил партизанам в лес продукты. Дело в том, что старосту фашисты не контролировали. А после войны ему дали 10 лет лагерей, даже несмотря на то, что он помогал партизанам.

Военные, которые попали в окружение в начале войны, потом организовывали в лесах партизанские отряды. Они, как могли, вооружались, в основном трофейным немецким оружием. Партизанские отряды вступали в боевые

действия с фашистами: внезапно нападали на них, подрывали вагоны с боеприпасами и цистерны с горючим. Наша деревня была в 20 километрах от железной дороги, и до нас доносились звуки взрывов.

В скором времени вернулся мой отец (он тоже вышел из окружения) и примкнул к партизанам. Отец жил в партизанском отряде и иногда тайно навещал нас.

Помню, как однажды к нам пришел отец, а с ним еще двое партизан, а в это время по дороге ехала немецкая военная почта. Один из партизан через окно разговаривал с женщиной. Немцы увидели его и погнались за ним, он пытался убежать, но его застрелили. Мой отец и его товарищ сели на лошадь и ускакали. Они успели устроить засаду этим немцам в лесу: троих убили, а один убежал.

Мы готовились хоронить убитого партизана, но заметили, что из соседней деревни движется немецкая колонна бронетехники. Мать, забрав детей, убежала в лес к партизанам, которые отвели нас в другую деревню. А тем временем около нашей деревни шел бой партизан с немцами. Бой длился целые сутки, ни один партизан не был убит, зато вся немецкая бригада была расстреляна. Нашим помогло то, что немцы шли из деревни по ровному полю, примерно метров 800–900, а у партизан была более выгодная позиция: они находились в лесу и обстреливали немцев с деревьев. Немцы уже хотели отступить, но нашелся предатель или подосланный врагами шпион, который сообщил им, что у партизан закончились боеприпасы. Немцы вновь атаковали лес, но не нашли там ни одного партизана! После этого боя командир немецкой бригады был расстрелян своими же как враг.

Куда делись партизаны, я понял только после войны. У них в лесу были вырыты убежища-блиндажи под большими деревьями с мощной корневой системой. Они залезали в них и быстро закрывали проходы ящиками, в которых были укреплены кусты, деревца, ветки, все это было присыпано листвой, поэтому проходы становились невидимыми.

Немцы не нашли тогда ни одного партизана, но встретили в лесу женщину, которая спасала свою корову, попавшую в торфяник. Они жестоко пытали ее, стремясь узнать, где прячутся партизаны: срезали целые полосы кожи, посыпали раны солью. Женщина умерла от пыток. У нее осталось пятеро детей, муж был на войне. Люди не бросили детей: кормили их, присматривали за ними, пока отец не вернулся с фронта.

После этого случая фашисты собрали мужчин со всех окрестных деревень, в том числе и обоих моих дедушек. Приказали им вырыть большую яму и расстреляли в ней всех, кроме четырех человек. Тех, кто остался жив, заставили засыпать яму землей, а потом расстреляли и их.

Ненависть к фашистам росла. Партизанские отряды набирали силу. Со временем немцы до того стали бояться партизан, что даже не ходили по одному в туалет.

В войну, да и в послевоенное время, с едой и с одеждой было очень тяжело. Выживали, как могли. В семье не было ни коровы, ни курицы, поэтому ни молока, ни мяса мы не ели. На всю деревню была только одна корова. Все жили натуральным хозяйством, сажали картошку. Летом мы ходили в лес за ягодами и грибами. А после войны собирали даже гнилую картошку, пекли из нее лепешки и ели их.

Одежду изготавливали сами. У нашей семьи было 50 соток земли. Мы сеяли лен, убирали его, молотили. Семена шли на растительное масло, а волокно – на изготовление полотна. Лен замачивали в воде на 2 – 3 недели, потом сушили, мяли, трепали, очищали, чесали, пряли. Из льняных нитей ткали полотно, затем его отбеливали при помощи золы. И уже из этого полотна шили рубашки, штаны, простыни и пр. Ткани окрашивали сами, для этого я собирал желуди, брал ржавый гвоздь и варил все это. Получался краситель коричневого цвета. В качестве обуви шили из полотна так называемые бурки (в России – чуни), а поверх их надевали калоши, вырезанные из резиновых камер для колес. А летом бегали

босиком. (Где-то в 1947 году, когда мой старший брат Иван окончил ремесленное училище и стал работать столяром, он купил мне первый в жизни хлопчатобумажный костюм и первые ботинки.)

Жители деревни помогали партизанам, как могли: по очереди пекли хлеб, готовили еду, а по ночам партизаны приходили и забирали приготовленное.

Мне запомнилось, как однажды отец пришел к нам, а с ним трое партизан, мы решили напечь картошки. Они лежали на полу в ожидании, пока она приготовится, и разговаривали. И тут в окно постучал немецкий офицер. Вместе с ним был целый отряд. Им нужно было узнать дорогу на Неговку. Нужная им дорога проходила через лес. Отец с другими партизанами опередили их, устроили там немцам засаду, забрали их оружие и боеприпасы.

Весной 1943 года, перед тем как наши войска вошли в деревню, был жестокий бой. Так как наш дом был на самом краю деревни, в нем расположился немецкий штаб, а нашу семью выселили в сарай. К утру бой стих, и не было видно ни одного немца. Я помню, как мать вышла на улицу и увидела строй наших солдат. Сначала у нас было недоверие: а вдруг это немецкая провокация, выбежишь им навстречу, и всех расстреляют. Но как только жители деревни поняли, что это действительно наши, обрадовались, сразу начали чистить картошку, готовить еду, кто какую мог. Помню, как военные открыли солдатскую тушенку... Для нас это было невиданное лакомство, я до сих пор помню этот запах.

После освобождения деревни нашими войсками партизаны стали воевать в составе Советской Армии. Мой отец служил в саперных частях: минировал, разминировал, строил мосты; был контужен неоднократно, награжден орденами и медалями. Он живым вернулся домой. Всего с фронта вернулись в нашу деревню не более 10 мужчин, а до войны в деревне было 175 домов! Не дай бог никому испытать то, что испытало наше поколение.

Окончив школу, я много лет служил в секретных частях Советской Армии. В 1959 году переехал в Иваново и 30 лет проработал в ИГЭУ: отвечал за сельскохозяйственные работы студентов и сотрудников, потом работал техником в учебно-методическом управлении энергоуниверситета.

Я желаю каждому студенту с интересом относиться к учебе и постигать науку. А самое главное, никогда не грубить своим родителям, ведь именно они дали вам жизнь. Помните, что родители превыше всего.

Записал Н. Овсов, студент группы 1-42, декабрь 2014 г.

**Бушуев
Владимир Васильевич**

*доцент кафедры физического воспитания, мастер спорта,
старший тренер по боксу,
работает в ИГЭУ (ИЭИ) с 1964 г.*

Я родился в 1939 году в городе Юже Ивановской области. В то время, когда началась война, мне было всего 3 годика, я мало что помню. Но мне в память врезался тот день, когда я провожал отца на войну. Мой отец, Бушуев Василий Яковлевич, был офицером милиции. Я помню, как меня везли на санках, а он шел впереди в офицерской форме. Я кричал ему: «Папа, куда ты?», а мама отвечала: «Он в командировку, придет».

После того как отец ушел на войну, я проводил много времени у бабушки с дедушкой. Дед был кузнец, он подковывал лошадей и делал многое для нужд колхоза, а я помогал ему, как мог, хотя был маленький.

Трудностей с едой у нас, практически, не было, т.к. у бабушки была корова и свой огород. Моя мама, Галина Ивановна, работала заведующей детским садом, я иногда приходил к ней на работу. Порой с собой приводил ребят с улицы, которые действительно были очень голодными, нас сажали за стол и кормили тем, что оставалось.

Ближе к концу войны мы получили сообщение, что мой отец погиб вместе со всей ротой. Ему не хватило всего чуть-чуть, чтобы дойти до Берлина. После окончания войны я продолжал ждать отца. Помню, как в город заезжали машины с возвращающимися с фронта солдатами. Все бежали за ними с криками радости, с ликованием, и я тоже бежал, пытаюсь найти отца.

Спустя какое-то время после извещения о смерти отца мама вышла замуж за Милютина Василия Михайловича и взяла его фамилию. А я с гордостью ношу фамилию отца.

С детства я любил спорт и в своем городе занимался почти всеми его видами, какими было возможно. Основой всего я считаю гимнастику, но жизнь свою навсегда связал с боксом.

Я желаю современной молодежи, чтобы они как можно меньше сидели у компьютеров и как можно больше занимались спортом. Очень хочется, чтобы ребята занимались боксом и вернули Иванову звание «города боксеров».

Записал Н. Овсов, студент группы 1-42, декабрь 2014 г.

**Шингарев
Марк Романович**

*канд. техн. наук, доцент кафедры
теоретических основ теплотехники,
работал в ИГЭУ (ИЭИ) с 1963 по 2014 г.*

Я родился в 1931 году.
Когда началась война, уже не
маленький был – 10 лет.

Война началась для меня с порки. Прибежал я домой вечером, по радио выступал Молотов. Я радостно говорю: «Папа! Война!». В то время нас воспитывали в духе патриотизма: нашей стране никто не страшен, нам «чужой земли не надо, но своей и вершка не отдадим». Поскольку я восторженно принял это известие, то и получил порку от отца.

Жил я в то время в Иванове в доме № 3 по улице Центральная (сейчас это улица Калинина). Это был большой элитный кирпичный дом в 6 этажей. Его заселили в 1934 году, а в 37-м многих крупных специалистов, живших в нашем доме, репрессировали. В дальнейшем их реабилитировали, многих – посмертно. В освободившихся квартирах поселились крупные начальники города Иванова, например начальник НКВД Кузнецов (его сына мы не принимали играть в свою компанию). У нас до войны был лучший двор в городе: большой, ухоженный, непроходной, было много цветов.

В семье я был единственным ребенком. Отец, Роман Васильевич, на войне не был, поскольку у него было плохое зрение.

Мой дядя Игорь погиб под Сталинградом, тетя была военным врачом, другая моя тетя – блокадница. Когда про-рвали блокаду Ленинграда, она приехала в Иваново, преподавала английский язык в Ивановском энергетическом институте.

В первые дни войны люди начали скупать продукты, которые были ещё в свободной продаже: соль, крупы, вермишель, даже зубной порошок. Сразу всё пропало в магазинах, и появились карточки. Что это такое, не дай Бог вам узнать. Первый год войны был особенно голодным, потому что у городских жителей никаких запасов и огородов не было. Люди быстро раскопали все газоны, цветники, свободные площадки в нашем дворе, да и повсюду в городе, и посадили картошку. Моя тетя, как преподаватель, получила участок земли под огород за нашим институтом, там, где сейчас спортивная площадка, я помогал ей его обрабатывать.

По карточкам получали очень мало – минимум продуктов, необходимых для выживания. Все продукты измерялись очень точно, кусочек хлеба с ноготь величиной довели, если было необходимо. Все, кто не работал, считались иждивенцами, в том числе дети. По карточке иждивенцу полагалась минимальная норма хлеба и других продуктов – какие-то граммы. Сладкого не было. Сахар появился только в 1943 году. От голода опухали руки. Дома зимой было очень холодно – температура в квартирах была около 12 градусов.

Взрослые ездили в деревню, меняли хорошие вещи на продукты, привозили 2 – 4 килограмма неочищенной ржи, овса или пшеницы. Молоко покупали на базаре только по праздникам. Литр молока стоил столько же, сколько килограмм картошки – 70 рублей. Много это или мало – трудно сказать, зарплата инженера была не выше 1000 рублей.

За годы войны мне пришлось сменить несколько школ. Сначала я ходил в школу № 52, но в ней разместился госпиталь. В самом начале войны школьные занятия проводили даже на дому. Потом я учился в начальной школе № 7, она размещалась в Доме пионеров на улице Батурина. После окончания начальной школы мы продолжили обучение в школе № 36. Но после того, как ее здание было занято Морским училищем, переведенным из Прибалтики, я учился в школе № 14, которая впоследствии стала школой № 30.

Кроме основных предметов в школе преподавали военное дело. Мы сдавали нормы ГТО, катались на лыжах, много занимались спортом. Хилым быть было стыдно.

В военное время мы учились и одновременно работали, помогали, как могли, фронту и своим семьям. В Доме пионеров на улице Батурина работали различные кружки: ИЗО, физический, электромеханический, слесарно-столярный, в котором были всевозможные станки: фрезерный, сверлильный, строгальный, токарные по дереву и по металлу. Мы, школьники, учились на них работать. В столярно-слесарном кружке мы делали волокуши (носилки с полозьями, чтобы вытаскивать раненых с поля боя).

Многих школьников пригласили работать на завод 747 («Ивтекмаш»), там мы, подростки, помогали делать мины. Токарями работали женщины, наши матери. Мы таскали тяжелые болванки, которые весили около 26 кг каждая. Работали не за деньги, поскольку получали мало – около 70 рублей, а за рабочую карточку, по ней полагалось больше еды раза в два, чем на карточку иждивенца. С этого времени для нас закончился голод. Также наша семья стала сажать картошку, причём участок был далеко, за 30 километров от Иванова, в Комсомольском районе, в лесу.

Жили в то время очень просто, очень скромно, выжили, кто как мог. С одеждой было плохо. Мне сшили зимнюю куртку из мешка, окрашенного луком. Эту куртку ры-

жего цвета я носил почти до поступления в институт (1949 г.).

Летом мы с друзьями много времени проводили за городом. Ездили на велосипедах на рыбалку те, у кого они были. Я был одним из счастливичиков – обладателем довоенного велосипеда «МВЗ». Велосипед был редкостью, чтобы купить его, нужно было сдать 100 килограммов металлолома, записаться в очередь и ждать полгода.

В то время мы многое мастерили своими руками, брали пример и учились у старших ребят из нашего двора: Славы Зверева, Леши Кондакова и др. Мы делали авиационные модели, планеры, которые можно было запускать из рогатки; «мотали» электромоторы из консервных банок, чтобы наши модели двигались. Леша Троицкий сделал из жести красивую модель парохода с котлом, турбиной, он плавал по Уводю у Туляковского моста. У всех, конечно, было оружие – рогатки, делали пистолеты под малокалиберный патрон. Мы с Вовкой Голубковым сделали «централку» – ружьё центрального отбоя, ствол был латунный, длинный, настоящий, с нарезкой. И «лупили» из него – будь здоров! Володя Голубков потом стал генеральным конструктором завода «Точприбор».

В военные и послевоенные годы было очень серьёзным отношением ребят к учебе, не хотелось быть дураком. У всех, кто со мной учился, было желание поступить в институт.

В 1949 году я поступил в ИЭИ, учился хорошо, с повышенной стипендией. Было стыдно плохо учиться, тройки в то время были редкостью, потому что вместе с нами учились фронтовики, они задавали нам тонус. У всех студентов была хорошая физическая форма – занимались спортом.

Я с красным дипломом окончил вуз и остался работать старшим лаборантом на кафедре автоматики. Потом поехал в аспирантуру и, как положено, отработал несколько лет на предприятии. Опять попал в ИЭИ я совершенно случайно:

встретился в трамвае с заведующим кафедрой, и он предложил мне вернуться в институт, где я и проработал 51 год.

Молодёжи я пожелал бы более серьёзного отношения к жизни и учебе.

Записал А. Евдаков, студент группы 1-29, март 2015 г.

**Яблоков
Лев Дмитриевич**

канд. техн. наук, доцент кафедры паровых и газовых турбин, работает в ИГЭУ (ИЭИ) с 1968 г.

Родился я в 1935 году. Когда началась война, мне было 6 лет. Наша семья жила в городе Иваново. Отец, Яблоков Дмитрий Алексеевич, до и во время войны работал на Меланжевом комбинате заместителем главного механика, мать, Мария Дмитриевна, была ответственным секретарем редакции газеты «Меланжист» на том же комбинате. В семье я был единственным ребёнком. С нами жил дедушка — Рыбаков Дмитрий Иванович.

Помню, как началась война: был светлый день, все гуляло на улице, ребята на спортивной площадке играли в лапту. Внезапно прозвучало сообщение — все разбежались по домам. Я не понимал, что происходит, но чувство тревоги от родителей передалось и мне.

Отец был освобождён от воинской обязанности по брони. На фронт ушли четыре его брата, в живых осталось двое. У матери тоже брат ушёл на фронт, там попал в плен, за это после окончания войны он был отправлен в лагерь на Сахалин. Перед возвращением на Родину его предупреждали: «Имей в виду, вернёшься, будешь подвергнут репрессиям». Но, несмотря на это, он решил вернуться.

Жизнь с началом войны изменилась моментально. Все стали испытывать материальные трудности. Вскоре ввели продуктовые карточки. Ограду у комбината сняли и пустили на строительство бомбоубежища.

В войну было очень голодно. На карточки много не получишь, спасало личное хозяйство: выращивали овощи, держали кур, поросёнка. Выручало ещё то, что зарплату родителям на комбинате выдавали тканью. Мать ходила на рынок и продавала её, на эти деньги и жили. Питались скудно, помню, лучшим лакомством была печёная картошка в горшке. Квартира была двухкомнатная, но жили мы лишь в одной комнате. Печи топили торфом, но его не хватало. Одевались, кто во что мог. Школьной формы не было, никто и внимания не обращал на одежду, главное – не замерзнуть.

Транспорт в городе стал ходить намного хуже. В начале войны частыми были налёты и бомбежки, т.к. через Иваново шли эшелоны на Ярославль и Горький. Окна заклеивали тканевыми лентами от бомбёжек. Помню, на крыше комбината и здании городского Совета стояли зенитки. Тревоги бывали по 2 – 3 раза в день, а вечером сидели при свечах, потому что свет включать запрещалось.

В 1943 году я пошёл в 18-ю начальную школу – двухэтажное здание с печным отоплением, дров не хватало, ряд окон был забит фанерой. На занятиях мы сидели в верхней одежде, чтобы не замёрзнуть. Иногда с мясокомбината в школу приносили студень, подкармливали нас.

Популярным было тогда тимуровское движение – пионеры собирались в группы и помогали семьям фронтовиков: убирали в доме, носили воду, чистили снег.

В школе у нас была концертная бригада: ходили в госпиталь, поддерживали дух раненых (пели песни, читали стихи). Взрослые собирали гостинцы: кисеты, варежки и т.д., а мы всё это передавали раненым после выступления.

Во время войны отмечали 1 Мая – ходили на демонстрацию, а Новый год встречали дома. Наша квартира через ванную соединялась с соседней, поэтому собирались либо у нас, либо у них.

Мы много в то время читали, в основном книги патристического содержания: «Как закалялась сталь», «Как мы спасали челюскинцев», «Подвиг разведчика», «Повесть о настоящем человеке». Во время каникул я прочитывал всю литературу, что задавали на лето. С отцом ходили за грибами и ягодами, с тех пор очень люблю природу. А ещё дети в «войну» любили играть.

Ещё помню выставку разбитой немецкой техники, она находилась у цирка.

В День Победы я был дома, чувства, которые переживал в тот день, сейчас не передать, такой это был восторг!

В 1947 году я закончил начальную школу и перешёл в школу-десятилетку № 42, рядом с ТЭЦ-2. Мне очень повезло, у меня появились настоящие друзья, с которыми дружу до сих пор. В 1953 году я тяжело заболел, пропустил почти две четверти, но это не помешало закончить школу с серебряной медалью. Хорошо помню свой выпускной вечер. Деньги на его проведение ребята накопили сами, работая на заводе. После школы поехал поступать в Московский физико-технический институт. Не поступил. В 1958 году поступил в Ивановский энергетический институт на теплоэнергетический факультет (кафедра паровых двигателей), закончил вуз с отличием. После окончания работал в ИЭИ лаборантом, ассистентом. В 1964 году поступил в аспирантуру в

Москве, в 1967 году защитил диссертацию, в 1970-м получил звание доцента. До сих пор работаю в энергоуниверситете.

По правде говоря, я очень завидую нынешней молодежи. Ей нужно понять, какая цена у жизни. Серьезней относиться к тому, что ее окружает, и стремиться, чтобы каждый день был прожит не бесполезно.

*Записала Е. Краснова, студентка группы 1-2,
декабрь 2014 г.*

**Ясинский
Фёдор Николаевич**

*д-р физ-мат. наук, профессор кафедры
высокопроизводительных вычислительных систем,
работает в ИГЭУ (ИЭИ) с 1965 г.*

Я родился 2 октября 1933 года в Москве. Семья была небольшая: мама, папа, бабушка и я. Папу, Николая Степановича, в 1937 году взяли в армию, он находился в лагерях, больше ничего о нем не знаю.

Мама, Татьяна Фёдоровна, до войны работала в техникуме, преподавала химические технологии.

Мне было 7 лет, когда началась война. Начало войны я встретил в Подмоскowie, в маленьком городке Гривно, около Подольска. Как раз со стороны Серпухова двигались на Москву немцы.

Помню, как мы с матерью выбирались из Гривно. Сначала добрались до Москвы, а потом в Иваново. Путь был долгий и сложный, везде стояли патрули.

Военных действий в Иваново не было, война обошла город стороной. Но в начале войны в Иваново воздушная тревога объявлялась довольно часто, даже были метания бомб на Иваново. Помню, как однажды в начале войны летел немецкий самолет-разведчик, как его обстреливали зенитки.

Когда началась война, я пошел в 1-й класс, учился в школе № 23. Учителя у нас были хорошие, но учился я средне. Класс был битком набит детьми. В школе было очень холодно. Мы организовали театр, ставили пьесы на военные темы.

Моя бабушка работала врачом. В любую погоду она ехала за много километров лечить больных и раненых. Однажды она взяла меня с собой в деревню Бородино Гаврилово-Посадского района.

Во время войны было очень голодно. Питались по карточкам. Из продуктов мы ели в основном картошку, капусту, иногда грибы. Мать готовила котлеты из картофельных очисток. Помню, как начали приходить по ленд-лизу военные поставки из Америки, среди них – американская тушенка. Если удавалось получить по карточкам банку тушенки – была большая удача. Немножко нас подкармливали и в школе, водили в какую-то столовую.

Помню, как на улице собирал милостыню мальчишка – беженец из Ленинграда. Все его жалели и подавали ему, потому что у него была очень хорошая, душевная улыбка. Помню, как по нему ползали вши, казалось, размером с лягушку. Такие страсти бывали во время войны.

Я очень увлекался в то время авиацией, старался пробраться на местный аэродром, смотрел, как летают самолеты.

Однажды в Иванове случилась авария с американским самолетом «Аэрокобра». Самолет разбился неподалеку от дома-корабля, и мы с мальчишками разбирали его и растаскивали обломки. А самолет был интересный, его двигатель был расположен сзади кабины пилота, что позволяло разместить в передней части фюзеляжа мощное вооружение.

Хорошо помнится День Победы, как люди радовались. Мне тогда было 12 лет.

В Иванове было очень много пленных немцев. Жили пленные тогда в цирке. Их привлекали к ремонту и постройке зданий. Помню, что они электричество в подъездах чинили. Пленные говорили: «Картошка, семечки есть? Давай!».

Современной молодежи я бы пожелал не очень увлекаться Западом, который уже сгнил на корню, и больше помнить русские традиции.

*Записал Д. Чубаров, студент группы 1-42,
ноябрь 2014 г.*

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

**Афенков
Николай Иванович**

*доцент кафедры физики,
работал в ИГЭУ (ИЭИ) с 1972 по 1992 г.*

Самое главное событие – я остался жив

Я родился 7 октября 1926 года в деревне Зернилово Тейковского района Ивановской области. Мой отец был токарем высшего разряда, работал на железной дороге. Мне его работа не нравилась: придет домой весь черный, только глаза и зубы блестят. Я хотел «головой» работать. Мать была домохозяйкой. Всего в семье нас было восемь человек.

В Великой Отечественной войне из нашей семьи довелось участвовать только мне. Два брата служили, но уже после войны.

Старшая сестра училась в мединституте и была недолго в Польше на линии фронта. При каких обстоятельствах вернулась, не помню. Еще с детства у меня был большой интерес к музыке, мы с отцом купили баян за 14 рублей 60 копеек и спрятали его в дровах. Там он пролежал месяц, до тех пор, пока мама не оказалась в хорошем настроении и мы с папой не решились ей его показать.

В школе я проучился семь классов, затем полгода в техникуме и полтора года в музыкальном училище (руково-

дителем был Соломон Исаакович Ямпольский, выдающийся скрипач).

Добровольцем на фронт меня не брали, сколько я ни ходил и ни просил. Взяли потом по призыву 13 ноября 1943 года. В то время я играл на баяне в райвоенкомате, и меня собирались оставить на брони, но я отказался. «Как это так? Все идут на войну, а я за чужими спинами буду сидеть? Нет, я так не могу». Когда все-таки была комиссия, меня спросили: «Ну, куда хочешь-то?». Я ответил: «На флот».

Первые дни службы

Призывали меня в Иванове. Ехали на фронт через город Тихвин под бомбежкой. Ехали поездом, только ночами, на огромной скорости, потому что риск был большой. Днем стояли в лесу. Некоторые нам не верили, говорили: «Не может быть, там было кольцо». Так что же нас под землей что ли везли? Бомба справа, бомба слева, слава Богу, в рельсы не попало. Вот оно и есть кольцо!

Сначала я был направлен в Рузовские казармы. Там пробыл всего неделю, а показалось, что месяца два. Там же произошел неприятный случай. Мне мама с собой дала 720 рублей (еле-еле наскребла), они у меня были спрятаны в подушке и однажды пропали. Когда все ушли на обед, я со своим другом, Костей Волковым, стал искать деньги, позвав дневального, чтобы тот был свидетелем. И мы их нашли, мои 720 рублей, копеечка в копеечку, у солдата одного в нарах. Потом, как узнали, над ним ребята устроили самосуд. Ох, уж и били его: и палками, и швабрами, и ботинками, и под нары загоняли.

Бывало, на базаре что-то надо купить, а просто так за территорию казарм не выйдешь. Тогда мы под забором выкапывали яму и выбирались наружу. Помню, погоны спрячем и ходим, словно в фуфайках. Однажды смотрим, идут офицеры с красными повязками. Мы испугались. Думаем,

что делать: бежать – они нас догонят, а что если будем хромать, они увидят, что мы инвалиды, и не подойдут. И вот идем мы еле-еле, они к нам подходят, говорят: «Вы в райвоенкомате были?», а мы: «Какой райвоенкомат? Мы вон еле ходим!». Один из них говорит другому: «Видишь, они инвалиды». И патрульные ушли. Мы обрадовались: так бы поймавали в самоволке, сразу бы в штрафную роту отправили.

Приходилось работать на кухне. Каждого пятого отправляли готовить пищу, в том числе и меня, так как я по списку был десятым. Я расстраивался, мне хотелось быть с массами, а тут – на кухню. Ну, месяц все-таки пришлось проработать, пока мне не подсказали, как сделать так, чтобы меня от готовки освободили. Я сварил рисовую кашу, воды налил мало, и она получилась сухой, тягучей. И меня сразу с кухни убрали.

После недели казарм нас переформировали в батальон, где меня выбрали комсоргом. Все семь лет службы я занимал эту должность. Хотя эта должность была офицерская (я был старшим матросом), но выбирали всегда меня. Приглашали офицеров, нахваливали, а при голосовании 98 % всегда за меня голосовали.

За хорошую работу, как комсоргу, мне от ЦК ВЛКСМ наградной лист хотели вручить. Уже и на бюро, и на партийном собрании все обсудили. Но у меня возникла конфликтная ситуация с замполитом. У нас в библиотеке работал солдат – Эдуард Седых. Он прекрасно рисовал, и все рабочее время у него уходило на это занятие. И когда замполит полка меня спросил, почему Эдуард не занимается своей основной работой, я ответил: «А Вы знаете, какая у него за спиной очередь офицеров, которые просят его нарисовать ту или иную картину? Когда ему ходить заниматься библиотечным делом? Он сидит и рисует, и рисует». «А почему Вы не примете меры?» – спросил замполит. «Вот я Вам сказал – принимайте меры, а какие – это Ваше дело!» – ответил я.

Мы с замполитом обиделись друг на друга, и похвальный лист я так и не получил.

Служба в гвардейской Гатчинской

Я служил в морской авиации ВВС ВМФ (Военно-воздушные силы военно-морского флота). Задача наших частей была разгромить противника в море. Громили мы как корабли, так и подводные лодки. Также были и воздушные бои.

Служил на Балтике. Вначале были большие трудности, мы все время отступали. Накануне войны произошла перестройка командного состава, в войска пришли молодые командиры. А откуда у них опыт? Видимо, немцы это прекрасно знали и напали в такой момент, когда у нас была некоторая растерянность. Потом, после вынужденного отступления, мы наращивали силы. Люди в это время работали по 12–15 часов в сутки ради победы, не жалея для нее ничего.

Наша часть – 8-я минно-торпедная авиационная Гатчинская Краснознаменная дивизия. В эту дивизию входили два минно-торпедных полка, два истребительных и один полк пикирующих бомбардировщиков. Нам приходилось обслуживать самые разные самолеты, которые базировались на аэродромах. Помню наши истребители «Яки», торпедоносцы «Илы» (Ил-4) и американские бомбардировщики «Бостоны» (Б-20), которые стали поступать к нам по ленд-лизу. Так что были у нас и американские самолеты, и тушенка, и ботинки. Помощь от них была хорошая. В наши обязанности входило поддержание рабочего состояния аэродрома и подготовка самолета к вылету вместе с техниками – загрузить его боекомплект, заправить горючим. Затем самолет вылетал на задание – на борьбу с немецкими кораблями или подводными лодками. Допустим, на аэродром сообщили, что в таком-то квадрате замечена подводная лодка противника. За две минуты наши самолеты взлетали и атаковали цель.

Засекали лодку противника не только, когда она всплывала или поднимала свой телескоп, но и на глубине. Обстреливали глубинными бомбами. Если обнаружить противника не удавалось, нужно было вернуться обратно на аэродром с боеприпасом – торпедой или бомбой. Сбросить их в воду просто для облегчения посадки было нельзя – за это могли судить. Фотопулемет, установленный на самолете, фиксировал время сброса и наличие цели, а иногда и момент ее поражения. Был случай, что американский «Бостон» не нашел противника, и так как сбросить торпеду не смог, то сел на аэродром с торпедой, она во время посадки от него оторвалась и взорвалась на взлетно-посадочной полосе, на десятки метров испортив покрытие. Нас подняли по боевой тревоге в два часа ночи – срочно надо было отремонтировать взлетно-посадочную полосу, заасфальтировать её. Привезли котлы, в которых варят гудрон. Получилось так, что хомут от котла с гудроном съехал, и мне по пальцу, ноготь содрало. Пришлось бежать в санчасть, а потом дальше работать. В тот раз все обошлось, первое мое «боевое ранение» зажило быстро.

Армейский быт

В санчасти я встретился с летчиком, который за 900 рублей предложил мне играть у них на вечерах в субботу и в воскресенье. Я сказал, что попробую. Когда этот летчик принес мне баян, у меня ничего не получилось, так как баян был «ленинградский», а я всегда играл на «московском». Другого баяна не нашлось, поэтому я и не играл им на вечерах.

К своим начальникам я относился очень хорошо, однако случались между нами иногда и конфликты. Как-то раз я дежурил, приходит командир роты в столовую обедать. Ему повар положил еду в тарелку, офицер сел за стол, начал есть. Водит ложкой по тарелке – скрип. Меня вызывает:

- Дежурный, что это такое?

- Это суп.
- Вы слышите, он скрипит! Почему?
- Слейте в другую тарелку, посмотрите.
- Да я и сливать не буду! Я знаю, что там известка! Я вас сейчас в штрафную пошлю!

Только офицер собрался звонить насчет меня, в эту секунду вошел старшина Ипатов и накрыл рукой телефон.

- Что случилось?
- Вот, товарищ старшина, суп попался с известкой.
- Пойдемте, разберемся.

Заходим все троем на кухню, дверью хлопнули, с потолка известка посыпалась, и все сразу стало ясно: никто этому офицеру специально «отраву» не готовил. Так все и уладили. Были с этим командиром и другие конфликты. Однажды солдаты в туалете нашли его пистолет и рассказали мне об этом. Мы могли пистолет ему отдать, но, поскольку он с нами не очень хорошо обращался, этого делать не стали. Я ребятам сказал: «Отнесите пистолет обратно, мы якобы ничего не видели». Ребята согласились. Командир долго искал свое оружие, спрашивал, не видели ли мы его, но мы так и не признались. На следующий день командира забрали. Он нас не жалел, и нам нечего его было жалеть. Его сразу отправили на передовую.

Вот еще случай был. Как-то раз я попросил у старшины его шахматы. Играл я, наверное, неделю. Потом старшина сказал, чтобы я шахматы вернул. А они у меня пропали. Никак не мог найти. Я начал размышлять, кто бы их мог взять. Потом я предположил, что старшина сам и взял, уж больно он странно спрашивал про них, с издевкой словно. Как-то все ушли обедать, я позвал дневального, говорю ему: «Пошли к старшине в кабинет». Зашли к нему, открыли чемодан, а там лежат те самые шахматы. Я их взял, так как боялся, что дневальный откажется подтвердить, что шахматы были в чемодане. Когда старшина снова за шахматами

пришел, стал спрашивать про них, я ему их и отдал. Он покраснел и извинился.

Солдатская дружба

С ребятами в части у нас были теплые отношения. Я им всегда во всем старался помочь, и они меня за это уважали. Особых таких случаев, вроде ЧП, между солдатами не было. Да и понятия «дедовщина» мы не знали. У меня была отдельная комната, но если из ребят кто уходил в увольнение или еще куда, то я на его место ложился, ко всем поближе. Ребята были очень преданные, чуть что обращались ко мне как к комсору.

Был такой случай: ко мне подошел армянин Вартанян и сказал, что у его матери дом описали, ей есть нечего, и показал мне письмо. «Как это так? Ее сын Родину защищает, а у нее там последнее хотят отобрать?! Как же он ей поможет, когда он тут, а она там?». Бедный солдат уже руки на себя наложить хотел, но я его успокоил, сказал, что все уладим, и тут же пошел к замполиту полка, потом к командиру. Мы написали телеграмму, через два дня пришел ответ, что проблема решена.

Так как я был комсоргом, то приходилось руководить и самостоятельностью в армии. У меня в распоряжении было 20 баянов и аккордеонов, на каждый праздник мы готовили новый номер.

Прорыв блокады

Начиналась моя служба в блокадном Ленинграде, а затем я прошел по всей Восточной Пруссии: более двадцати городов. Перед прорывом блокады мы бывало по 5 – 6 дней не спали, разгружали боеприпасы. Не успевали выгрузить один поезд со снарядами, а уже слышали гудок другого. Сил почти не было, мы, как тени, разгружали бомбы по лагам.

Потом падали в снег, нас будили, и мы снова разгружали. С нами работали бойцы 1922 года рождения, они нас называли «сосунками», поскольку мы с трудом выкатывали бомбы - пятисотки (500 кг). Варежки скользили по поверхности, и мы еле-еле доставали снаряды. Ужасно болели животы, мы едва ходили. Бывало даже, что нам привозили еду, звали есть, а мы отказывались, потому что не было сил, хотелось просто упасть в снег и спать. Как-то раз я посмотрел, как соседний вагон разгружают, и оказалось, надо было за стабилизатор бомбу тащить, так ее можно было ориентировать, чтобы она потом легко покатилась. Работа у нас сразу облегчилась. Те из ребят, что постарше, имели уже большой опыт в этом деле. Они, бывало, все разгрузят, в снегу лежат, а мы еще никак не закончим, а уж другой поезд подъехал. Тяжело было, но мы знали, что это крайне-крайне важно.

Полное освобождение от блокады произошло 27 января. К этому времени мы сумели все подготовить. Прорыв происходил так: самолеты улетали, бомбили немецкие позиции. Говорили: «Наши «Илы» роют с неба немцам могилы». Бомбы сбрасывали до тех пор, пока не перемешивали все с землей. Самолеты в воздух поднимались часто. Прилетят, мы им бомбы подвесим, они улетают. Бывало, подвесим, а летчик говорит нам: «Я вернусь через 42 минуты». Мы благословим его напутствуем, чтобы все было хорошо. 42 минуты прошли, а его все нет и нет... И мы, с опущенными головами, идем другим помогать... Было и такое, самолет садится и переворачивается – летчик тормоза выключил рано или что-то еще. Мы бежим, чтобы спасти пилота. Бывало, что самолеты взрывались. Иногда далеко бежать приходилось. Вот бежишь, что есть духу, а перед тобой взрыв и ложишься, все – не успел... Такое с молодыми летчиками случалось.

В то время мы работали в мастерских на заводе Карла Маркса и даже строили ангары, укрытия для самолетов. Сами все сваривали, хотя какие из нас сварщики в семнадцать

лет? Но был приказ, и надо было работу выполнять. Маску возьмешь и варишь, а в другой раз и без нее. Глаза портили, потому что опыта не было. С нами работали и заключенные. Я просил, чтобы нас непосредственно с ними не заставляли работать: за что они срок отбывали, какая у них душа, мы не знали. Поэтому лучше было работать отдельно от них.

В Ленинграде я часто выполнял какие-либо задания, и случалось, что видел, как снаряды попадали в крыши высотных домов. Приходилось сразу бежать, помогать вытаскивать людей, оказывать им помощь. В одном из таких эпизодов я получил ранение в ногу. Мне перевязали её, попросили поехать в лазарет, но я категорически отказался, поскольку мог идти. Они записали, из какой я воинской части, и мы разошлись. Организм у меня был крепкий, так что это ранение я нигде не оформлял, считал его незначительным.

Ленинград работал. Дети стояли за станками, за ними же и засыпали. Станок работает, а человек спит. Был очень сложный период. Военным все же немного лучше жилось: нам пища гарантирована была. Выходим из столовой и видим: очередь человек из тридцати, старики, дети. Своих всего-то два тоненьких кусочка хлеба, но обязательно один им отдаешь. И кто получал этот кусочек, уходил из очереди. Сами не доедали, но обязательно выносили кусок кому-то. У нас еще каша была, рассыпучка пшенная, и кусочек колбаски обжаренной. Когда же сняли блокаду, все резко стало улучшаться.

После войны каждый год я в Ленинграде встречаюсь со своим однополчанином – Борисом Николаевичем Якорвым, бывшим летчиком.

Вслед за линией фронта

Как передвигалась линия фронта, так передвигались и мы. Мы готовили посадочную площадку для самолетов и сами самолеты перед их вылетом.

Непосредственно в боевых действиях участия я не принимал. Как только освобождали какой-либо аэродром, мы следом, по боевой тревоге, перемещались туда. Двенадцать минут на сборы, машины уже стоят. Другой раз и ночью. Холодно. А мы в бескозырках, бушлатах сидим на огромных ящиках и всю ночь едем. Мороз, ноги мерзнут. Мы стучим шоферу, чтоб остановил. Остановит, мы побегаем, разогреемся, опять заскочим и едем дальше на Запад. Там на месте уже командование, оно самолетом либо вертолетом прибыло. Говорят, кому что делать, и мы сразу приступаем к работе. Никакого отдыха, вот выступишь, тогда и отдохнешь. А работы дней на семь. Сказали надо, мы идем, хотя ноги еле-еле плетутся. Иногда весною, весь промокший, идешь, «хлюпаешь» ботинками. Вода из них вытекает, но выполняешь, что нужно.

Очень трудно было строить новый аэродром. Брусковый камень и кувалда 16 килограммов – ей забиваешь бруски и плиты определенных размеров. Тяжелая работа, особенно в жару. Когда закончишь, идешь другим помогать. Придет иногда замполит полка: «Что вы, ребята, носы-то повесили? Вот как надо работать!». Возьмет кувалду, 3 – 5 раз ударит – и в сторону. А нам-то нужно вкалывать целый день! Ну, мы молчим, не упрекаем его.

Однажды мы с вещами переходили с острова Муха на материк, а весна, лед под нами то и дело проваливается. Мы были перевязаны веревками. Вода была ледяная, но, к счастью, никто не заболел. Если боец провалился, его вытаскивали – и в сторону, и дальше двигались.

Освобождение Прибалтики

Помню, в Эстонии у нас два дня не было питания. Решили мы с другом пойти попросить чего-нибудь поесть у мирного населения, мол, нас 20 человек, не могли бы вы нам помочь с едой. Оказалось, что они по-русски не понимают,

тогда я стал говорить с ними по-немецки. Они нам дали очень много продуктов: и свинину, и окорок, и сливки, много всего жареного. Когда мы были в различных домах, то заметили, что в каждом доме есть ткацкий станок: это пожилые люди на нем ткут. У каждого дома – погреб, а то и не один, где хранились фляги со сливками.

Был интересный случай: заходим к одной семье в дом и спрашиваем, можно ли у них купить молока, а хозяйка отвечает: «О, что вы! У меня только три коровы, идите к соседке, у нее семь коров, вот она вам и продаст». Три коровы для них – это считалось мало, чтобы продать три литра молока. Но, к сожалению, принимали нас эстонцы в большинстве случаев недружелюбно. Идешь по улице, а перед тобою люди ставни закрывают. Случалось в Эстонии, что идешь утром и видишь, как на дереве солдата нашего повесили. Нам было приказано ходить группой не менее пяти человек. Ни в каких государствах такого я не видел, только в Эстонии. Была пропаганда такая: «Русские колонисты хуже, чем немцы. Немцы несут свободу».

Приходилось общаться в военное время и с немцами. Многие пленные немцы не любили Гитлера. Они твердили: «Гитлер капут! Гитлер капут!». А были и такие, которые верили, что Гитлер победит. С немцами (не с фашистами) мы были в хороших отношениях. Они по-доброму относились к нам. И мы с ними по-доброму обращались. Некоторые жили в своих домах, и мы иногда приглашали их на работу. Женщины часто стирали нам белье. Мне поручили как-то поговорить с немцем, который рыл нам котлован для хранения капусты. Этот немец сделал его так, что ни одной песчинки в нем не было, хотя сам он был уже старик лет 70. Зашел как-то к нему, а он свеклу сырую ест. Я ему по-немецки сказал: «Приходите к нам кушать». А он это понял, как приходите на обед. И с котелком приходил только на обед, хотя мы его и на завтрак, и на ужин звали. Ну, мы и решили накладывать упряму еду не в его маленький котелок, а в другой, боль-

шой. Этот немец был очень ответственный, педантичный. Сказали ему, например, к какому числу сделать, и он ночь будет работать, но сделает, как договаривались. Таких немцев – большинство. Я к ним как-то ходил фотографироваться. Прихожу я за готовыми фотографиями, а мне говорят, что они еще не сделаны, хотя я вижу, на столе лежат мои снимки. Я за ними потянулся, а немка как выхватит их, я успел только одну взять. Она мне говорит: «Извините, но я не могу отдать Вам фотографии, на них брак, приходите в другое время, мы Вас заново сфотографируем». Я ей говорю, что не могу, так как в городе проездом и в парадной форме не всегда могу ходить.

Она так и не отдала мне фотографии, так как они были с браком. А брак-то был маленький совсем: на шее еле заметное пятнышко.

Долгожданная Победа

Победу я встретил в Эстонии, на острове Муха. Часов в девять утра на берег к нам прибежал старшина и сказал, что война кончилась. Мы зарядили пушки и долго стреляли. Только потом спохватились, что снаряды могут куда-то попасть, и остановились. Радость была всеобщая.

Болезнь во благо

Как-то я заболел. Пришлось мне четыре дня в госпитале пролежать. Я за эти дни выучил алгебру с 8-го по 10-й класс. Увидев мои успехи, командир предложил продолжать учебу заочно. Я за полгода подготовился и сдал экзамены за 8-й и 9-й классы. В десятом классе я учился в Зеленогорске, 15 километров ходил пешком по шпалам каждую ночь. Очень уставал, на уроках дремал. Мне тогда замполит полка сказал: «Замечу на службе за учебниками, учеба твоя “накроется”». Я его тоже упрекнул: «Вы же учитесь на тре-

тьем курсе в военной академии!». Командир промолчал, ушел. Так мне и приходилось учиться каждый день с 22.00 до 02.00, без выходных, чтобы он меня не увидел. Я привык к этому.

Из всех наук особенно трудной была для меня тригонометрия. Никак она мне не давалась! Однажды не выдержал, швырнул учебник в сторону. «Все, думаю, не буду больше учиться». И в этот момент заходит командир батальона (он был подтянутый – чистый Суворов). Спросил меня: «Что случилось?». «Да вот книга одна не понравилась», – ответил я. «Что за книга, давай я посмотрю». Я сначала отказался, но как только командир сам захотел взять учебник, я тут же вскочил и протянул книгу ему. Командир выяснил, что мне непонятно, взял лист бумаги, сделал чертеж и все мне объяснил. Я удивился, откуда он так хорошо знает тригонометрию, а, оказывается, он окончил три института и один из них – инженерно-технический. Вот не зашел бы он в тот момент, я так бы и бросил учебу.

Был еще один случай: времени, на подготовку к экзаменам не хватало, поэтому немецкий я сдавать не стал, хотя знал его довольно хорошо. На выпускной вечер пришла учительница немецкого языка, говорила с нами по-немецки, поздравляла нас. Я тоже отвечал ей на немецком. Услышав мой немецкий, она похвалила меня, взяла аттестат и поставила как бы за экзамен пятерку, хотя я экзамен не сдавал, и у меня в аттестате на месте немецкого языка стоял прочерк.

В армии мне много раз предлагали идти учиться на офицера, но я категорически отказывался. Каждый день, в течение трех месяцев меня вызывали в штаб и уговаривали. Я не хотел быть офицером, поскольку тогда бы пришлось оставаться служить дальше, а я хотел домой, родителям помогать, я ведь старший был в семье. Будучи сержантом, я успешно читал солдатам лекции. Я всегда им говорил: «Мы победим, наше дело правое! Мы защищаем собственную Ро-

дину! А за что воюют фашисты? Полезли в чужой огород! Они – варвары, победа не может быть на их стороне».

Демобилизация

Меня демобилизовали в 1950 году, на три месяца раньше положенного. Тогда я был уже зачислен на второй курс института. После армии перевелся учиться в Иваново в педагогический институт. Был направлен работать в Дзержинский технологический институт легкой и пищевой промышленности. Первое время занимал четыре должности, в том числе проректора и заведующего кафедрой математики, так как в институте преподавателей не хватало, в основном это были школьные учителя. Проработал там 15 лет. Нас с супругой потянуло на родину. Мы переехали в Иваново, где и живем поныне. Когда объявили конкурс в энергетическом институте, мы вместе с женой подали заявления и вскоре стали преподавать. Я проработал в ИЭИ 25 лет. Очень любил студентов, и сложностей с ними у меня не возникало. Педагогический стаж мой 50 лет.

Имею награды: «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Всего 18 медалей.

*Записали студентки 1-го курса ФЭУ
А.Н. Сухарева, О.П. Корнилова и А.В. Борзова, 2009 г.*

**Гладышев
Федор Григорьевич**

*старший преподаватель кафедры высшей математики,
работал в ИЭИ с 1957 по 1976 г.*

Мой дедушка Федор Григорьевич Гладышев родился 15 сентября 1917 года в деревне Гордяковка Родниковского района Ивановской области. Учился в средней школе города Родники Ивановской области. В 1936 году поступил на физико-математический факультет Ивановского государственного педагогического института и 22 июня 1941 года сдал последний государственный

экзамен и получил профессию преподавателя. Через месяц весь выпуск направили на курсы в Военную академию им. Фрунзе в городе Москве, а далее – на фронт. Боевой путь его начался под Москвой и закончился взятием Берлина. Дошел он до «берлоги» Гитлера, где добились фашистов до конца! Его счастью не было предела. После тяжелых боев и сражений вдруг остаться в живых... Он на Рейхстаге сделал надпись: «Я пришел в Рейхстаг, чтобы убить войну!». День Победы встречали в Германии, в населенном пункте Варно, и там же состоялась встреча с англичанами.

Весь боевой путь Федор Григорьевич прошел в составе 593-го артиллерийского истребительного противотанкового полка 49-й армии. Сначала в качестве лейтенанта, а потом начальника артснабжения полка. Воевал на Западном и

2-м Белорусском фронтах. Участвовал в освобождении от фашистов Белоруссии, Польши, Германии. За все военные годы Федору Григорьевичу много пришлось пережить и видеть муки и страдания советского народа. Но вот чудо: всю войну он прошел без единой царапины, несмотря на то, что побывал в различных переделках, всегда на передовых рубежах, ведь артиллерия – царица полей.

*Германия. 26 июня 1945 г.
Ф.Г. Гладышев – слева*

А случаи были разные. Однажды, во время налета немецких бомбардировщиков, он спокойно спал под перевернутым грузовиком, отдыхая после наступления, которое длилось более суток, и даже не проснулся от взрывов. Или когда упала и взорвалась граната во время проверки только что поступившей партии боеприпасов, он успел спрятаться за дерево. Дерево – в

щепки, а человек жив – ни царапины. Или когда ночью, из-под носа противника ему с товарищами удалось вытащить целую 45-миллиметровую пушку.

За ратные подвиги мой дед награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, шестью медалями.

С будущей женой, Степачевой Татьяной Парамоновой (моей бабушкой), он познакомился на фронте, она была медицинской сестрой. В июле 1941 года добровольно вступила в народное ополчение города Москвы и после окружения под Ельней стала бойцом партизанского отряда под ко-

мандованием Жабо на Смоленщине. Встретились дедушка и бабушка в 593-м полку, вместе прошли Белоруссию, Польшу, Германию. Брак зарегистрировали в Берлине! В 1946 году демобилизовались и вернулись с победой на Родину.

И в мирное время тяжело было им строить свой семейный очаг. После войны Федор Григорьевич сначала работал учителем математики в средней школе, потом преподавал высшую математику в военном училище и в 1956 году пришел работать в Ивановский энергетический институт. Здесь он преподавал высшую математику до самых последних дней. Умер он 29 декабря 1976 года по дороге в институт. Он шел читать лекцию.

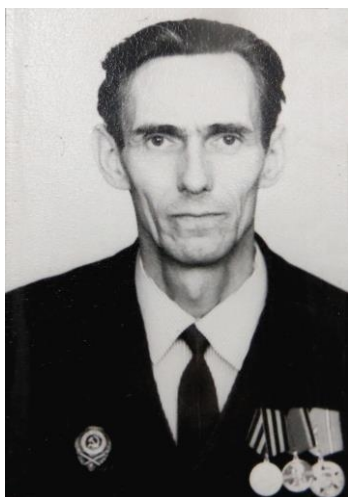
Отзывчивый, скромный, доброжелательный Федор Григорьевич пользовался авторитетом среди сотрудников кафедры и студентов института, он был требовательным и справедливым преподавателем, добивался, чтобы из стен института выходили отличные специалисты-энергетики. Правда, не все студенты понимали его строгость и просто боялись придирчивого преподавателя.

В семье Федор Григорьевич был заботливым, добрым и ласковым мужем, отцом и дедом. Гладышевы вырастили троих дочерей и дали всем высшее образование. К учебе своих дочерей Федор Григорьевич также относился со всей строгостью.

*И.В. Герман, студент группы 1-35 –
внук Ф.Г. Гладышева, 2004 г.*

**Грико
Владимир Михайлович**

*канд. техн. наук, доцент кафедры теоретических
основ электротехники и электроизмерений,
работал в ИЭИ с 1957 по 1979 г.*

Родился в 1928 году в городе Иваново в семье рабочих. Детство Владимиру Михайловичу запомнилось как светлое, хорошее время. Он очень любил петь, путешествовать, и настроение у него всегда было приподнятое.

В 1939 году он с друзьями собрался в путешествие водным путём из Иваново до Москвы. Где-то позаимствовали еще зимой лодку, сделали на ней парус, установили пушку. Для пушки купили порох, для чего пришлось сдавать пустые бутылки. Володя дома предупредил, что поедет в деревню. Плыли друзья на лодке два дня, пока не поняли, что они не доплывут из-за усталости, все на руках уже натерли мозоли от вёсел. Дальнейший путь преодолели пешком. Всё-таки они пришли в Москву, где впервые увидели Ленина в Мавзолее, ходили по Арбату.

Владимир Михайлович закончил школу № 37, после этого поступил в индустриальный техникум.

Когда началась Великая Отечественная война, Владимир рвался на фронт, но сразу его не взяли. Ходил, просился добровольцем, и в 1942 году он в числе семерых одноклассников

ников из техникума был призван в армию. Ехали они в вагонах с печкой. Кто-то кинул в печку патроны, и они взорвались, одного из ребят ранило. За этот взрыв их поезд задержали, и следствие вело НКВД.

Ехали на фронт очень медленно, почти целый месяц. Приехали в город Саратов, где со всего эшелона лишь троих человек, в том числе и Владимира, взяли в авиамеханическую школу, где шла серьезная и тяжелая подготовка авиамехаников. Многих отправили в танковую школу. К самолетам курсантов сначала не допускали. В то время ангаров для самолётов не было, и все самолёты стояли на улице. Владимир Михайлович вспоминал, что самое тяжелое испытание было в зимнее время, когда руки и ноги замерзали. В Саратове они ремонтировали не только свои самолёты, но и восстанавливали трофейные, т.к. многие наши самолеты были потеряны еще в самом начале войны.

В.М. Грико рассказывал о самолетах ЯК-40, которые были сделаны из дерева, что повышало их манёвренность. Плохо было то, что туда мог сесть только один человек. Когда немецкий самолёт залетал сзади, пилот ЯК-40 был для него хорошей мишенью. К тому же в военную пору было мало времени на подготовку пилотов (шутя говорили: «Взлет – посадка»), поэтому летчики часто погибали.

На стажировке Владимир был контужен и отстранён от работы. В 1943 году попал в госпиталь. После госпиталя, в конце 1943 года, его перевели в артиллеристы. Грамотных людей в то время было мало, но В.М. Грико учился в техникуме, поэтому его направили обучать людей черчению, готовить топографов разведки. После месяца такой работы В.М. Грико назначили командиром отделения топографов.

В 1944 году был установлен праздник День Артиллерии. В этот день в штабе полка Владимиру Михайловичу вручили значок артиллериста и присвоили звание младшего сержанта.

До победы В.М. Грико воевал на 3-м Украинском фронте, дошел до Чехословакии (город Печь), где для него война была закончена. Радость победы омрачала скорбь по погибшим товарищам.

Уже после войны Владимир Михайлович на стрельбах познакомился с лейтенантом, окончившим Томский технический институт. Однажды на политзанятиях этот офицер на карте вместо Америки показал Африку. Владимир засмеялся и за это оказался на гауптвахте. Там было неплохо – кормили и не заставляли работать. После наказания он подружился с тем лейтенантом, и вместе они подготовили такую программу, которая позволила усовершенствовать методику топографии: были использованы два круга с логарифмическими данными. Применяли ее только в своём полку. За это ему вручили благодарность и дали отпуск на 15 дней. Пока был в отпуске, в июле 1945 года вышел закон о демобилизации по ранениям, и, когда он вернулся из отпуска, для него уже были готовы документы.

После демобилизации В.М. Грико в Иваново попал не сразу, прошло еще полтора месяца, и лишь по распоряжению генерала в связи с желанием демобилизованного учиться в вузе ему позволили ехать домой, выдали документы и сухой паек.

Сначала он хотел учиться в медицинском институте, но передумал и поступил в энергетический, и то не с первого раза. Пришлось ходить на подготовительные курсы. После окончания института В.М. Грико предлагали работу в других городах, но он отказывался, так как хотел заботиться о семье и остаться в родном городе. Работать он пошёл на комбинат искусственной подошвы, где, будучи студентом, проходил практику. На комбинате Владимир Михайлович стал руководителем электротехнического отдела. Спустя некоторое время попал в ИЭИ, работал на кафедре ТОЭ. Славился как «Гроза», был самым строгим преподавателем.

Работал в Ивановском энергетическом институте до 1979 года (до ухода на пенсию).

Записал К.А. Куанков, студент группы 1-21, 2004 г.

**Забелина (Андреева)
Валентина Петровна**

*технический секретарь парткома ИЭИ,
работала в ИЭИ с 1959 по 1982 г.*

Родилась я в большом селе в Татарстане 28 декабря 1924 года. В детском возрасте осталась сиротой, жила у родственников. В 1941 году, закончив школу, пошла работать. В армию добровольцем идти не решилась, т.к. одна знакомая девушка вскоре после отправки на фронт погибла.

В июле 1943 года меня призвали в армию. В Ягодной Слободе (пригород Казани) я и еще 18 девушек в течение двух недель находились на карантине. В это время шли занятия по физической подготовке. Винтовок нам не давали, мы были вооружены карабинами.

Девушек, у которых было среднее образование, оставили работать при штабе зенитно-артиллерийского полка малого калибра. Я оказалась среди них. Через три месяца после начала службы получила звание ефрейтора. Полк за-

нимался охраной стратегически важных объектов. Он формировался в Казани в период с июля 1943 по март 1944 года.

Я занималась вопросами продуктово-фуражного снабжения бойцов полка. Ко мне ежедневно приходили старшины из дивизионов, которым я выписывала продукты для их подчиненных. Курящий боец получал еще и папиросы, а некурящему дополнительно давали 100 г сахарного песка.

Также в мои обязанности входило ежемесячное составление отчета, который отправляли в штаб бригады, размещавшийся в городе Горьком.

Хорошо помню случай, произошедший в суровое военное время. Однажды, это было еще под Казанью, я составила очередной отчет, подписала его у командира и должна была отправить поездом с нарочным (это был капитан Савичев) в город Горький. Но нарочный в этот день в наш штаб не пришел. Это значило, что штаб бригады не получит сведения вовремя. Я узнала об этом вечером. В тот день я была дежурной по штабу и не имела права покидать свой пост. Несмотря на это, я взяла отчет и побежала на вокзал догонять нарочного. Пока я его искала, поезд тронулся, и я оказалась в движущемся поезде. Нарочного там не было. На станции Арзамас следовало сделать пересадку на другой поезд, следующий до Горького. Здесь, на станции Арзамас, я и встретила капитана Савичева. Как выяснилось, он приехал сюда другим поездом. Счастливая, что наконец-то нашла нарочного, я передала ему пакет с отчетом. Дежурная по станции посадила меня в поезд, следующий в Казань. Я очень переживала, что нарушила воинский устав, оставив свой пост, и очень боялась, что меня посадят на гауптвахту.

Ночью дневальный по штабу сообщил командиру о том, что дежурная, ефрейтор Андреева, отправилась с документами догонять нарочного и до сих пор не вернулась на свой пост. Меня искали по всей Казани, некоторые даже думали, что я дезертировала. Но командир надеялся и верил, что все будет хорошо.

На станции, в Казани, он встретил меня с поезда, живую и здоровую, радовался, что отчет во время будет доставлен в Горький по месту назначения. Никакого наказания мне не было, а вскоре после этого случая меня повысили в звании – я стала младшим сержантом. В этом звании и закончила Великую Отечественную войну.

В марте 1944 года наш полк был отправлен на фронт – на Западную Украину. В этом регионе в то время шла борьба с бандеровцами. Однажды в здание школы, где мы жили, попала бомба. Поэтому всех отправили в лес: девушки жили в деревянных времянках, а мужчины – в землянках. Добром вспоминаю нашего командира – старшего лейтенанта Маркова Григория Павловича.

В День Победы мы были на Западной Украине в городе Сарны.

После демобилизации, в июне 1945 года, я вернулась домой, работала, жила у дяди (он был инвалид – получил тяжелое ранение на фронте), потом уехала в Иваново, здесь вышла замуж, устроилась работать на комбинат искусственной подошвы. Сначала трудилась в цехе, потом – в парткоме, но мою должность сократили. Иван Кузьмич Якушкин пригласил меня на работу в партком Ивановского энергетического института им. В.И. Ленина. Здесь я проработала более 20 лет, с 1959 года по 1982 год, техническим секретарем парткома института, также вела большую общественную работу: была ответственной за кассу взаимопомощи, за сбор средств в Фонд Мира и за подписку почтовой корреспонденции всего института.

За многолетний добросовестный труд Валентина Петровна награждена двенадцатью Почетными грамотами.

За участие в Великой Отечественной войне награждена орденом «Отечественной войны» II степени, медалью Жукова, юбилейными медалями.

Записала Е. Каленова, студентка группы 1-9, май 2014 г.

**Казаков
Анатолий Павлович**

*редактор газеты «За энергетические кадры»,
работал в ИГЭУ (ИЭИ) с 1990 по 1995 г.*

Родился 23 апреля 1926 года в Иванове. Несмотря на сложное время, окончил 7 классов средней школы и поступил в ремесленное училище № 9, где готовили ткацких поммастеров. В результате всеобщей мобилизации мужской части населения на заводах сокращалось число рабочих рук, и в связи с этим юного

Анатолия ставят поммастером на ткацкую фабрику. Он получает группу учеников, которым помогает и которых наставляет. Вскоре его переводят на работу в город Фурманов, где Анатолий работает также поммастером. По воспоминаниям Анатолия Павловича, работали в три смены, ночами не спали, кормили плохо, почти голодали, жили в общежитии, в комнатах было по десять человек. За добросовестное отношение к работе Анатолия вскоре назначают мастером. Шестнадцатилетний мастер обучал молодежь, которая быстро осваивала науку ткацкого дела.

Неожиданно отца Анатолия забирают на фронт. И ему, как старшему сыну, приходится обеспечивать семью, в которой помимо матери было еще два брата. Начало военного времени наложило свой отпечаток на характер молодого че-

ловека. Война лишила его той беззаботной юности, которая есть у сегодняшней молодежи. Анатолий рос в условиях тяжелого труда и глубокого понимания своей личной ответственности перед семьей и перед своей родной страной.

Однажды, проходя по улице, Анатолий увидел объявление о том, что военкомат набирает отряд комсомольцев на Северный флот. Так как Анатолий с детства мечтал стать моряком, он без раздумий записался добровольцем. На тот момент ему было шестнадцать лет! Умный и крепкий, Анатолий без труда проходит все медицинские комиссии, и его направляют на Соловецкие острова в школу связистов, которая готовила специалистов для Северного флота. Успешно окончив обучение, Анатолий попадает служить на эскадронный миноносец «Разумный». Первые впечатления о северных землях были не очень приятны: холодное Баренцево море, сырость, слякоть. В первый же выход в море на состав из двух эсминцев, на одном из которых служил Анатолий, напали три фашистских истребителя (их называли «Мессершмитты»). Опыт капитана и смелость команды помогали эсминцу уворачиваться от сбрасываемых бомб, которые называли «орликонами». В конечном счете вражеские самолеты были сбиты зенитными орудиями корабля. Так, в первый же день службы Анатолий почувствовал дух войны не понаслышке. Впоследствии эсминец «Разумный», на котором Анатолий служил связистом, участвовал в охране эскадры английских и американских транспортных судов, которые следовали в Мурманск с ценным военным грузом. Задачу, поставленную командованием, по борьбе с подводными лодками и истребителями эсминец выполнил блестяще.

Анатолию Казакову не забыть участия в десятом сталинском ударе с моря. Помнит он взятие города Печенега. Задачей эсминца было ночью вместе с эскортом таких же кораблей по очереди подходить к берегу до определенных координат и залпом из всех орудий стрелять по немецким укреплениям, стараясь попасть в цистерны с топливом. В

один из моментов береговые орудия слегка задевают эсминец «Разумный», и Анатолия мощным ударом сбрасывает в воду. Товарищи кинули спасательный круг и на следующем заходе на позицию обстрела вытащили его из воды. В ледяной воде Анатолий видел пылающие цистерны, огонь от которых вздымался так высоко, что не было видно неба. Анатолий потерял сознание. Очнулся только в госпитале. По воспоминаниям Анатолия, за войну он тонул два раза.

Участвовал в военных операциях Северного флота. За период Великой Отечественной войны неоднократно был ранен, в результате чего перенес одиннадцать операций, одну из которых – на позвоночнике, в военном госпитале Мурманска.

В конце войны немцы изобрели акустическую торпеду, которая реагировала на шум винтов, в результате чего большое количество моряков на других эсминцах погибло. Но судьба к Анатолию была благосклонна: он остался жив. Но в этой страшной войне юный моряк испытал не только боль физическую, но и боль утраты лучших товарищей.

После окончания войны, в 1945 году, из-за болезни легких Анатолия списывают на берег во второй Краснознаменный связной отряд, в котором он 5 лет служил радистом-поисковиком. Этот отряд входил в органы СМЕРШ («смерть шпионам») и занимался радиоразведкой на море. Благодаря своим профессиональным качествам и целеустремленности, Анатолий занял первое место в конкурсе радистов в 1948 году. В общей сложности Анатолий отдал службе на Северном флоте восемь лет жизни.

В октябре 1950 года был демобилизован в звании старшины второй статьи. Вернувшись домой, в Иваново, Анатолий Павлович устроился на работу в газету «Большевистский путь». С тех пор его послевоенная жизнь была связана с журналистикой. Он работал в радиокомитете, 20 лет жизни отдал газете «Рабочий край», а выйдя на пенсию, ра-

ботал редактором газеты «Медик» областной больницы и 6 лет редактором газеты ИГЭУ.

Анатолий Павлович имеет множество наград, но самыми дорогими для себя считает орден Отечественной войны и медаль «За оборону советского Заполярья».

Всю свою жизнь Анатолий Павлович Казаков работал, боролся. В его характере – трудолюбие, желание помочь, наставить на верный путь. Он верит, что у современной молодежи будет то, чего лишила его война, а именно – беззаботная юность, а дух победы передастся всем последующим поколениям нашей страны.

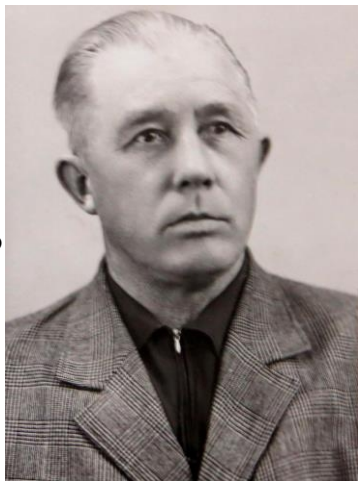
Записал А.В. Логачев, студент группы 1-45, 2004 г.

Лабазов Василий Васильевич

*учебный мастер на кафедре технологии металлов
и деталей машин, работал в ИЭИ с 1948 по 1976 г.*

Родился 14 января 1911 года в Иванове. Закончил семь классов школы. Два года работал на заводе «Торфмаш». После окончания семимесячных курсов по специальности «слесарь-инструментальщик» он пошел работать на завод по данной профессии.

В 1931 году был призван в Красную Армию, служил в пограничном отряде старшим сержантом. После воинской службы снова пришел на завод, но ненадолго, т.к. перешел на

работу в школу поммастеров и до 1941 года преподавал там слесарное дело.

Воскресным утром 22 июня 1941 года началась война. В ночь на 23 июня Василий Лабазов был призван на военную службу и зачислен в 364-й артиллерийский полк, сформированный в городе Коврове.

Первый бой был принят в Смоленской области под городом Кричев. Силы в технике были неравными, немцам помогала авиация. Нашим войскам приходилось отходить, изматывая противника. Отступали до города Боровска по Волоколамскому шоссе. Пехоту постоянно обстреливали. Из сообщения Совинформбюро 28 октября 1941 года: «В течение октября наши войска вели бои с противником на Можайском, Малоярославецком, Волоколамском и Харьковском направлениях. Атаки немецко-фашистских войск на наши позиции на ряде участков Западного фронта были отбиты частями Красной Армии с большими потерями для врага.» Вот как об этом рассказывает Василий Васильевич: «Отступали по Волоколамскому шоссе. Был дан приказ сняться с этих позиций через Нарофоминск. Вышли на шоссе. Налетели вражеские самолеты. Началась бомбежка. Меня отбросило взрывной волной от разорвавшейся рядом бомбы. Раздавило левую ногу. Повезли в полевой госпиталь. Ногу обрабатывали. Посадили в грузовик и отправили в Москву».

Под Нарофоминском 21 октября 1941 года при обороне Москвы Василий Лабазов был ранен, контужен и отправлен в московский эвакуационный госпиталь. В составе эшелона с ранеными переправлен на лечение в Алтайский край.

После госпиталя В. Лабазов был зачислен в 232-ю стрелковую дивизию 764-го стрелкового полка. В июне 1942 года его направили на фронт под город Воронеж (до конца войны он находился в этом полку).

В.В. Лабазов хорошо помнит бой под Воронежем, когда два батальона пехоты гитлеровцев, поддерживаемые

танками, захватили очередной узел станции и медленно продвигались вперед. Обескровленное подразделение с трудом сдерживало атаки фашистов. Трижды вражеская артиллерия и минометы открывали беглый огонь по батальону, стремясь рассеять его.

Но несмотря ни на что, вечером батальон пошел в атаку. Одна рота атаковала «в лоб» наступающих гитлеровцев, две другие роты ударили с флангов. Бойцы дрались с удвоенной силой, атака была стремительной, гитлеровцы были смяты и понесли большие потери.

Ночью бойцы отдыхали после трудной атаки, готовились к новому бою. И вдруг шквал артиллерийско-минометного огня обрушился на них. Несколько минут артиллерия врага «долбила» оборону батальона. Потом немцы под прикрытием танков пошли в наступление. Наши пулеметы с флангов прижали фашистскую пехоту к земле, бронбойщики ударили по танкам, истребители танков приготовили бутылки с горючей смесью. И вот уже запылали два фашистских «тигра», остальные повернули обратно.

Под утро фашисты вновь пошли в атаку, но гвардейцы отбили ее. Когда рассвело, появились немецкие бомбардировщики. Они обрушили сотни бомб. Но отважные воины не растерялись, огнем из пулеметов и противотанковых ружей они сбили два вражеских самолета. Более десяти часов длился бой, гитлеровцы шесть раз бросались в атаку, но каждый раз атака врага разбивалась о стальную стену мужества и отваги советских бойцов. Батальон стоял насмерть, врагу не удалось прорваться.

Следующий яркий эпизод из боевой жизни Василия Лабазова связан с форсированием Днепра. Накануне операции в подразделениях прошли партийно-комсомольские собрания, из добровольцев формировали расчеты лодок и понтонов, в лесах и на озерах проводились тренировки и учения войск.

Утром после артподготовки понтоны, рыбацьи лодки, плоты с солдатами и боевой техникой устремились к западному берегу. В это время над рекой появилась армада советских самолетов, направлявшаяся на штурм вражеской обороны. Так началось форсирование Днепра.

Десант успешно высадился на берегу, уничтожил боевую охрану врага и стал продвигаться к прибрежным высотам. Батальоны стойко держали захваченный плацдарм, весь день отбивая атаки фашистских танков и пехоты. Ночью начали действовать все паромы. Был построен мост. По нему нескончаемым потоком двигались танки, артиллерия, автоколонны с боеприпасами, новые пехотные подразделения. За короткий срок наши войска перешли водную преграду.

В 1943 году 7 октября В.В. Лабазов получил благодарность Верховного Главнокомандующего, маршала Советского Союза товарища Сталина за форсирование Днепра, 6 ноября – за освобождение города Киева.

Вместе с полком Лабазов В.В. прошел через территорию СССР и Румынии. Получив приказ форсировать Дунай, захватить плацдарм, открыть путь в Венгрию, полк приступил к выполнению этого приказа. Несмотря на сильный огонь врага и на недостаток средств для переправы, десант переправился на правый берег Дуная, тут же вступил в бой, отвлекая на себя огонь противника. А в это время бойцы на бревнах, досках, пустых бочках, плотках, рыбацких лодках и других подручных средствах устремились к берегу. Полк успешно переправился и захватил плацдарм, понеся незначительные потери. При поддержке артиллерии, бронетранспортеров немцы бросились в контратаку. Полк выдержал шесть атак, а когда фашисты были обескровлены, полк перешел в наступление и штурмом овладел дамбой – одним из сильных опорных пунктов обороны немцев.

Войну Василий Васильевич Лабазов закончил в Чехословакии.

За боевые подвиги во время Великой Отечественной войны он был награжден орденом Красной Звезды, медалями, в том числе «За боевые заслуги», имеет 16 благодарностей от Верховного Главнокомандующего.

В конце беседы Василий Васильевич поделился мыслями о новом времени, о молодом поколении. Он выразил уверенность в том, что страна в надежных руках, молодежь грамотная и сильная. Надежда на процветание у России есть, нужно верить в человеческий разум и доброту людей!

*Записали А.М. Иванов и А.А. Калинин,
студенты группы 1-53, 2004 г.*

**Точигин
Анатолий Алексеевич**

*д-р техн. наук, профессор кафедры гидрогазодинамики
и теплообмена в теплоэнергетических системах,
работал в ИГЭУ (ИЭИ) с 1963 по 2012 г.*

Родился в 1922 году в городе Владимире. Закончил Ивановскую среднюю школу № 33 в 1939 году. После окончания десятого класса он считал своим долгом идти в армию или поступать в военное училище. Сначала Анатолий Алексеевич попытался поступить в Высшее военноморское инженерное училище им. Дзержинского, сдал все экзамены, но не прошел по состоянию здоровья. Тогда Фрунзенским райвоенкоматом города

Иваново был направлен в Ленинградское училище экспериментальной разведки зенитной артиллерии.

Закончить Ленинградское училище А.А. Точигину не удалось, так как в 1941 году началась Великая Отечественная война, и он, курсантом, был отправлен на фронт. Служить попал в зенитную артиллерию, которая обороняла Ленинград.

А.А. Точигин занимался составлением поправок для более точной наводки зенитных орудий. Поправки нужно было не просто составлять, а разносить их по точкам орудий. На город постоянно совершались налёты вражеской авиации, на отдых времени почти не оставалось, но и в небольшие перерывы между боями Анатолий Алексеевич занимался своим любимым делом – решал задачи по физике.

К началу 1942 года А.А. Точигин стал командиром взвода на гатчинском направлении. Главной целью было – не допустить самолёты противника в город.

Однажды во время караула у командного пункта дивизии на Лермонтовском проспекте города Ленинграда начался очередной обстрел. Разрывались снаряды, Анатолий Алексеевич мужественно защищал свой пост, не покидая его, и чудом остался в живых.

Это был для него самый тяжёлый период жизни: потеря близких друзей и голод в окопах блокадного Ленинграда – давали по 75 граммов сухарей в сутки.

Зимой 1942 года на передовой Ленинградского фронта Анатолий Точигин был принят кандидатом в члены КПСС. В боях учился военному ремеслу и закончил войну в звании старшего лейтенанта. За оборону Ленинграда был награжден медалями.

После окончания войны в 1945 году он поступил на заочное отделение физико-математического факультета Ленинградского университета. Но, не закончив его, возвратился в Иваново и стал студентом Ивановского энергетического института. Напряжённая учёба, общественная работа, науч-

ные кружки и доклады, спортивные секции остались позади, и в 1951 году он с отличием закончил институт. Молодой специалист по распределению поехал работать на один из крупнейших в стране заводов города Тулы в качестве инженера-промтеплоэнергетика. Здесь за несколько лет он прошёл путь от инженера до заместителя начальника ТЭЦ, по его инициативе началась реконструкция ТЭЦ и энергетического хозяйства завода. Здесь же он женился на девушке, с которой был знаком со студенческих лет. Родилась дочь.

Постоянная жажда знаний и творческое любопытство заставили его поступить в аспирантуру при Энергетическом институте Академии наук СССР им. Г.М. Кржижановского, изучать и исследовать новую область энергетики – гидрогазодинамику и теплообмен в двухфазных потоках – под руководством виднейших учёных страны.

После успешной защиты кандидатской диссертации он продолжил работу в лаборатории Энергетического института Академии наук в качестве научного сотрудника. Он был в списке молодых учёных, которым предоставлялось жилье в городе Москве. Но А.А. Точигин решил вернуться в родной город и поступил на работу в Ивановский энергетический институт ассистентом, затем он становится доцентом и заведующим спецкафедрой. Здесь проявляется его талант научной и организационной работы: организована научно-исследовательская лаборатория, заключены хоздоговоры с ведущими институтами страны, открыта аспирантура, защищаются кандидатские диссертации, публикуются статьи и монографии, одна из которых переводится в Канаде.

В процессе этой работы А.А. Точигиным написана и в 1980 году защищена докторская диссертация, в которой, как отмечено в заключении Совета и ВАК, «впервые созданы методологические основы гидрогазодинамики двухфазных течений. На этой основе создан научно обоснованный метод расчетного прогнозирования оптимальных гидродинамиче-

ских процессов..., т.е. решена крупнейшая научная проблема, имеющая важное народнохозяйственное значение».

Под его руководством проведены исследования гидравлических сопротивлений и истинных газосодержаний паровыводящих течений в ядерных энергетических установках, в паровых котлах и ядерных реакторах, в трубчатых выпарных установках. Исследованы и разработаны выпарные аппараты интенсивного действия. Исследован и внедрен резонансный метод интенсификации теплообмена в сушильных цилиндрах бумагоделательных машин. Разработана новая технология сбора и транспорта газоконденсатной смеси и внедрена совместно с ВНИИГАЗом на месторождении Брагуны, а также использована при освоении месторождений Западной Сибири, Крайнего Севера и Оренбургской области.

Под руководством А.А. Точигина десять бывших студентов кафедры защитили кандидатские диссертации. Он член двух советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, участник XIII международного конгресса по теоретической и прикладной механике, руководитель секций на традиционных всесоюзных и всероссийских конференциях по гидрогазодинамике в Москве, Петербурге, Минске. Оппонент докторских и кандидатских диссертаций.

Им опубликовано три монографии, 115 научных статей, конспекты лекций, методические пособия и указания.

Преданность Родине, активная жизненная позиция коммуниста, фронтовика, доктора технических наук А.А.Точигина могут служить примером для молодежи.

Записал К. Факеев, студент группы 1-2а, 2004 г.

Фомин
Евгений Александрович

работал в котельной ИГЭУ (ИЭИ) с 1988 по 2000 г.

Родился я в октябре 1925 году в деревне Овсянниково Ивановской области. Там прошло мое детство. Родители работали в колхозе. Отец умер в 1941 году. Ему было только 50 лет. Я окончил 6 классов и начал работать на тракторе, потому что, когда началась война, всех мужчин забрали на фронт, остались только старики, и пахать землю стало некому.

17 февраля 1943 года в возрасте 18 лет меня призвали в армию. В заплечный мешок собрали кружку, ложку, полотенце, мыло, сухари, и я пешком пошел в военкомат в Ильинское, до которого было 16 километров. В числе 20 призывников был направлен в Ярославль, куда мы добирались сначала на лошадях, потом на поезде. В Ярославском военкомате имени Кагановича нас распределили во 2-й запасной десантный полк. Началось обучение будущих десантников: учились в Саратове, потом под Москвой, в Раменском в 4-й гвардейской десантной бригаде. Нас готовили к заброске в тыл врага на оккупированной территории. Мы прошли серьезную подготовку: учили приемам рукопашного боя, по-пластунски ползать, пользоваться оружием (ножи, карабины, винтовки, гранаты противотанковые и противопехотные, лимонки). Очень много внимания уделяли прыжкам с парашютом. Сначала нас обучали прыжкам с аэростата с высоты 300 м – это была озна-

комительная тренировка. В аэростате было трое прыгающих, а четвертый – аэронавт. Потом прыгали с самолета. Всего я прыгнул около 50 раз за период подготовки.

Закончился период обучения, и нас отправили на Украину, готовили для высадки в тыл противника. Но заброска не состоялась, видимо, советские войска справились с задачей и без нашей помощи. Наш десантный полк был преобразован в 347-й гвардейский полк под командованием Киреева, замполитом был Лютов. За нами пришли вагоны, и – на передовую.

На фронт я попал только весной 1945 года. Советские войска в это время освобождали от фашистов Венгрию. Мы не доехали километров 40 до Будапешта, т.к. немцы разобрали шпалы. Дальше нам пришлось идти пешком. До передовой было около 260 километров. Шли мы только по ночам, запрещалось пользоваться огнем, чтобы не привлекать внимание противника. Днем отдыхали. Так добрались мы до города Мор, впереди немцы. Я состоял в подразделении саперов, нашей задачей было разминировать поля, делать проходы для пехоты.

Помню свой первый бой – 16 марта 1945 года в Венгрии под Будапештом. Где-то за час перед боем началась артиллерийская подготовка из наших «катюш».

17 апреля мы попали в окружение под городом Мор. Лейтенант повел нас на наблюдательный пункт. Кругом лёд и снег, вроде пусто, но, приглядевшись, мы увидели, что на землянке лежит немец. Осторожно подошли к нему, стянули его с землянки, винтовку забрали и потащили к наблюдательному пункту. Он был без сознания. А когда он очнулся, то начал сопротивляться. У меня была финка, немец хотел ее вытащить, но я вывернулся, взял его за волосы и ногами ударил ему в грудь. Немец улетел в кусты. Когда я начал его искать, то вдруг из кустов раздался голос: «Стой! Не стреляй! Свой!». Не знаю «свой» это был или нет, но немца я не нашел. Побежал искать дальше и увидел в лесу еще трех

фашистов, но у них оружия не было. Они от нас скрылись. Мы бросились вдогонку, ведь их надо было убить. Увидели еще двух немцев. У них был пулемет, они открыли стрельбу. Мы залегли за бугорок. Лейтенант встал и начал стрелять из пистолета, в ответ – выстрел в лоб. И тут заглох пулемет. Мы спаслись, но потеряли лейтенанта, и еще одного солдата ранило в руку рикошетом.

У меня серьезных ранений не было, только маленький осколочек задел. За выход из окружения под городом Мор наградили меня медалью «За отвагу». Ощущения страха на фронте не было, потому что был молодой и хорошо подготовленный.

На войне я был минером-подрывником, также занимался диверсионной работой. Мы освободили много небольших городков, их названий я уже не помню. Последний город находился где-то в 100 километрах от границы с Чехословакией. Было очевидно, что война скоро закончится. Помню плакаты: «Вперед! На запад!», «Возьмем Вену – будем в Мюнхене!». У меня есть медаль «За взятие Вены». Через Дунай мы переправлялись по понтонному мосту, т.к. старые мосты были взорваны немцами.

День Победы я встретил в Чехословакии. «Германия капитулировала!» – красными буквами было написано на плакате, висевшем на здании. Прямо на земле лежали карабины, пулеметы – всё немецкое вооружение. Немецкие войска сдались и бросили все оружие.

Помню, как однажды, уже после капитуляции Германии, в лесу мы нашли бочку. Любопытно было, с чем она. Открыли, а там спирт. Боялись пить его, потому что однажды такую же бочку нашли артиллеристы. Там оказался отравленный спирт, погибли 16 человек. Пришлось нам для них копать братскую могилу. Поэтому нам страшно было. Но все же понемножку выпили за победу, спирт неотравленный оказался.

Отслужив 6 лет в десантных войсках, я вернулся в свою родную деревню и снова начал работать в МТС на тракторе, как в былые времена. Потом переехал в Иваново. С 1988 по 2000 год работал кочегаром в котельной ОГМ ИГЭУ.

Современной молодежи я желаю хорошо учиться и честно работать. Да поменьше заниматься ненужными вещами: не травить себя сигаретами и алкогольными напитками.

Записал Д. Чубаров, студент группы 1 - 42, декабрь 2014 г.

Хлопушин Владимир Ильич

канд. техн. наук, доцент кафедры тепловых электрических станций, работал в ИЭИ с 1951 по 1983 г.

Родился 25 июня 1922 года в Костроме. Отец его был участником Первой мировой войны, командиром роты выздоравливающих города Костромы. Он учился в Московском коммерческом институте. По окончании института ему вручили диплом экономиста. После демобилизации получил распределение на костромской лесотехнический завод. Мать была медицинским работником и проработала в этой сфере всю свою жизнь, училась в московском медицинском институте. На третьем курсе института вернулась в Кострому, так как в Москве

стало жить трудно. Разрешение на выезд из Москвы ей подписывал Свердлов.

После образования Иваново-Вознесенской промышленной области в 1927 году семья переехала в Иваново-Вознесенск. Жили на улице 9-го Января.

В 1930 году в восьмилетнем возрасте Владимир Ильич пошел учиться в школу № 3. В этой школе он проучился пять лет. В 1935 году семья переехала жить на Тейковскую улицу. С шестого класса Владимир учился в средней школе № 35. В 1940 году он закончил десять классов.

1 июля 1940 года начался призыв в ряды Красной Армии, и осенью этого же года он был направлен в артиллерийские части. Службу начал в семи километрах от города Луги в отдельном артиллерийском дивизионе разведки. Служил там до зимы.

Вскоре вышел приказ о том, чтобы всех, кто служит в армии и имеет среднее или высшее образование, собрать в отдельные учебные роты и учить на младших лейтенантов. Срок службы при этом сокращался до полутора лет. Народ в то время был энергичный, служба в армии считалась престижной, почетной, и многие согласились учиться. Школа младших лейтенантов, где успешно обучался Владимир Ильич, часто соревновалась со школой младших командиров соседнего полка и всегда побеждала, так как в ней был высокий уровень тактической и боевой подготовки, а также у курсантов большое желание оказаться лучшими.

Дальнейшую службу уже младший лейтенант Владимир Ильич Хлопушин проходил на Артиллерийских краснознаменных курсах усовершенствования командного состава. Здесь молодые офицеры проходили стажировку.

Зиму 1940 – 1941 годов Владимир Ильич провел на лужском полигоне, где получил хорошую артподготовку. В то время он был связистом во взводе управления. Служить ему было интересно, так как постоянно приходилось работать с новым оружием и оборудованием. Условия прожива-

ния были нелегкие, жили в старинных петровских казармах с асфальтовым полом, вдоль стен стояли двухуровневые койки, дисциплина была строгая.

В июне 1941 года их полк отправили в палаточные лагерь в город Луга.

22 июня 1941 года в городе состоялось открытие дивизионных гарнизонных лагерей. В этот день на улицах города было много народа. Должен был состояться парад гарнизонных войск.

На пути к полигону дивизион, в котором был и Владимир Ильич, остановили. Они долго стояли на жаре, не зная причины их остановки. Через некоторое время всем связным дивизиона приказали отправиться в штаб.

Прибыв в штаб, Владимир Ильич и его сослуживцы услышали речь Молотова о том, что началась война. Их дивизиону был отдан приказ о маскировке палаточных лагерей и срочной подготовке к войне.

После двух дней сборов их дивизион погрузили в эшелоны и отправили в Финляндию на Выборгское направление фронта. Они проезжали по красивым репинским местам, и не верилось, что где-то уже идет война.

На Выборгском направлении активно шла подготовка линии фронта к обороне. Строили лесные заграждения, копали противотанковые рвы, и увиденные пейзажи уже не вызвали умиротворения, мир стал другим.

27 июня 1941 года Владимир Ильич впервые познакомился с грозной немецкой авиацией. Целью немецкого налета была не бомбардировка советских позиций, хотя без нее не обошлось, а разведывательная операция, направленная на обнаружение советских войск. Подобного рода налеты продолжались еще примерно три дня.

3 июля 1941 года Верховный Главнокомандующий СССР И.В. Сталин обратился к населению страны с призывом о всеобщей мобилизации.

После выступления Сталина дивизион, где служил В.И. Хлопушин отправили через город Ленинград на фронт (псковское направление). На тот момент дивизион был оснащен по последнему слову техники. В распоряжении дивизиона находились сорокаятки, семидесятидвух- и стопятидесятимиллиметровые орудия, пушки-гаубицы. В качестве механизированного транспорта использовались тракторы марки «Ворошиловец» на гусеничном ходу. К тракторам прицеплялись пушечные орудия и полевая кухня.

С псковского направления вместе с полком они передислоцировались под Ленинград. Полк предполагалось разместить в городе Пушкино, до которого они несколько дней пробирались через топкие болота.

Питьевой воды не хватало, приходилось пить болотную, процеживая ее через ткань, вследствие чего многие солдаты болели дизентерией. В ночь на первое сентября 1941 года Владимира Ильича и других заболевших отправили в военный госпиталь. Таким образом, Хлопушин попал в Ленинград на Выборгскую сторону. В ленинградском госпитале Владимир Ильич пролежал до 13 сентября 1941 года.

После выписки из госпиталя он вместе с однополчанами планировал вернуться в свой полк. Но на пересылочном пункте на улице Карла Маркса, 25, куда направляли всех выписанных из госпиталей, его и нескольких курсантов из училища направили в ленинградский отдельный полк связи. В этом полку их записали на курсы младших командиров и радистов.

С 8 сентября 1941 года Ленинград блокировали немецко-фашистские захватчики. 11 сентября 1941 года город подвергся сильнейшей бомбардировке немецкой авиацией. Были разрушены Бадаевские склады с продовольствием, что очень сильно нарушило снабжение Ленинграда продуктами питания.

Всю зиму Владимир Ильич провел в блокадном Ленинграде. После учебы курсанты патрулировали улицы го-

рода, занимались тушением пожаров в близлежащих от их училища зданиях.

Новый 1942 год ленинградцы встречали в полной блокаде. Город охватил страшный голод. С продовольствием было туго. Рабочему населению выдавалось 250 граммов хлеба, всем остальным – по 150 граммов.

В городе не хватало топлива, электроснабжения и питьевой воды. Воду приходилось брать из реки Невы. Качество её оставляло желать лучшего. В.И. Хлопушин вместе с

ленинградцами пережил все тяготы блокады.

В этот период он получил звание старшего сержанта, а также повысил свою квалификацию радиста и вскоре был направлен в одну из рот в качестве старшины.

В конце апреля 1942 года немцы стали наступать на Тихвин.

Пришел приказ о переброске войск под Тихвин. Переброска войск осуществлялась ночью на барже через Ладогу. В это время в Ленинграде был сезон белых ночей, поэтому ночь мало отличалась от дня.

*В.И. Хлопушин.
Фото под знаменем
полка. 1942 г.*

Переброска войск через Ладогу прошла благополучно. Войска высадились на островах, где были расположены склады с продовольствием, предназначенным для ленинградцев. Солдат, в том числе Владимира Ильича, в первую очередь угостили луком, который они ели с большим удовольствием. По словам Влади-

мира Ильича, такого вкусного и сладкого лука он не ел больше никогда.

Вскоре немцев отбросили от Тихвина, и роту старшего сержанта Хлопушина переправили обратно в Ленинград. Владимира Ильича отправили на дальнейшее обучение в 14-й полк АЗПС, который располагался в казармах, стоявших на территории ипподрома рядом с Витебским вокзалом, где и были организованы курсы младших лейтенантов. Педагогический состав, который ранее обучал Владимира Ильича на младшего командира, не изменился, но был укреплен более грамотными и квалифицированными специалистами.

К зиме 1942 – 1943 годов курсы по сложившимся обстоятельствам пришлось перенести на станцию Всеволожскую. На курсах проходили тактические занятия, максимально приближенные к боевым действиям. В курс занятий также входило изучение военной техники, в том числе и немецкой.

Зимой 1943 года начался второй прорыв блокады Ленинграда. Произошло соединение Волховского и Ленинградского фронтов в районе Шлиссельбурга. Благодаря этому был открыт небольшой коридор на 6 – 15 километров от Ладоги. Во время проведения боев за этот коридор уже была подготовлена в разобранном виде железная дорога. Как только стало возможным, железная дорога была проложена, и по ней пошли эшелоны с продовольствием с Большой земли в Ленинград.

После прорыва коридора немцы пытались вернуть отвоеванную у них территорию. Это были одни из самых тяжелых и кровопролитных боев. Для обороны людей не хватало.

В мае 1943 года Владимир Ильич успешно окончил курсы и попал в резерв в тот самый полк, где учился на младшего командира и младшего лейтенанта. И по распределению направился под Ленинград в район восьмой ГРЭС в качестве командира взвода управления артиллерией 124-й

стрелковой дивизии. Дивизия была сформирована из моряков. В подчинении у Владимира Ильича были радисты, связисты, топографы, разведчики и 40 человек стояло на довольствии. До назначения Владимира Ильича командиром взвода был младший лейтенант, который в результате ранения был отправлен в госпиталь. Молодой, почти мальчишка, командир вступил на такую ответственную должность. Поначалу командовать такой ротой было для него трудно. «Глаза просто разбегались. Шут с ней с войной, как справиться со всем этим хозяйством?» – вспоминал Владимир Ильич. Человек он не из слабых, не привык отступать перед трудностями, постепенно полностью освоился в новой должности.

Штаб дивизии располагался на берегу Невы на Синявинских болотах, в районе станции Синявино. Солдаты жили в трудных условиях – в землянках, вырытых по берегу реки.

На другом берегу реки находилась 46-я минометная артиллерийская дивизия. С этой дивизией Владимир Ильич должен был поддерживать связь. В результате постоянных боев в этом районе связь часто обрывалась. Приходилось в срочном порядке отыскивать место повреждения и восстанавливать кабель. Кабель проходил через болота. Место его прокладки тщательно маскировали от немцев. Бои местного значения, проходящие в этих болотистых местах, называли войной на животах, так как на протяжении всей линии связи, до места обрыва, приходилось ползти по-пластунски, чтобы не обнаружил противник.

Зиму 1943 – 1944 годов войска готовились к наступлению. 14 января начался прорыв блокады Ленинграда в районе города Ораниенбаум. Дивизия Владимира Ильича начала наступление 19 января 1944 года на Минском направлении и приняла участие в освобождении городов Тосно, Пушкин и Любань. Далее дивизия, в которой служил Хлопушин, попала в город Павловск, где их расквартировали в царском дворце. При наступлении они видели разоренные и

опустевшие города и селения, людей почти не встречали. Только в Павловске увидели несколько человек.

27 января, в день полного снятия блокады, над городом прогремели залпы артиллерийских орудий – это был праздничный салют. Дивизия, в которой воевал В.И. Хлопушин, была уже под Кингисеппом.

Красная Армия продолжала освобождение территорий Ленинградской области, захваченной немцами.

Медаль «За оборону Ленинграда» является самой дорогой, самой главной наградой из всех, имеющихся у Владимира Ильича Хлопушина наград, так как досталась она ему за перенесенный голод во время блокады, за тяжелые кровопролитные бои, за освобождение блокадного Ленинграда.

Затем дивизию Владимира Ильича опять перебросили на псковское направление, где они участвовали в боях под Нарвой и в районе Иван-города. Бои были осложнены тем, что местность на этой территории болотистая, передвигаться было сложно, техника увязала, солдаты промокали, сушиться было некогда.

За участие в этих боях Владимир Ильич Хлопушин был награжден орденом Красной Звезды.

В результате ранения командира взвода управления связи Владимир Ильич был переведен в 46-й артиллерийский полк той же дивизии на его место. В этом полку Владимир Ильич прослужил до самого окончания войны.

Для того чтобы ввести немецкие войска в заблуждение, расположение советских частей постоянно менялось. Таким образом, Владимир Ильич вновь попал на Выборгское направление фронта. Принял участие в освобождении островов, находящихся в Выборгском заливе.

После взятия островов полк был снова переброшен в Ленинград на переформирование. В Ленинграде простояли несколько дней. За это время Владимир Ильич успел побывать в театрах и сходить в кино.

Затем полк направили в Польшу. Владимиру Ильичу запомнились польские дороги, покрытые булыжником. В то время на советской территории дороги были грунтовыми.

В Польше полк пробыл недолго и вскоре был переброшен к границе Восточной Пруссии. Новый, 1945 год, Владимир Ильич встречал в траншеях в районе Эсенбурга. Он был назначен командиром взвода связи штабной батареи арtpолка, был ответственен за связь штаба с тремя дивизионами и тылом. В ночь на 1 января 1945 года пришел приказ о том, чтобы связь не прерывалась.

В 00:00 часов по московскому времени советскими войсками был произведен праздничный салют из «катюш» по немцам – «подарочек к Новому году». Через два часа немцы произвели ответный удар в сторону советских войск. Это был с их стороны ответный «подарочек». Удар немцев был слабый, но доставил немало хлопот связистам, в том числе и Владимиру Ильичу.

В последние месяцы войны полк принимал непосредственное участие во взятии Кенигсберга, находившегося на западе Восточной Пруссии. 9 апреля 1945 года Кенигсберг был взят. Владимир Ильич был награжден медалью «За взятие Кенигсберга».

За участие в военных действиях в Восточной Пруссии Владимир Ильич был удостоен ордена Отечественной войны II степени.

Дивизию неожиданно направили в Эсенбург на переформирование. Там готовились к дальней дороге: заготавливали лес, продовольствие, подготавливали вагоны, строили теплушки. Все думали, что скоро их демобилизуют, но этого не случилось.

9 мая 1945 года Великая Отечественная война закончилась. Победу Владимир Ильич отпраздновал все в той же Восточной Пруссии, а 17 июня эшелон с их дивизией отправился на родину. Но война на этом для Владимира Ильича не закончилась. Из Москвы, где эшелон стоял некоторое время,

Владимир Ильич успел нелегально отправить письмо домой, хотя писать письма во время передислокации запрещалось. Путь эшелона проходил через всю страну в Монголию. Дивизия Владимира Ильича осуществила переход через перевал Хинган, за что ее еще называли Хинганской дивизией. Таким образом, Владимир Ильич попал на войну с Японией. Боевые действия проходили на Забайкальском фронте.

По словам Владимира Ильича, война с Японией была «дикой», существенно отличалась от войны с немцами. Она продолжалась недолго, после капитуляции Японии осенью 1945 года советские войска были выведены на свою территорию.

Дивизию перевели на станцию Мацеевская, находившуюся в районе Даурских степей. У В.И. Хлопушина обнаружили брюшной тиф, он был срочно направлен в читинский госпиталь.

30 марта 1946 года пришел приказ о демобилизации. Об этом ему сообщил боевой товарищ, который часто навещал его в госпитале.

9 июня 1946 года Владимир Ильич вернулся на родину в город Иваново, решил продолжить свое образование и уже 11 июня был зачислен на подготовительные курсы в ИЭИ. Успешно сдав вступительные экзамены, стал студентом первого курса института. Окончив институт осенью 1951 года, остался работать в нем ассистентом на кафедре «Тепловые электрические станции». Потом был старшим преподавателем, защитив кандидатскую диссертацию, стал доцентом кафедры. Всю жизнь научная деятельность Владимира Ильича была связана с большой энергетикой. Проработав в институте до 1983 года, ушел на пенсию по состоянию здоровья, тем самым решив дать дорогу молодым преподавателям. С теплом и глубокой благодарностью говорил он о своих сокурсниках, преподавателях, научных руководителях и всех, кто помогал ему в научной деятельности и достижении целей, поставленных им перед собой еще в 1934 году.

Перечитывая военные письма, он вновь переживает далекие дни своей молодости и тяжелейшие события тех трагических лет: «Я, наверное, один из счастливейших людей на этом свете, который может перечитать свою историю военной службы и двух войн по своим письмам. Мама сохранила всю мою корреспонденцию с 22 октября 1940 года по 28 апреля 1946 года».

*Записали А. Шалахов и Р. Теплов,
студенты группы 1-24, 2004 г.*

Шарков Александр Тимофеевич

*канд. техн. наук, доцент кафедры парогенераторов
и водоподготовки, работал в ИЭИ с 1961 по 1984 г.*

Родился Александр Тимофеевич Шарков 29 ноября 1922 года в деревне Юрьево Комсомольского района Ивановской области. Отец, Шарков Тимофей Осипович, был участником первой мировой войны. Мать – Шаркова Евдокия Семионовна.

В 1940 году Александр Тимофеевич поступил в Ивановский энергетический институт. Успел закончить только первый

курс, когда началась война. Многие юноши были отправлены на военную учебу. Спортсменов объединили в отдельные

отряды. В то время А.Т. Шарков занимался боксом, лыжами, легкой атлетикой. Сначала он попал в отряд истребителей танков. Там их учили бросать гранаты, бутылки с горючей смесью, стрелять. Командиром взвода был лейтенант запаса, он обучал строевому делу и стрельбе.

В 1941 году под Москвой формировали батальон лыжников-спортсменов. Запись была добровольная. Александр Тимофеевич записался и попал в этот батальон в качестве командира взвода истребителей танков. Это было в конце ноября, уже лежал снег. Их с лыжами, с полным вооружением (гранаты, бутылки с горючей смесью, их называли «коктейль Молотова») в вагонах повезли к Москве. Выгрузили, и в тот же день они вступили в бой. Рядом с ним был одноклассник Володя Панасюк. Они были со второго курса, и трое ребят с первого. «Около 12 часов вступили в бой, и к пяти часам от нас почти никого не осталось, – вспоминает Александр Тимофеевич. – Кто раненый, кто убитый. Как сейчас помню, темнело. Меня тоже ранило. То ли пуля, то ли осколки пробili ногу в двух местах. Я сначала пытался идти, потом закружилась голова, видимо, была большая потеря крови. Тут подоспели санитары, оттащили в медсанбат». С улыбкой на лице вспоминает, как в медсанбате впервые в жизни выпил спирта, потому что всем раненым в качестве первой помощи до обработки ран и перевязки стакан спирта давали. Говорили, чтоб легче умирать, а вообще-то, чтобы боль снять. Александра Тимофеевича отправили в госпиталь под Москву.

Там он очень быстро поправился и попал в запасной автомобильный полк. Задачей этого полка было принимать машины, которые по ленд-лизу поступали в СССР из Англии и Америки, укомплектовывать их и отправлять на фронт. С полгода работал он в этом автополку, и это время не прошло даром, он изучил все марки автомашин: «Виллис», «Форд» и многие другие. Все прошли через его руки.

Потом был направлен в училище связи. Там он освоил азбуку Морзе, телефонию, стал радистом, умел обращаться со всеми радиостанциями, какие только были на вооружении.

После обучения попал в десантные войска. Это был уже 1943 год. С этого времени служил в десантных войсках сначала начальником радиостанции, а затем попал в пехоту помощником командира стрелкового взвода. И так до конца войны.

В 1943 году участвовал в боевом десантировании. Целую бригаду, 1200 человек, выбросили на западе Калининской области, примерно в двадцати километрах от города Андринополь. Десантирование прошло удачно. Удивительно, что деревня, которую они тут же заняли, была родиной Лемешева. Но об этом Александр Тимофеевич узнал гораздо позднее. А на тот момент в их задачу входило перерезать единственную дорогу из Калининской области, чтобы не дать немцам «удрять» на запад. Цель была достигнута, задача с блеском выполнена.

Бригада осталась в Андрианополе. А непосредственно в самом городе были фронтовые склады, куда их прикомандировали. Населению раздавали муку, крупу. Но уже через месяц их отправили на «отдых», точнее привезли в лес, в 15 километрах от Калинина: «Вот, ребята, окапывайтесь, будете здесь жить пока». Солдаты бойко принялись копать землянки, обживать их и месяца 2–3 в этих «домах» гостили. И хотя боевых действий не было, отдыхать не приходилось. Прыгали с парашютом. У Александра Тимофеевича было всего 15 прыжков. Много народа разбивалось на этих учениях, парашюты были перкалевые, а не шелковые, частенько они отказывали.

Следующий марш-бросок был в Белоруссию, город Слуцк. Задача – прочесывать лес и вылавливать националистов.

Ближе к 1944 году их погрузили в эшелоны и через границу привезли в Венгрию, в город Сольнок. Его бригада участвовала во взятии Будапешта, освобождали город от немцев и хортистов.

Александр Тимофеевич участвовал в одном из крупных сражений Великой Отечественной войны – Балатонском. В начале марта 1944 года немцы подтянули 11 танковых дивизий и хотели отбросить русских за Дунай. 18 марта началось Балатонское сражение. В ходе сражения в деревне Чекберень он получил второе ранение, к счастью, легкое.

Вспоминает такой случай: «В марте в Венгрии было уже тепло, а днем даже жарко, зато ночью был жуткий холод, спасения нет. Невдалеке маячила какая-то деревня, и мы один за другим в эту деревню обогреться пошли. А нас за этой деревней так два вражеских танка встретили, что мы стали сразу в землю зарываться. Комбриг же, заметив наши действия, долго ругался: «Это что за самоуправство?!», а потом скомандовал: «Взять деревню!». Мы наступали, а танки палили, мы опять залегли. Второй приказ: «Взять деревню!». Я бегу и слышу, совсем рядом свистит мина, я падаю на землю, а она рядом. Меня накрыло грязью. Чудом жив остался! Деревню мы, конечно, взяли, но осталось нас очень мало...»

После долгих и изнурительных боев наступило временное затишье. Александр Тимофеевич получил награду – самую высокую, какую только мог дать комбриг, – «Отличный пулеметчик». Потом снова в бой. Немцев от Будапешта «погнали» дальше по направлению к Австрии. Где-то в первых числах апреля они были на подступах к Вене. Немцы в спешке удирали. В 60 километрах от Вены в городе Санктпелтон солдат погрузили на машины, повозки и повезли в Вену на отдых. Там отдыхали почти до первого мая. Потом по тревоге бросили в Чехословакию, в Прагу, где началось восстание. Добираться, правда, пришлось пешком. «На пути встречалось много немецкой техники, в том числе

автомашины. Я помню, завел какую-то машину, посадил свой взвод, и мы вырвались вперед всей нашей бригады. Догнали тех немцев, которые убегали. Они выходят из деревни, а мы въезжаем с другой стороны. Затем пересекли чехословацкую границу. Уже в дороге узнали о капитуляции Германии. «Помню, утром как-то меня толкают: «Вставай, вставай, старший сержант, немцы идут!». Я поднялся, выглянул из дома, действительно к нам идут трое немцев. Идут, размахивают белым флагом. Значит, парламентареры, может, сдаться хотят. И мы пошли к ним навстречу. Трое нас было: я, ефрейтор Бочкарев, друг мой близкий, и старший лейтенант. Немцы без оружия, у нас у каждого по пистолету. С их стороны подполковник и два офицера. Подполковник объясняет: «Капитуляция, плен». Узнали, что их 18 тысяч, целая дивизия, за лесом остановились. Пошли к немцам, смотрим, а там необъятное море народа. Немного спустя услышали шум моторов, явно танки приближаются. Мы спрашиваем подполковника: «Что за танки?». А он: «Nicht танков, nicht». Мы ничего не понимаем, видим, появились два танка, на них белые звезды – американцы! Мы-то знали, что американцы где-то рядом. Смело идем к ним. Они остановились, башнями ворочают, рассматривают нас, видимо. А мы им: «Американ, вылезай». Как сейчас помню, один выглянул и тут же назад скрылся. Мы опять барабанить: «Вылезай, go, go», слов-то мало знаем. Ждем, один вылез. Ну, какая беседа, я знал пару слов, на первом курсе английский язык проходили. Проснулся на другое утро, а кругом немцы. Сначала подумал, что в плен попал. Автомата нет, сунулся в сапог, там пистолет. Потом пришел в себя, вспомнил. Американцев больше не видел ...».

С победным окончанием войны пришла демобилизация и долгожданная студенческая жизнь, а за нею – успешная работа талантливого инженера на ИВГРЭС, двухгодичные курсы по использованию атомной энергии в мирных целях и работа начальником ПТО Нововоронежской АЭС.

В 1961 году А.Т. Шарков снова вернулся в ИЭИ, но на этот раз уже в качестве преподавателя. Защитил кандидатскую диссертацию и с упоением работал, изучая физические свойства топлива и передавая студентам свой богатый опыт и знания.

Александр Тимофеевич внес большой вклад в развитие учебного процесса и всего факультета. Он соавтор монографии и двух учебников: «Топливоподача на ТЭС», «Физические свойства топлива и борьба с затруднениями на топливоподаче электростанций», «Тепловые и атомные электростанции». Последняя книга была переведена на английский и китайский языки.

За научно-педагогический труд он имеет благодарности и серебряную медаль ВДНХ СССР.

В 1948 году Александр Тимофеевич встретил Галину Васильевну, свою будущую жену. 10 марта 1951 года они поженились. У них двое детей, пять внуков и четыре правнука.

Александр Тимофеевич Шарков – очень хороший, отзывчивый, добрый человек. С охотой он рассказывает о своей жизни, о войне. Я очень рада, что мне довелось познакомиться с ним. Потому что мы не должны забывать о подвиге, совершенном во имя жизни!

Записала Д. Чаленко, студентка группы 1-47, 2007 г.

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

**Алехникова
Надежда Никифоровна**

Родилась в 1922 г. С 1942 по 1945 г. служила в Красной Армии секретарем Военного трибунала. Войну закончила в Германии в звании младшего лейтенанта. Награждена орденом Красной Звезды, медалями. С 1957 по 1979 г. работала в ИЭИ преподавателем немецкого языка на кафедре иностранных языков.

Война ворвалась в мою жизнь в день выпускного вечера в школе.

Жила я в Иванове, у дяди. После смерти моего отца мачеха послала меня из Москвы к дяде на два года погостить. Здесь я закончила 9-й и 10-й классы. Но вернуться в Москву, в свою квартиру, уже не смогла. Мачеха сменила наркоматовскую квартиру, и московской прописки у меня уже не было. Хотела поступать в юридический институт, а пришлось поступить в Ивановскую юридическую школу. Парни и девушки той поры не были похожи на современную молодежь. Все время мы отдавали учебе, и не было у нас желания, чтобы тратить время на гулянки.

В июне 1942 года всех девушек со второго курса школы мобилизовали в армию. Мы должны были занять места

секретарей военных трибуналов и освободить этим самым мужчин, которых переподготовили в политруков. Война вырвала меня из детства и бросила в страшные и непривычные условия существования. Речь даже не о бомбардировках и обстрелах. Кстати, наш поезд разбомбили под Ельцом. Я бегала по полю в красном платье и вопила от ужаса, пока меня кто-то не схватил за ногу и не заставил лечь...

Канцелярию Военного трибунала составлял несгораемый ящик с бланками и документами. С ним мы ездили на крытой полуторке вслед за отступающей или наступающей армией. Мой первый начальник – Найдис, правда, ездил на лошади верхом. Мы стояли в обороне под Мценском. Это была 287-я стрелковая дивизия 13-й армии. Но в этой части я не задержалась надолго, прослужила всего около 6 месяцев. С начальником трудно было ужиться и сработаться, т.к. он сразу решил сделать из меня «ППЖ». Соответственно, стал воспитывать, когда понял, что ничего не получится, привел из штаба машинистку Марусю и велел мне сразу сдавать дела.

В 5-й артиллерийской дивизии РТК председателем был майор юстиции Воронин. Это был угрюмый, молчаливый человек лет 45, которого постоянно мучили головные боли, строгий, требовательный, беспощадный. Но после Найдиса он мне показался терпимым. Мне приходилось по 5 раз переписывать протоколы судебного заседания и изменять в угоду ему показания, чтобы «подвести под расстрел» подсудимого.

Терпела я терпела, да и накатала на него жалобу в Военный трибунал фронта. Так я попала в 12-й гвардейский танковый корпус. Вот тут мне с начальником повезло. Толстый, добродушный и веселый, он совсем не был похож на судью. Он позаботился о моем внешнем виде и велел выдать мне юбку и перешить по фигуре горчичного цвета американскую шинель! До этого я ходила в брюках, солдатской шинели и огромных кирзовых сапогах. Впрочем, в образ парня

я вжилась быстро. Только вот курить, пить, ругаться и плевать, как другие, не научилась. У моего теперешнего начальника дома осталась дочь такого же возраста, как я. Этим и объяснялась его забота обо мне.

Сидя на судебных заседаниях, я уже давно поняла, что многие красноармейцы попадают под суд из-за незнания закона. Поднимет, к примеру, боец немецкую листовку, пощупает бумагу и уберет в карман гимнастерки на закрутку. И не думает он о том, что в каждой листовке есть пропуск в немецкий плен. Жаль мне стало их, и при любой возможности стала я ходить на передовую, разьяснять законы военного времени. Начальник мое начинание поддержал. Но всегда я попадала в какие-то истории, то страшные и рискованные, то смешные и глупые.

Помню, в один из таких походов на передовую надо было перейти по мостику, который простреливался немецким снайпером. Причем «снял» он только офицерский состав, а офицерской у меня была только цигейковая шапка. Я ее временно поменяла и пошла по тому мостику. Что я тогда чувствовала – помню до сих пор.

Другой случай был уже в Польше. Как-то раз я заплутала в осиновом лесу (до сих пор осины не люблю). Вверху листва шуршит, а внизу папоротник по пояс, и везде трупы немецких солдат, того и гляди наступишь. Плутала я, плутала и вышла на какой-то большак. Слышу, идут трое и (о, ужас!) говорят на немецком языке. Я прижалась к стволу дерева ни жива ни мертва. Проклинаю себя, что не понимаю, о чем они говорят. Вот тут я и дала себе клятву, что, если останусь жива, выучу этот язык, и ведь выучила. Но юридическое образование тоже получила (правда, заочно).

А разве возможно забыть солнечную поляну, где по мне стреляли. Как я не выдержала и побежала. «Мама!», правда, не закричала, но была к этому близка! Это было тоже в Польше.

А как под Севском, не думая ни о чем, прошла через минное поле. А то возникает в памяти деревня Макаровка. Разбитый большак. Вдали дома, то ли Орловская область, то ли Курская, только у домов не было палисадников и садов не было. Одни огороды. Иду занимать дом под судебное заседание. Вдруг страшно и неожиданно в пустой деревне завывала собака. Нервы мои не выдержали, и я бросилась бежать за угол дома. Мне вслед автоматная очередь. Старая бабка тогда сказала, что меня бережет ангел-хранитель. Позже я узнала, что «СМЕРШ» задержал двух неизвестных.

А разве забыть германский город Шубин. Как мы ехали по узкой улице, а по обе стороны дома горели. Я стояла на подножке и сбрасывала с крыши машины горящие головы. На окраине я пошла искать дом для ВТ. А вернулась — нет нашей машины. Водитель Андрей, видно, забыл, что я ушла, а немцы в это время прорвали оборону. Спасибо саперам, на виллисе меня подобрали.

Германия, Шнейдемюль. Остановились в бывшем немецком госпитале. Заняла комнатку. Холодно. Пошла поискать таз, чтобы налить в него спирт и немного погреться. Вошла в большую палату и обомлела. Все раненые застрелены своими же: сидят и лежат в разных позах, как восковые статуи. Наши войска наступали стремительно, и немцы не успели раненых эвакуировать.

Едем дальше. Больше мы не зависим от полевой кухни: Андрей возит в полуторке окорока, шоколад, сыр, бутылки вина, яблоки, компоты. На потолке подвешена колбаса.

В конце войны была вынуждена выйти замуж за старшего лейтенанта Алехникова, т.к. он из-за моей глупости он был разжалован в рядовые и отправлен в штрафную роту. Я его не любила и хотела от него отделаться, а судьба меня за это наказала. Пожили недолго. Он уехал, не разведясь со мной, и о его судьбе я ничего не знаю.

**Андреев
Евгений Николаевич**

*участник Великой Отечественной войны,
старший преподаватель военной кафедры,
работал в ИЭИ с 1964 по 1971 г.*

В нашем авиационном штурмовом полку, в котором воевал я, молодые летчики были в основном из Москвы и Белоруссии. Все они были влюблены в авиацию и в свою профессию, но в любой момент были готовы отдать жизнь за Родину и если отдавали, то не дешево. На всю жизнь запомнил я весенние дни 1943 года, когда шли бои за Новороссийск. Мы поддерживали с воздуха наши морские десанты на Мысхако. В одном из боевых вылетов после уничтожения вражеской артиллерийской батареи и двух торпедных катеров мы, восьмерка самолетов ИЛ-2, были атакованы 12 фашистскими истребителями. Завязался воздушный жестокий бой над морем. Мы приняли лобовую атаку, но фашисты хитро отвернули в надежде воспользоваться скоростью и маневренностью своих самолетов. Однако уже было поздно. Наши штурмовики вели грозный лобовой огонь, который погубил немцев. К тому же находчивость и смелость летчиков тоже способствовали успеху, и мы сразу сбили три самолета противника. Но одновременно был подбит и самолет нашего друга Миши Куликова – веселого, великолепного парня. Горящая машина стала падать в море.

По приказу командира нашей группы майора Солдатова мы старались прикрыть подбитый самолет до приводнения. А на море уже разыгралась беспощадная борьба двух катеров (нашего и фашистского), которые спешили к тонущему летчику. С воздуха мы вели огонь по немецкому катеру и одновременно оборонялись от нападающих истребителей противника. На глазах у нас решалась судьба нашего товарища. Мы видели, как Миша, покинув самолет, плывет в сторону советского катера. Все зависело теперь от того, успеют ли наши моряки подобрать его раньше фашистов!

В это время наши истребители завязали бой с фашистскими мессерами и фоккерами, и мы полностью переключились для прикрытия подбитого летчика. В те минуты у всех нас была только одна цель, одно желание: во что бы то ни стало спасти Куликова. И вот мы видим, как советские моряки первыми подхватили обессиленного летчика и доставили на свой катер. Миша был спасен! Незнакомые люди встретились как братья под вражеским бешеным огнем и на деле доказали свое мужество, свое боевое и духовное единство и братство. Они не бросили товарища в трудную минуту, и победили!

На второй день мы уже обнимали нашего Мишу, который немного обгорел, был ранен, но глаза его блестели от радости и благодарности. Было понятно, что и он в любую минуту готов защищать нас, своих боевых товарищей, до последней капли крови. А позже и мне пришлось побывать у моряков на Малой земле. И я еще раз убедился, что братство и человечность советских людей непобедимы. Мы морально стояли гораздо выше своих врагов, мы знали, что защищаем свою Родину и ведем освободительную справедливую войну. Мы защищали свой народ.

**Баженов
Алексей Петрович**

*Родился в 1912 г., выпускник ИЭИ 1934 г.
С 1937 г. служил в Красной Армии, военный летчик,
участник Великой Отечественной войны с 1941 по 1943 г.,
после тяжелого ранения был демобилизован.
Награжден орденами Красного Знамени
и Отечественной войны I степени, медалями.
С 1943 по 1945 г. работал начальником военной кафедры,
с 1960 по 1970 г. – ректор ИЭИ,
канд. техн. наук, доцент кафедры промтеплотехники.*

Все знают, что в начале войны преимущество в технике было на стороне врага. Советским авиационным соединениям приходилось вести бои с большим напряжением, чтобы оказывать наземным войскам наибольшую помощь в их борьбе с превосходящим противником.

Мне пришлось участвовать в боевых операциях, которыми командовал маршал авиации Голованов.

Наши машины можно было видеть на многих фронтах, однако если выделить наиболее значительные операции, то следует начать с операции по обеспечению населения Ленинграда продуктами питания и вывозу из осажденного города раненых и больных. Мы летали в Ленинград до тех пор, пока не закончилось сооружение ледовой трассы на Ладожском озере. Может быть, эту операцию можно и не относить

к боевой, т.к. непосредственно боевых действий в этот период мы не вели, но умения и выдержки от летчиков эта операция потребовала больше, чем какая - либо другая.

Дело в том, что здесь, кроме немецких самолетов, нам пришлось встретиться с другим грозным противником летчиков – погодой. В этот период, пока не замерзает Ладожское озеро, в Ленинграде и прилегающих к нему районах постоянные туманы и морозящие осадки, которые приводят к обледенению самолета. Для того чтобы сделать один рейс, иногда приходилось совершать несколько вылетов. Немцы в такую погоду не летали. Но как только мы приземлялись в Ленинграде, они начинали бешеный обстрел аэродрома, и мы разгружали машины в невероятно трудных условиях.

В те дни летали мы ежедневно, редкий день выпадал, когда нельзя было прорваться к Ленинграду и привести очередную партию продуктов.

Если же погода улучшалась хотя бы немного, то немцы в тот же час выпускали своих истребителей, и попасть в осажденный город нам было очень трудно.

Мне вспоминается бой нашего самолета, который вел летчик Садков, с тройкой немецких истребителей. Это было уже на обратном пути из Ленинграда. В город продукты были доставлены, и в машине находились раненые и больные, в том числе дети, которых вывозили на Большую землю. Конечно, экипажу бомбардировщика без сопровождения было не под силу справиться с тремя немецкими истребителями. Наш летчик, проявив большое умение и хладнокровие, про-

извел вынужденную посадку машины. Однако немецкие стервятники продолжали обстреливать самолет и тогда, когда он уже горел.

Наши летчики, часто летая на машинах более низкого класса, чем у врага, выходили победителями в неравных боях за счет большого мастерства и воли к победе. Однажды нам пришлось на ночных бомбардировщиках вести дневное бомбометание танковой немецкой колонны в районе города Ярцево Смоленской области. Когда мы подошли к цели, истребители противника, прикрывавшие колонну, ушли на заправку. Воспользовавшись этим, мы произвели бомбовый налет и уничтожили несколько танков врага. Против зенитного огня было применено маневрирование изменением курса самолета. Мы, получив несколько слабых пробоин, повернули на свою базу. Но тут появились немецкие истребители, в бой с которыми наши самолеты вступить не могли. И вот здесь нам помогла погода. Благодаря ей и, конечно, благодаря искусному вождению машин нашими летчиками, мы успели скрыться в облаках. И немцы нас потеряли из виду.

Так, в трудных условиях начала войны, советские солдаты и офицеры, проявляя свои высокие боевые качества, выходили победителями в схватках с врагом, изматывали противника в боях и накапливали необходимые силы для полного разгрома немецких оккупантов.

**Братанова
Тамара Федоровна**

Родилась в 1917 г. В 1942 г. была мобилизована в Красную Армию. Работала в госпитале. Награждена медалями. С 1951 по 1973 г. работала в ИЭИ старшим лаборантом на промтеплоэнергетическом факультете.

Когда началась война, я записалась на курсы медицинских сестер. После их окончания ушла на фронт. Было мне тогда 25 лет. Меня направили в эвакуогоспиталь, работала там перевязочной сестрой.

Мне приходилось часто помогать в операционной. К нам в госпиталь поступали раненые с передовой линии фронта, и мне, почти девчонке, было сначала очень трудно: вокруг стоны, кровь раненых... Постепенно привыкла к этой обстановке и, как могла, старалась облегчить страдания бойцов.

У нас собрался очень хороший, сильный состав врачей, и вот что особенно поражало: тяжело раненные солдаты, многие даже не долечившись, просились на фронт, снова рвались в бой. Глядя на мужество наших бойцов, мы все больше и больше верили, что наша победа близка, что с такими людьми проиграть войну невозможно.

Очень мне запомнился один случай в нашем госпитале. Привезли как-то к нам восемнадцатилетнего паренька, совсем почти мальчика. У него были перебиты обе ноги и искалечены руки. Пришлось ноги и одну руку ампутировать. Очень сильно переживал солдат свою трагедию, чуть с со-

бой не покончил. И тут большую роль сыграли наши врачи, весь медицинский персонал. Бойца ни на минуту не оставляли одного, подолгу разговаривали с ним, старались отвлечь от мрачных мыслей, и начал понемногу наш паренек оттаивать, снова начал верить в жизнь. А вскоре он выписался, и долго еще приходили в госпиталь из Сибири его письма.

Много ужасов и страданий несет война, вот поэтому хочется сказать еще и еще раз: «Нет, это не должно повториться! Преградите дорогу войне!»

**Востриков
Сергей Яковлевич**

*Родился в 1925 г., участник Великой Отечественной войны
с 1943 по 1945 г. Служил в артиллерийских частях
на 2-м и 3-м Украинских фронтах.*

*Доцент кафедры политологии и социологии,
работал в ИГЭУ (ИЭИ) с 1974 по 1997 г.*

Детство мое было трудным. В семье – двенадцать братьев и сестер. Работали сутками. Хлеба досыта не ели никогда.

Начало войны врезалось мне в память на всю жизнь. Голодный июнь сорок первого. Семья наша жила в колхозе. Все припасы у нас давно кончились, до нового урожая еще далеко. Поехали с отцом в г. Мичуринск Тамбовской области за продуктами. Трое суток отстояли в очереди и купили печеного хлеба. С большой

радостью и песнями (отец хорошо пел) отправились 22 июня домой, не ведая, что произошло. Случайная встреча на пути с человеком, произнесшим страшное слово «война», оборвала смех. Слезы отца, женский плач дома сжали сердце страшным предчувствием. Уезжали под звуки гармоник из мирной, не сытой, но радостной жизни, а вернулись в суровый и молчаливый мир военного времени.

В январе 1943 года 17-летним мальчишкой после окончания средней школы ушел на фронт защищать Родину. В начале службы положение рядового бойца казалось мне совершенно безнадежным. В первом же бою погиб мой товарищ, буквально изрешеченный осколками. В первую же ночь он приснился мне, звал к себе. Долго образ погибшего друга являлся мне по ночам, и я привык к мысли, что вот-вот убьют и меня, приготовился к смерти. Но приказы выполнял, набирал боевой опыт, и фронтовая судьба хранила меня.

За время войны не раз видел смерть лицом к лицу. Перебирался через траншею, заполненную трупами в таком количестве, что наши орудия не могли пройти, пока не разобрали эти завалы. Видел в нашем сожженном танке кипящее, клокочущее варево из экипажа. Тонул в трясине, был на прицеле у снайпера. Два раза разбивался, когда служил в десантных войсках...

Помню, окружили нас власовцы. Дело было в Австрии. Ночь. Сопка в лесу. Внизу – дорога серпантином. Сопка простреливается насквозь. Массированный огонь из бронетранспортеров. В ночном мраке разрывные пули, как бенгальские смертоносные огни. Нас осталась горстка. Власовцы кричат: «Русские, сдавайтесь». Начали петь «Катюшу». Не знаю, каким чудом продержались до утра. Днем пришло подкрепление.

В 1944 году стал комсоргом батареи. За проявленную храбрость во время боев награжден 7 правительственными наградами, в том числе медалью «За отвагу». Закончил

службу в Советской Армии в 1950 году секретарем партийного бюро отдельной части.

Выдра
Валентина Никифоровна

Родилась в 1923 г. Участвовала в Великой Отечественной войне с 1942 по 1945 г. Награждена медалями.

С 1969 по 1985 г. работала в ИЭИ секретарем ректора.

В нашей литературе широко освещен вопрос о работе военных связистов в годы Великой Отечественной войны. Но в основном описаны дела связистов первой линии, которые, нагрузив на себя катушки с телефонным проводом, протягивали связь к подразделениям на передовой, невзирая на частые бомбежки и обстрелы.

Между тем немногие знают о том, что в течение всей войны наше Верховное Главнокомандование из Москвы имело прямую телеграфную буквопечатную связь, а в последний год войны и телефонную связь по ВЧ со штабами фронтов, армий, соединений вплоть до отдельных частей, действовавших на важных направлениях.

В годы войны мне довелось работать именно на такой магистральной связи. В июле 1942 года, окончив обучение в Киевском военном училище связи им. М.И. Калинина (оно тогда было эвакуировано в город Красноярск), я была направлена в 48-й отдельный батальон связи (48 ОБС) по специальности «телеграфистка быстродействующей теле-

графной аппаратуры СТ-35» (Советский телетайп-35) и в составе этого батальона прибыла на 1-й Украинский фронт под город Старый Оскол, где и получила первое «крещение» – в то время готовилось наступление наших войск на Курской дуге.

И так, до конца войны, продвигаясь вслед за передовыми частями, развертывали большие и вспомогательные узлы связи. Наша задача заключалась в поддержании бесперебойной круглосуточной связи, в своевременной передаче и приеме возрастающего с каждым днем потока телеграмм.

Офицеры штаба, в том числе и высокопоставленные, часто требовали, чтобы их телеграммы были переданы в первую очередь, нарушая работу телеграфисток. Порой можно было услышать угрозы в адрес наших непосредственных командиров, что вызывало излишнюю нервозность, которая передавалась и нам. Мы понимали, что означает связь для управления войсками, и все трудились с полной отдачей сил.

Тогда и в дальнейшем мы видели, что работа связистов со стороны кажется простой и незаметной, она редко дает непосредственный и видимый результат во время боевых действий, но от нее очень часто зависит исход боя, жизнь многих людей.

В последний год войны я работала не только телеграфисткой, но и механиком телеграфного кросса, в обязанность которого входило поддерживать связь с ремонтными бригадами на линии, измерять и испытывать провода, восстановленный провод переключать немедленно на аппарат для пропуска связи, не ожидая исправления других проводов.

Когда в результате победоносного наступления наши войска вышли к государственной границе, мы, связисты 48 ОБС, продолжали работу по обеспечению магистральной телеграфной связью нашего командования войсками за границей.

До конца войны и до демобилизации (январь 1946 г.) я работала на ряде трансляционных пунктов в городах Львове, Мукачеве, Чопе, потом на территории Венгрии.

Мы, военные связистки, гордились тем, что своим, на первый взгляд, малозаметным трудом способствовали успешным боевым действиям наших войск и что в общей победе имеется частица и нашего скромного труда.

**Корень
Леонид Иосифович**

Родился в 1924 г. С 1942 по 1945 г. служил в Красной Армии, был командиром стрелкового взвода, огнеметчиком, командиром отделения полка НКВД.

Несколько раз ранен. Награжден орденами Отечественной войны и Славы III степени, медалями. Работал в ИГЭУ с 1981 по 1994 г. старшим лаборантом кафедры научного коммунизма, потом отечественной истории и культуры.

Вспоминая войну, на часто задающийся вопрос: кто явился организатором и вдохновителем наших побед? — я отвечаю: партия коммунистов во главе с И.В. Сталиным. Коммунисты показывали образцы мужества и бесстрашия в борьбе с врагом. Мы, молодые воины, старались им подражать, на них равняться. Помню, когда погиб наш командир, я, приняв командование взводом, с возгласом «За Родину! За

Сталина!» повел в атаку бойцов. И мы отбросили фашистов.

Теперь некоторые горесочинители пишут, что в нашей стране не было дружбы народов. Бессовестно лгут! Например, у нас в роте были воины разных национальностей, но никакой национальной неприязни у нас не было, мы жили одной братской семьей.

Во время боя я был тяжело ранен. Санбат нашей дивизии ушел с наступающей частью. А помощь мне оказывала простая украинская женщина. Примерно дней десять она меня выхаживала, пока не забрали в санбат другого эшелона.

Во время лечения в эвакогоспитале в Ереване к нам, раненым, приходили ереванские школьники, приносили фрукты, пели нам песни, а 1 Мая принесли вино. Нас окружали теплом и заботой.

Были у меня и огорчения. Например, не извлекли пули при лечении в эвакогоспитале. Одну пулю из плеча у меня удалили в Ивановском госпитале только в 1974 году, а другая пуля до сих пор у меня в предплечье.

Вспоминая дни войны, хочу обратиться к нашей молодежи с призывом помнить, беречь и умножать славные дела участников Великой Отечественной войны.

**Купчиков
Владимир Иванович**

*Участник Великой Отечественной войны с 1942 по 1945 г.,
воевал в составе войск Южного, 1-го и 3-го Белорусских
фронтов. Награжден 13 медалями.*

*После войны служил в Вооруженных Силах СССР.
С 1980 по 1997 г. работал в ИГЭУ (ИЭИ) сначала
инженером НИСа, потом учебным мастером на военной
кафедре. Заслуженный работник культуры РФ.*

Родился я в Казахстане в 1924 году, а детство прошло в Астраханской области. Пошел в школу, когда мне не было и шести лет. Старшие сестры учились, ну, и я увязался за ними. Вот так и получилось, что в двенадцать с половиной лет уже закончил семь классов. Но что делать дальше? На работу никуда не брали по возрасту, учиться было не на что. Одна-

ко через год мне удалось поступить сразу на второй курс рабфака Астраханского рыбного технического института – свою роль сыграла моя похвальная грамота об отличном окончании семилетки.

Войну встретил студентом этого вуза. Питание было «аховое» – 400 граммов хлеба, стипендии не платили. Со студентами работал на строительстве железной дороги Астрахань – Кизляр, в Калмыкии рыл противотанковые рвы. Наступила поздняя осень, холода, а у меня кроме парусино-

вых ботинок и телогрейки ничего не было. Учебу пришлось прервать и устроиться на работу в колхоз.

В августе 1942 года, когда немцы были уже под Сталинградом, меня вызвали повесткой в райвоенкомат (вместе со мной было призвано еще трое ребят). Из призывников 1924 года рождения в Астрахани была сформирована 159-я отдельная стрелковая бригада, и я оказался в минометном дивизионе. Сначала был наводчиком миномета, затем назначен на должность командира расчета. А вскоре военная судьба вывела меня еще ближе к передовой.

Осенью 1943 года я был назначен командиром отделения управления батареи и был обязан обеспечить наблюдение за противником и обнаружение целей, а также бесперебойную связь наблюдательного пункта с огневой позицией батареи. Ясно, что немцы стремились в первую очередь уничтожить как артиллерийские или минометные батареи, так и их наблюдательные пункты, корректирующие огонь батарей. Поэтому я неоднократно бывал и под бомбежками, и под обстрелом (однажды, чтобы не убило, во время бомбежки двенадцатью немецкими самолетами лежал под машиной, загруженной 80 минами по 16 килограммов каждая).

Многие мои товарищи были ранены или погибли в то время и на огневой позиции, и на наблюдательном пункте — из 73 человек к концу войны в батарее оставались в строю лишь 7 из старого состава конца 1942 года, но только двое, в том числе и я, ранены не были. А посидел я в семнадцать с половиной...

Я прошел фронтовыми дорогами от Астрахани до Праги, много тяжелых испытаний было на этом пути. Но особенно запомнилась переправа через Днепр в районе Никополья, когда я чуть не «булькнул» под лед. Это было 25 или 26 февраля 1944 года. Нам, группе в 6 человек, было приказано переправить на правый берег миномет и мины. Молодой, только что замерзший лед имел толщину не более пяти сантиметров. Я полз и тащил на веревке минометную плиту

весом в 98 килограммов. И где-то на середине Днепра лед под ней треснул. У меня мгновенно сработала мысль: «Если плита утонет, то миномет-то стрелять не сможет!». А о том, что может случиться со мной на этом трещавшем льду, думать было некогда. Я дернул за веревку, которой была привязана плита, и она быстро «приползла» ко мне. А уж как я сам уполз от плиты, чтобы не утонуть с ней вместе, я не помню.

В июле 1944 года наша 130-я стрелковая дивизия освобождала Брест, а затем, уже после войны, я 12 лет служил там. Я заинтересовался историей Брестской крепости и судьбами ее защитников. В 1957 году установил тесный контакт с музеем крепости, а позже стал и его внештатным научным сотрудником. Приходилось по крупицам собирать материал, уточнять личности и судьбы погибших, воскрешать «из небытия» память о совершенно незнакомых мне людях. Только за 1982 – 1991 годы мной было отправлено в различные районы страны свыше шести тысяч писем и получено около трех тысяч семисот ответов. А сколько состоялось за это время поездок (разумеется, за свой счёт): Брест и Омск, Ленинград и Краснодарский край, Саратов и Дагестан... Результатом всей этой работы явилось написание около 70 статей и книги «До последнего патрона», в которой воссозданы правдивые, бесхитростные портреты наших земляков-ивановцев и уроженцев соседних областей – солдат Великой Отечественной.

Также проводил большую работу по награждению погибших защитников Бреста, по восстановлению исторической и человеческой справедливости по отношению к незаслуженно забытым земляка

**Лохов
Роман Дмитриевич**

Родился в 1925 г. Участвовал в Великой Отечественной войне с 1943 г., служил в частях ПВО под Москвой.

Освобождал Белоруссию, Прибалтику, Польшу.

Награжден орденом Отечественной войны

II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др.

С 1955 по 1978 г. проходил службу в рядах

Вооруженных Сил СССР.

С 1978 по 1997 г. работал в ИЭИ председателем ДОСААФ, потом учебным мастером на военной кафедре.

Было это весной 1945 года. Батарея получила задание освободить и сохранить железнодорожный мост через Западную Двину. Нужно было форсировать реку, освободить мост и хутор Пуки, где занять оборону и обеспечить передвижение войск по дороге. Форсировать реку пришлось на подручных средствах. Для орудий и ящиков с боеприпасами сделали плоты, которые связали веревками. Форсирование началось но-

чью, шел сильный дождь. Люди передвигались вплавь или держась за плоты. При форсировании погибли телефонист и разведчица. Только вытащили плоты на берег – сразу в бой. Моему расчету была поставлена задача разведать хутор и уничтожить противника. В составе расчета – 8 человек, вооруженных автоматами «ППШ» и ручными гранатами. Немцы встретили яростным сопротивлением. После первой

атаки нам на помощь прибыло еще два расчета. Фашистов, конечно, выбили, а двоих – солдата и офицера – взяли в плен. Как потом выяснилось, на хуторе размещался штаб подразделения немцев. Здесь мы простояли три месяца, выполняя задание, охраняя и обороняя мост, затем двинулись дальше. Дошли до Познани. Немцы часто производили массированные воздушные налеты. Наши батареи вели яростный обстрел противника. Пламегасители орудийных стволов иногда раскалялись докрасна. Во время одного из таких налетов мой расчет сбил два самолета-штурмовика, за что впоследствии бойцы получили медали «За боевые заслуги», а командир расчета – медаль «За отвагу». После нападения авиации немцы предприняли наступление пехотой, и зенитные орудия пришлось опускать для ведения огня по наземным целям. При этом «наземном» нападении я был тяжело ранен и направлен в полевой госпиталь. Там, в городе Резекне, в Латвии, встретил конец войны, там же мне и вручили медаль «За отвагу».

**Малышев
Всеволод Александрович**

*Родился в 1916 г. С 1937 г. служил в Красной Армии,
участник Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 г.,
служил в авиации дальнего действия.*

*Награжден орденом Отечественной войны II степени,
двумя ордена Красной Звезды, 14 медалями.*

Гвардии полковник в отставке.

*С 1963 по 1984 г. работал в ИЭИ
на кафедре научного коммунизма.*

Чем дальше уходит в историю 1945 год – год разгрома немецкого фашизма, тем значительней и величественней встает перед взором немеркнущий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. Кажется невероятным, что советские люди, потеряв в начале войны значительную часть своей территории, природных богатств, фабрик и заводов, совхозов и колхозов, сумели выстоять против коварного врага, мобилизовавшего все силы Европы, и не только выстоять, но уничтожить его в логове.

Перед взором встают картины недавней истории. Год 1941. Я, штурман тяжелого бомбардировщика, возвращаясь с задания, вижу огромные пожарища наших деревень, сел и городов, дороги, забитые женщинами, детьми, стариками, скотом, транспортом, движущимися на восток. Вижу, как вражеские истребители, потешаясь, расстреливают колонны

беззащитных людей. И нечем было ответить, силенок не хватало... Думалось, будет ли это отомщено.

1942 – 1943 годы. Идут напряженные бои за каждый метр советской земли. Забыв об усталости, мы бомбили врага, где только было возможно. Советские люди с трудом, но давали все необходимое для фронта.

Год 1944. Выход на границу СССР.

Год 1945. Последнее убежище гитлеровцев – Берлин. Зееловские высоты – сильно укрепленный район врага, последний рубеж. Наша часть – над Зееловскими высотами. Панорама потрясающая. На земле нет ни одного квадратного метра, где не рвались бы мины, снаряды, авиабомбы, ракеты. Всё это освещено огромной массой прожекторов с земли. Над высотами, сменяя друг друга, висело так много самолетов, что работала одна мысль, как бы не столкнуться. Настроение восторженное. Вот оно отмщение, вот оно возмездие!

Отгремели последние залпы войны. Пролетая над освобожденными районами, со сжатым от боли сердцем видишь, сколько разрушено: руины городов и сел, черные пятна пожарищ, разрушенные железнодорожные пути, станции, мосты. Думалось, сколько потребуется десятков лет напряженного героического труда, чтобы восстановить все это. Но великий народ и здесь был героем. Каждый год, посещая места боев, я видел, как быстро восстанавливается жизнь. И теперь от гордости замирает сердце, когда видишь на опустошенных ранее местах красивые проспекты городов, красавцы-поселки, села и деревни. Думаешь какой другой народ кроме советского способен на такие грандиозные, героические подвиги. Нет такого народа. И сейчас уже в мирные дни, хочется от всей души сказать «спасибо» этому великому народу, народу-труженику, народу-победителю.

**Морозов
Николай Васильевич**

*Родился в 1921 г., участвовал в Великой Отечественной войне с 1941 по 1945 г. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Славы III степени, медалями, в том числе «За отвагу».
С 1946 по 1986 г. работал в ИЭИ на кафедре тепловых электрических станций.*

Окончив среднюю школу в 1939 году, я поступил в Горьковский индустриальный институт имени Жданова, но в октябре месяца меня призвали в ряды Советской Армии и направили в инженерные войска.

Начало Великой Отечественной войны застало меня в Подмоскowie, где размещалась наша часть. а уже через несколько дней — в последних числах июня 1941 года наш отдельный инженерно-саперный батальон принимал участие в боевых действиях на Западном фронте, обеспечивая наступление механизированного корпуса. В составе этой части (впоследствии награжденной орденом Красного Знамени и переименованной в числе первых инженерных частей в Гвардейскую) я и прошел весь её боевой путь до окончания войны через Западный, Брянский и 1-й Прибалтийский фронты.

Трудна и опасна работа сапёра на фронте, и не зря говорят, что сапер ошибается только один раз. Память человеческая, даже самая ясная, не всегда способна воспроизвести

с абсолютной точностью прошедшее, тем более, что от тех трудных для нашей Родины лет отделяют нас десятилетия. Сейчас вспоминаются первые тяжелые месяцы войны. Когда наши войска с трудными боями отходили от западных границ на восток, нам, саперам, с глубокой болью приходилось разрушать созданные народом промышленные предприятия городов Борисова, Орши, Витебска и Смоленска, взрывать мосты, железнодорожные узлы и шоссейные дороги, задерживая продвижение фашистов. Вспоминаются и трудные дни обороны Москвы.

Но несмотря на все переживаемые трудности, мы верили в победу и делали для этого все, порой почти невозможное.

Не забыть мне и первые радостные успехи наших войск – дни разгрома фашистов под Москвой, дни, когда мы уверенно пошли на запад. Тяжело было видеть разрушенные города и села, видеть горе наших людей, испытавших немецкое нашествие. Здесь круто изменился характер нашей работы – нам приходилось много заниматься разминированием территории, наведением переправ и постройкой мостов через водные преграды для наступающих частей, а также созданием укрепленных районов, оборудованием передового края обороны наших войск.

В дни активного наступления в 1943 – 1945 годах наша часть обеспечивала боевые действия танковых частей под Витебском, в Прибалтике и Восточной Пруссии. Мне хорошо запомнились упорные бои по окружению Витебской группировки противника, в которых нам, саперам, вместе с другими родами войск приходилось прорывать оборону противника в районе города Городка. Трудными боями в Прибалтике и завершающими ударами по врагу в Восточной Пруссии (штурмом оплота прусской реакции – города Кенигсберга и морской крепости Пиллау) закончились боевые действия моей части. Настал радостный День Победы, но работа саперов и моя служба еще продолжались до августа

1946 года. Мы разминировали территорию Восточной Пруссии и районы Великолукской области, старались убрать все до последней мины, чтобы нигде не раздавалось эхо войны.

**Никитин
Владимир Ильич**

Родился в 1922 г. В 1940 г. был призван в Красную Армию, окончил авиашколу стрелков-радистов, потом Московское воздушно-десантное училище. Во время Великой Отечественной войны воевал в составе 3-й Воздушно-десантной дивизии на 3-м и 4-м Украинских фронтах.

*Участвовал в освобождении Венгрии,
Австрии, Чехословакии.*

Канд. техн. наук, доцент, заведовал кафедрой паровых и газовых турбин, работал в ИЭИ с 1951 по 1982 г.

Это произошло на восьмой день после вероломного нападения на нашу Родину немецко-фашистских захватчиков. Наша эскадрилья средних бомбардировщиков получила срочное боевое задание: создать несколько заторов на дорогах Прибалтики и уничтожить два моста через небольшие речки.

Прорвав заградительный огонь противника, мы вышли на тыловые позиции немцев. Однако огонь зенитных батарей в тылу оказался не менее ожесточенным, чем на линии фронта. Освободившись от бомбового груза примерно

в 100 километрах от линии фронта, мы легли на обратный курс и снова попали под огонь. Кругом разрывались зенитные снаряды, образуя огромные огненные сферы, подбрасывавшие наш самолет с такой легкостью, словно он был невесомым. Один из двигателей вышел из строя, и самолёт стал терять высоту, прорываясь сквозь огненное кольцо вспышек вражеских батарей. Осколком снаряда был убит штурман. Но все-таки нам удалось дотянуть до своей базы.

Все последующие месяцы наша часть с разных баз летала опускать смертоносный груз на немецких оккупантов.

В составе авиадесантных частей мне довелось воевать также на 2-м и 3-м Украинских фронтах. За боевые заслуги награжден двумя орденами и медалями. Эпизодов, подобных тому, о котором я рассказывал, в моей военной биографии было немало. Все они свидетельствуют о мужестве и стойкости защитников Отечества, об их неистребимом стремлении уничтожить ненавистного врага.

**Пятачков
Борис Иванович**

*Родился в 1910 г. Выпускник ИЭИ 1934 г.,
работал на производстве. Участник Великой
Отечественной войны с 1942 по 1945 г.,
воевал на Юго-Западном, 1-м Украинском, 2-м Белорусском
фронтах в составе 174-го истребительно-
противотанкового полка. Прошел боевой путь
от Сталинграда до Восточной Пруссии.
Награжден орденом Красной Звезды и медалями.
Канд. техн. наук, доцент кафедры промтеплотехники,
работал в ИЭИ с ноября 1945 по 1983 г.*

**Четырнадцать эпизодов
войны**

12 февраля 1943 года
Станица Калиновская, прав-
ый берег Северного Донца.
Погиб батальонный комиссар
майор Н.Ф. Малышев, тяжело
ранило командира полка май-
ора Блонского на передовой в
боевых порядках пехоты.

Девочка выдернула че-
ку гранаты – оторвало руку.

Город Ворошиловоград. Чудовищное злодеяние фа-
шистов. Евреев вызвали на стадион. Взрослых расстрелива-
ли, а детям смазывали ядом губы – смерть. Трупы хоронить
не разрешали. Жители прятали евреев, зная, что за это будет
расстрел.

Хутор Морозовка. 29 марта 1943 года. Танковая атака немцев: нами подбито 12 из 20, 8 танков повернули обратно.

Хутор Морозовка. 8 апреля 1943 года. Танковая атака немцев. Мы подбили 5 машин из 20, 15 танков повернули обратно.

Хутор Морозовка. Колхозники сажали картофель. Сила – в один плуг два вола, в другом плуге – четыре коровы.

Залиман. 4 мая 1943 года. Через нас летают американские самолеты.

Село Кунье. 17 мая 1943 года. Жители эвакуированы на 7 километров, но днем иногда приходят в село. При нашем вселении в хаты – на нас набрасываются блохи. Борьба с ними: поливаем водой земляной пол, завязываем тесемками рукава и брюки внизу.

Район Изюма. Июнь 1943 года. В сосновом лесу на полянке росли несколько березок. Мы ходили к ним, как бы встречались со своими березками.

Июль 1943 года. Район Изюма. В лесу расположились войсковые части, резерв Главного командования. Наш полк подготовил запас снарядов – 10000 штук.

По прибытии в полк мне старшина предложил на выбор: английские ботинки или русские. Я соблазнился красотой английских – через три дня подошва у них лопнула. Сменил на русские.

Боец артснабжения сварил кашу из трофейных сухих концентратов. Оказалась каша из сухих дрожжей, но никто не пострадал.

Остановились в поле. Подали команду: «С машин не сходить! Кругом мины, ехать след в след». Однако водитель Шпак не слышал, пошел к канаве сорвать горох — взрывом оторвало ногу.

Мальчик принес взрыватель. Решил положить на плитку — ему оторвало пальцы руки.

Сазонов Григорий Исакович

Родился в 1924 г. Участник Великой Отечественной войны с июня 1944 г., сражался за освобождение Западной Белоруссии, Восточной Пруссии, Польши. Награжден орденом Красной Звезды, медалями. Полковник запаса. Преподавал в Рязанском общевойсковом командном училище. С 1959 по 1979 г. работал в ИЭИ начальником учебной части военной кафедры.

Разгром гитлеровских войск в Восточной Пруссии

Гитлеровцы хорошо понимали политическое, экономическое и стратегическое значение Восточной Пруссии, поэтому здесь была создана мощная система обороны с учетом местности. В районе Растенбурга, под прикрытием Мазурских озер, с момента нападения на СССР и вплоть до 1944 года в глубоком подполье размещалась ставка Гитлера.

Оборона Восточной Пруссии и Северной Польши была возложена фашистами на группу армий «Центр», которая должна была остановить продвижение советских войск вглубь и сковать их на длительное время.

Вступление советских войск в Восточную Пруссию использовалось для запугивания немцев, которых якобы от мала до велика ожидает неминуемая гибель. Все население призывалось встать на защиту своего района, своего дома. По существу, все способные носить оружие зачислялись в фольксштурм. В войсках под расписку был объявлен приказ об удержании Восточной Пруссии во что бы то ни стало.

Советским войскам предстояло в трудных условиях озерно-болотистой местности провести Восточно-Прусскую операцию, что имело важное значение для общего наступления войск зимой 1944 – 45 годов и для скорейшего завершения войны в целом.

Мне довелось быть участником этой операции в качестве радиста стрелкового батальона в составе 3-й армии 2-го Белорусского фронта, которой командовал наш земляк генерал А.В. Горбатов.

На меня была возложена задача обеспечения радиосвязи командира батальона с командиром полка. В ночь перед наступлением пехота батальона заняла исходные позиции, а утром на рассвете после мощной артиллерийской подготовки 14 января перешла в наступление с плацдарма на реке Нарев в Польше. Утро было туманное, видимость плохая, что отчасти не мешало нам, солдатам пехоты, открыто смотреть за обработкой переднего края противника нашей артиллерией и ждать команду «В атаку на врага!». По команде мы ринулись в бой, овладели первой траншеей, второй. Гитлеровцы, не выдержав натиска нашей пехоты и поддерживающих нас танков, поспешно стали отступать, оказывая ожесточенное сопротивление.

Радиосвязь работала надежно, комбат майор Иванов был доволен. В этой обстановке мне все время приходилось

передавать по радио о нашем продвижении вперед и выполнении поставленных задач командиру полка и по ходу обстановки просить о переносе огня артиллерии на последующие рубежи и для подавления оживших огневых средств противника. Пехота и танки с сильными боями продвигались вперед, проявляя энтузиазм, отвагу и мужество, преодолели несколько траншей сильно укрепленной обороны противника и в первый день наступления продвинулись с боями до 6 километров. Были взяты первые пленные и трофейные радиостанции.

В последующие дни января войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов, участвующие в проведении Восточно-Прусской операции, продвигались вперед. В результате шестидневных непрерывных ожесточенных боев войска 3-го Белорусского фронта продвинулись до 45 километров в глубину и создали условия для удара на Кёнигсберг. После упорных пятидневных боев войска 2-го Белорусского фронта продвинулись на отдельных направлениях на глубину до 60 км, открыв возможности в короткие сроки выйти к Балтийскому морю и отсечь восточно-прусскую группировку противника от центральных районов Германии.

Весь январь шли ожесточённые бои с противником. По мере продвижения наших войск обстановка для противника значительно ухудшилась, но он еще был способен продолжать борьбу. Затем мне пришлось в составе 3-й армии на 3-м Белорусском фронте участвовать в наступлении на кенигсбергском направлении.

Общее наступление, начавшееся 10 февраля, развивалось медленно. Развитая система долговременных и полевых сооружений позволяла противнику скрытно совершать маневр, закрывать образовавшиеся бреши в обороне. В среднем в сутки с сильными боями нам не удавалось продвинуться более чем на 1,5 – 2 километра. Преодолевая один оборонительный рубеж, мы наталкивались на следующий и вынуждены были заново готовиться для осуществления сле-

дующего прорыва. Особо упорное сопротивление нам оказали гитлеровцы в районе города Мельзак. Трое суток мы продолжали вести ожесточённые бои, отбивали одну контратаку за другой. И 17 февраля Мельзак был взят.

Нам не раз рассказывали политработники о личной храбрости наших командиров, которые своим личным примером и присутствием вселяли в сердца воинов бодрость и веру в успех дела. Мне пришлось видеть в боевых порядках нашего батальона командующего 3-й армией генерала А.В. Горбатова. Особо мы были наслышаны о личной храбрости нашего командующего 3-м Белорусским фронтом генерала армии И.Д. Черняховского. Он часто появлялся там, где обстановка была наиболее сложной. Так было и 18 февраля 1945 года. И.Д. Черняховский, побывав в войсках 5-й армии, выехал на командный пункт 3-й армии. Однако к назначенному месту командующий фронтом не прибыл. На окраине Мельзака осколком снаряда он был смертельно ранен и вскоре скончался на поле боя. Эта скорбная весть быстро облетела войска, и мы поклялись отомстить врагу за смерть командующего. Командующим войсками 3-го Белорусского фронта был назначен Маршал Советского Союза А.М. Василевский.

Мне, радисту, в этих боях приходилось обеспечивать не только радиосвязь, но и с автоматом в руках сражаться вместе с пехотой в первой линии, наступать и отбивать контратаки, обороняться. На войне как на войне. Я не помню случая, чтобы в этих боях хоть один раз мне не удалось установить радиосвязь, хотя обстановка была сложная. Эфир насыщен радиосигналами, противник создавал почти прицельные помехи, замерзали руки, и иногда не хватало усилий, чтобы справиться с ручками переключения на панели радиостанции. Но у радистов нашего полка, с кем мне приходилось в бою поддерживать радиосвязь, был большой боевой опыт работы на радиостанциях. Мы, радисты, знали друг друга по «почерку», часто работали без позывных, по-

нимали друг друга, что называется с полуслова. Особенно силен был Саша Овчинников из Орла, прошедший путь от Сталинграда, он нам, молодым солдатам, передавал свой большой боевой опыт. Как мне потом писали товарищи в госпиталь, Саша погиб в бою под Берлином.

Обеспечение надежной радиосвязи командованию способствовало общему успеху в боях, своевременному принятию решений в связи со складывающейся обстановкой, и постановке боевых задач подчиненным командирам. Нам, связистам, многое и доверялось, ибо в силу своей профессии мы многое знали, что нам не положено было знать до определенного времени, и я никогда не подводил своих командиров.

Особенно тяжелым для нашего батальона оказался бой 22 февраля. За целый день мы не могли выполнить поставленную задачу по захвату важного в тактическом отношении хутора, в котором засели фашисты и прямой наводкой из танков не давали возможности нам продвигаться вперед. И только с наступлением темноты обходным маневром нам удалось перехитрить фашистов и выбить их из хутора.

Ночь прошла более или менее спокойно, мы готовились отметить 23 февраля, 27-ю годовщину Советской Армии и Военно-Морского Флота. Но противник хотел вернуть утраченные позиции и пошел в контратаку, сопровождая свою пехоту и танки сильным артиллерийско-минометным огнем. Мы не дрогнули, отбили атаку, а через некоторое время новая атака, и так три атаки. И вот в одной из атак я был сильно ранен осколками разорвавшейся мины. Бой продолжался. Наш батальон сумел удержать не только этот хутор, но захватил еще один.

Раненый, я остался на поле боя. Но работать на радиостанции не смог. В этот же день, несколько позже, был тяжело ранен и командир нашего батальона, о чем я узнал в полевом армейском госпитале, где ему уже сделали операцию, а меня положили на соседний операционный стол...

Из-за усилившегося сопротивления врага и весенней распутицы наступление 3-го Белорусского фронта было временно остановлено.

Шла подготовка к новому наступлению, которое возобновилось юго-западнее Кенигсберга 13 марта 1945 года. Шли упорные бои по ликвидации окруженных группировок врага. 9 апреля бои развернулись с новой силой, гарнизон кенигсбергской крепости капитулировал. Так закончила существование еще одна группировка противника в Восточной Пруссии.

**Федоткин
Иван Терентьевич**

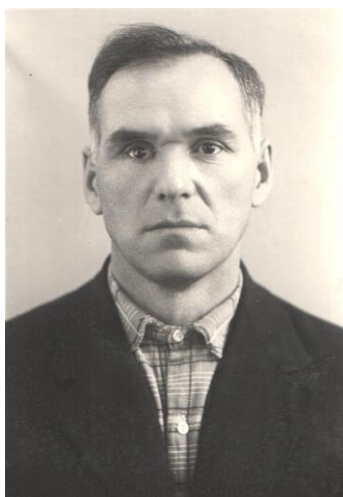
*Родился в 1919 г. До призыва в армию работал
электромонтером. В 1942 – 1943 гг. воевал на Калининском,
Брянском фронтах. После тяжелого ранения под Ржевом
до конца войны работал электромонтером
в эвакогоспитале №1388. Награжден четырьмя медалями.
С 1947 по 1960 г. работал в ИЭИ электриком,
потом учебным мастером учебно-производственных
мастерских.*

На фронте я был телефо-
нистом, обеспечивая связь во
время боевых действий. Не раз
приходилось смотреть смерти в
лицо.

Часто вспоминаю те су-
ровые годы, товарищей, с кото-
рыми делил все невзгоды воен-
ного времени. Когда читаю
книги, смотрю кинофильмы,
повествующие о событиях Ве-
ликой Отечественной, мыслен-
но возвращаюсь в родной полк,
всматриваюсь в знакомые лица
не вернувшихся с войны, от-
давших жизни за свободу и независимость Родины. Память о
них для меня священна.

Полученные ранения не раз вынуждали меня покидать
поле боя. Но находясь в госпиталях, я стремился как можно
скорее снова встать в строй, чтобы помогать своим товари-
щам обеспечивать разгром фашистской нечисти.

Над нашей любимой Отчизной голубеет мирное небо.
Но мы, как говорится, держим порох сухим. Это означает,

что, проводя миролюбивую внешнюю политику, наше государство не забывает заботиться об укреплении своей обороноспособности, чтобы суметь в случае необходимости, дать достойный отпор любому агрессору.

**Шкитов
Андрей Викторович**

Родился в 1922 г. Участник Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 г., воевал на 1-м и 4-м Украинских фронтах.

*Награжден двумя медалями «За боевые заслуги»,
Орденом Отечественной войны II степени,
медалью «За победу над Германией».*

*С 1952 по 2000 г. работал в ИГЭУ (ИЭИ),
канд. техн. наук, доцент кафедры
электроники и микропроцессорных систем,
10 лет был деканом электромеханического факультета.*

Со второго курса ИЭИ, в октябре 1940 года, меня призвали в армию. К началу Великой Отечественной войны успел получить хорошую подготовку радиста и

телеграфиста. Было это в городе Кобрине Брестской области. Когда 22 июня 1941 года началась бомбежка, не сразу осознали, что это – война, думали учения. Вдруг приказ: грузить оборудование на машины и отправляться в лес. Тогда только поняли, что в небе враги. Наивные, стали стрелять по ним из винтовок, которых было всего 7 на все под-

разделение. Увидев, что один самолет идет в пике, порадовались, решили – сбили, а он, оказывается, стал бомбить аэродром. Весь летный состав остался без самолетов. Вот таким запомнился первый день войны.

В составе 16-й роты связи районного авиаугонного базирования прошли путь сначала с востока на запад, затем с запада на восток. Участвовал в крупных операциях на Курской дуге, в освобождении Киева. Каждые 12 часов менялись позывные, чтобы сбить с толку немцев. Но, тем не менее, были и прямые попадания в расположение. Бригада постоянно доукомплектовывалась новыми бойцами. К концу войны уцелело только двое, остальные были либо покалечены, либо убиты или ранены.

Последствия вражеских налетов на аэродромы – самые тягостные воспоминания о войне. В составе 4-го Украинского фронта 1 января пересекли границу с Польшей, затем освободили Краков, а дальше была Чехословакия.

День Победы встретил в Германии в городе Глейвиун в Силезии. Узнали о нем из сообщения Информбюро по радио, как раз мыли машины. Выпили, палили из ружей. Ликовали! Но самая главная мысль – домой! Краков, Киев, Москва, Тула. В ноябре 1945 года в звании старшего сержанта вернулся в Иваново на второй курс института.

ИВАНОВСКИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**Степанова
Зоя Сергеевна**

*канд. хим. наук, доцент кафедры химии,
работала в ИЭИ с 1936 по 1976 г.*

22 июня 1941 года немецкие войска вторглись в Советский Союз. Людей в первый момент охватило чувство страха и ужаса. Мгновенно в жизни города все изменилось: в магазинах пропали продукты. Запасов питания в семьях не было. Сразу были введены продовольственные карточки на хлеб и другие продукты, но все это выдавалось в минимальных количе-

ствах. Наши дети были голодными. Матерям смотреть на это было невыносимо.

Мобилизация на защиту Родины отцов, сыновей, братьев приносила страдания близким и родным. У меня на фронт ушли сразу четыре брата, оставив жен и детей.

В городе и в институте началась бурная деятельность по перестройке работы на военный лад. В институте на 2-м и 3-м этажах (современный корпус «А») был организован госпиталь, поэтому учебные занятия проводились в две смены и даже в выходные дни. Сотрудники, приходя на работу, шли на 3-й этаж главного здания, где на стене висела большая карта, на которой красными и черными флажками отмеча-

лось продвижение наших и немецких войск. Женщины со слезами и горечью слушали сообщения Совинформбюро о событиях на фронте: немцы захватывали наши города. Но, овладев собой, на рабочих местах трудились энергично, прилагая все силы для победы над врагом.

В актовом зале проводились митинги, на которых выступающие призывали всех людей сплотиться в труде и оказать помощь фронту.

В это время я работала заведующей химической хозяйственной лабораторией. У нас было шесть женщин, которые выполняли заказы промышленности, главным образом военной, по производству химических анализов топлива, масел, металлов, растворителей, лаков, красителей, глин и других продуктов. Работать приходилось очень напряженно, так как результаты анализов требовались срочно. Нам пришлось готовить кустарным путем активированный уголь для противогазов: на улице, в яме, в специальной печи, проводили мы эту операцию.

Кроме того, все работали на трудовом фронте: возили топливо с железной дороги в нашу котельную, на вокзале разгружали вагоны, чистили от снега аэродром, рыли противотанковые рвы около деревень Коляново и Жуково. Эта работа была очень тяжелой, так как надо было пройти пешком несколько километров до того места, где выкапывали траншеи, а там ломami и лопатами долбить мерзлую землю. А сил у людей было очень мало. За эту работу нам выдавали дополнительно по 200 граммов хлеба и талон на порцию геркулесовой каши. За этим питанием шли в столовую Большой дмитровской мануфактуры. И как же мы уставали, ноги еле переставляли, казалось, что сейчас упадем и не встанем. Но никто не роптал и выполнял всю работу безоговорочно.

А дома ждали голодные дети. Их у меня было двое. Сидела с ними старая бабушка 88 лет. Кормить детей было нечем. Хлеба было мало, а картошки и овощей не было со-

всем. Старались детей уложить пораньше спать, а они со слезами требовали еды. Сердце разрывалось на части, глядя на их мучения. Чтобы добыть продукты, мы с сестрой брали санки и ехали в деревни менять свое добро тряпичное на картошку, квашеную капусту, крупу. Ходили в Роньково, за Мирславль (80 – 100 км), стирали ноги в кровь. Эти мучения мы переживали в первый год войны. В следующие годы стало легче, так как увеличили норму пайка. Летом вырастили картошку и овощи на пустыре около института, там, где сейчас стадион.

Тяжело было и с топливом. Мне пришлось идти в Воронниково и наняться на работу «торфушкой». Взяли меня с большим трудом, так как я была очень худая. Начальник торфоразработок посмотрел на меня и говорит: «Милая, да ты и носилки-то с сырым торфом не поднимешь». Я испугалась, что он меня не возьмет, и сказала: «Я очень сильная, я подниму». Сжалился директор и взял меня, а «торфушки», сильные крупные женщины, помогали мне: на мою сторону носилок накладывали поменьше, так я и заработала 5 кубометров торфа.

Женщинам в пору войны приходилось быть сильными и физически, и духовно, надо было иметь очень много мужества, чтобы вынести все эти нагрузки.

В доме окна заклеили бумажными крестами, а на ночь закрывали черной бумагой. Неподалеку от дома, на кладбище, стояли зенитки, которые во время перелета вражеских самолетов на Горький и Ярославль поднимали палбу так сильно, что стены дома сотрясались, а стекла окон дребезжали. Было страшно. Спать всегда ложились полуодетые, на стулья у кровати клали верхнюю одежду, бутылку с водой и кусочек хлеба. По сигналу «Воздушная тревога» быстро одевались, дети дрожали и плакали, а младший пятилетний сын кричал от страха. Уходили из дома и в темноте спускались в погреб, но это была очень плохая защита.

В институте работа шла своим чередом. Муж, В.М. Черкасский, проводил на работе день и ночь.

Воздушные тревоги объявляли и днем во время работы. Все бросались в бомбоубежище. Меня выбрали комиссаром. В мои обязанности входило обеспечить убежище газетами, журналами, питьевой водой, во время тревоги – всех успокоить, научить, как обращаться с противогазом.

Во время войны я была председателем комиссии по оказанию помощи фронту. В состав этой комиссии входили в основном девушки-студентки. Мы собирали среди сотрудников института теплые вещи: шарфы, носки, шапки, варежки, свитеры, а также письменные принадлежности. Девушки шили кисеты для махорки. Все это отправляли на фронт в почтовых ящиках. Бойцы были очень рады нашим посылкам, а особенно письмам, вложенным в посылки. Они поддерживали бойцов морально. Завязывалась переписка.

Шла война. Стали поступать печальные известия о гибели родных и близких. У меня погибли два брата в боях на подступах к Москве, а два брата вернулись инвалидами. Очень тяжело было пережить эту утрату.

В 1942 году будучи членом ВЛКСМ я вступил в ряды Коммунистической партии.

Последние годы войны радовали всех успехами наших войск, которые освобождали от врага города и села. У людей крепла уверенность в победе, и появился подъем в работе. В 1945 году война закончилась полным разгромом немецкой армии.

За трудовые подвиги в годы Великой Отечественной войны я награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

1985 г.

**Лопатин
Борис Владимирович**

*канд. техн. наук,
заведовал кафедрой сопротивления материалов
с 1934 по 1963 г.*

Помнятся тяжелые 40-е годы...

Фашистские полчища уже шагали по странам Европы. И хотя Германия подписала с Советским Союзом договор о ненападении, все же угроза войны висела над страной.

Я в это время заканчивал кандидатскую диссертацию и очень хотел с кем-либо проконсультироваться по своей работе, но въехать в Москву было трудно: требовалась не только командировка, но и предварительный вызов министерства. В марте 1941 года новый директор института Ф.И. Исаев устроил мне нужную поездку в столицу, в ВНИИПС, где все сделанное мною было одобрено. Два месяца ушло на последние опыты и оформление, и 14 июня я представил работу на соискание ученой степени. Диссертаций в то время писалось мало, и мне обещали, что защита будет запланирована на сентябрь.

Но через неделю наступило 22 июня.

Сразу нарушился весь налаженный ритм жизни. Городские партийные и советские организации возглавили его перестройку на военный лад. Многие предприятия перешли на выпуск продукции, необходимой для обороны страны. Началось строительство бомбоубежищ, по дворам население

стало рыть траншеи для укрытия, из-за тщательной светомаскировки город по ночам погружался в непроглядную тьму. Более 250 студентов и около 60 человек преподавателей и других работников института ушли на фронт. Но институт продолжал работу. Ввиду резкого сокращения учебных площадей занятия проводились в две смены. Учеба чередовалась с разнообразными делами, вызванными военной обстановкой: дежурствами на постах, занятиями по ПВО, заготовкой песка, выходами на разгрузку железнодорожных вагонов. В конце сентября институт направили в район Чернц на уборку картофеля. Погода была хорошая, и за неделю, работая от зари до зари, мы убрали весь урожай.

*Испытания изделий военного назначения
в лаборатории сопромата во время войны*

Было трудно с питанием, ощущалась скудность выдававшегося пайка, радовались, добывая где-нибудь мороженую картошку. Но, тем не менее, настроение было бодрое и твердо верилось, что враг будет сломлен и наступит возрождение.

Мне довелось участвовать в работе Городского комитета обороны, рассматривая множество оборонных предложений от населения: бронесани, самометатели гранат, керосиновые бутылки на деревьях, всевозможные западни на дорогах... Трогало сердце то единодушие, с каким самые разные люди думали о помощи Родине в борьбе с врагом.

В лабораторию кафедры сопромата стали поступать на испытание различные детали военного назначения: карабины и лямки для парашютов, чугунные стаканы мин, медные фигурные пояски для оружейных снарядов и так далее. Приходилось придумывать специальные приборы и устройства для проведения необычных испытаний. Заказы, как правило, были срочными, надо было работать и ночами – помогали нам специально подготовленные студенты. Объем этой работы был очень велик: за все время войны было проведено около 14 тысяч испытаний!

Летом 1942 года неожиданно пришло известие, что защита моей диссертации назначена на 7 августа. И вот снова Москва, Москва военная... Всюду аэроостаты, заграждения, камуфляжная раскраска зданий, натянутые маскировочные сети... Поиски санпропускника, скудный обед по талонам... Наконец, защита с единогласным одобрением моих трудов. На улице встретил поджидающего меня бывшего студента Николаева, он прочел в «Вечерке» о защите и, оставив свой комендантский пост, пришел меня поздравить...

А дома снова текущие дела: лекции, семинары, дежурства, проектирование городских бомбоубежищ, заготовка дров в лесу, участие в концертах студенческой самодеятельности в госпиталях.

1943 год начался радостными сообщениями о прорыве блокады Ленинграда, об окружении крупной немецкой армии под Сталинградом.

Это уже был перелом в войне!

В ноябре студенты затеяли проведение своими силами концерта памяти Чайковского и убедили меня взяться за его устройство, сделать доклад. Вечер состоялся 5 декабря и был исключительно тепло принят слушателями. Еще бы – все участники были свои, институтские! Этот успех повлек за собой организацию в следующие годы целого цикла лекций-конcertов о творчестве русских композиторов. Каждый концерт требовал огромной предварительной работы. Мне приходилось быть и организатором, и лектором, и пианистом. Приходилось заботиться о подготовке зала, гардероба, о настройке рояля, а главное – о подготовке самих «артистов». Группа студентов-активистов деятельно помогала во всем. Принимали участие и некоторые преподаватели. Видя всегда переполненный зал, в абсолютной тишине внимавший каждому слову, каждому звуку, все участники испытывали огромное удовлетворение от осознания пользы проводимой работы.

В течение всех этих лет шла на кафедре и другая большая работа со студентами. В 1943 году был организован первый в институте студенческий научно-технический кружок, весьма плодотворно работавший. Ежегодно организовывались олимпиады по курсу, в них принимали участие наиболее сильные студенты. Проходили такие мероприятия очень интересно.

На экзаменах требования предъявлялись серьезные: мы добивались хороших, прочных знаний предмета, являвшегося основой общеинженерных дисциплин. Двоек приходилось ставить порядочно: требовалась новая и новая доработка материала. Но смело можно было утверждать: что студенты на нас не обижались, понимая, что оценки ставятся справедливо, понимая, как много времени и сил отдавали этим переэкзаменовкам и сами преподаватели. Ценили студенты и бесчисленные консультации, даваемые нами, особенно по выполнению графических работ. В итоге учащиеся хорошо усваивали методы прочностных расчетов, могли

пользоваться ими позже в курсовых и дипломных проектах. Надо думать, что это приносило пользу и в их инженерной самостоятельной деятельности.

**Склянина
Людмила Ивановна**

*старший лаборант кафедры сопротивления материалов,
работала в ИЭИ с 1940 по 1967 г.*

В 1940 году я начала работать в ИЭИ на кафедре «Сопротивления материалов» лаборантом по ОНИРу (отделу научно-исследовательских работ), связанному с заказами промышленных предприятий.

Лаборатория нашего института была единственной не только в Ивановской области, но и в соседних с ней – Владимирской, Ярославской, Костромской. Она имела машины и приборы для испыта-

ний материалов на все виды напряжений и деформаций.

За месяц испытательного срока я под руководством старшего преподавателя А.Н. Супрунова освоила работу на всех машинах и приборах лаборатории, в дальнейшем могла работать самостоятельно по выполнению заказов с предприятий и проведению лабораторных работ со студентами, помогая преподавателям кафедры.

1941 год. Началась война. Заказы в лабораторию сократились, промышленность перестраивалась на военный лад. Студентов стало меньше – многие ушли на фронт, но

работы не убавилось. Шли бои под Москвой. И все мы, кто мог держать в руках лопату, лом или другой инструмент, работали на трудовом фронте. Преподаватели, студенты, сотрудники ходили за город копать противотанковые рвы, окопы, разгружали вагоны с торфом, ездили на торфо- и лесозаготовки. В городе копали водоемы для запасов воды на случай разрушения городского водопровода, дежурили в котельной института по подвозке топлива к котлам и делали многое другое.

После разгрома немцев под Москвой работы стало больше: в лабораторию привозили на испытания образцы материалов оборонного значения с заводов и фабрик не только Ивановской, но и смежных областей, даже Московской, т.к. лаборатории Москвы были перегружены заказами. Пришлось работать не только сотрудникам кафедры (зав. кафедрой Б.В. Лопатин, ст. преподаватель А.Н. Супрунов и я – лаборант Л.И. Склинина), но и студентам, их привлекали к испытательным работам. Удостоверения на характеристики испытанных материалов подписывали только члены кафедры. Эти удостоверения являлись официальными документами, без которых ОТК предприятий не пропускали ни одной партии готовой продукции.

Работали днем, вечером, в выходные дни, когда заказы были срочные, а в то время срочными были почти все.

В лаборатории испытывали стали, чугуны, цветные металлы, сплавы; тросы, сварки, карабины и стропы грузовых парашютов и многое другое. Не все испытания можно было провести на нашем оборудовании. Для нестандартных испытаний приходилось перестраиваться, выдумывать новые приспособления к нашим машинам. Трудно было работать на 500-тонном прессе, нагрузку на нем создавали вручную при помощи масляного насоса. Но самая большая трудность была в том, что в лаборатории было очень холодно. Температура зимой не превышала двух-пяти градусов тепла, а работали с металлом, машинным маслом, холодной водой,

поэтому распухали суставы рук. Поставили нам в машинном зале железную печь-«буржуйку», но дым почему-то шел не в трубу, а в помещение. В результате не видно было не только показаний приборов, но и друг друга, а теплее не становилось.

За четыре года войны мы не имели отпуска, редко были и выходные дни, особенно в первые два года войны. В то же время учеба студентов шла нормально. Преподаватели читали лекции, проводили семинары, лабораторные работы. При нашей кафедре был организован студенческий кружок по сопротивлению материалов.

Одновременно с напряженной работой на кафедре я вела общественную работу. Была агитатором среди населения, в конце войны меня выбрали заседателем народного суда Фрунзенского района.

В 1946 году меня наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», в 1953 году – медалью «За трудовое отличие», в 1975 году – юбилейной медалью «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Но самую большую награду я получила вместе со всем народом 9 Мая 1945 года – победу над фашизмом и сознание того, что мой скромный труд, может быть, немного помог этой победе.

**Прохорова
Валентина Николаевна**

студентка ИЭИ (1940 – 1945 гг.)

Мы поступили в Энергетический институт им. В.И. Ленина в 1940 году. Нас было 264 человека, окончили институт в феврале 1945 года только 70 человек. Много было тому причин, т.к. наши студенческие годы пришлось на лихолетье страны.

В октябре 1940 года вышло постановление об изменении выплаты стипендии студентам вузов.

Стипендию стали получать лишь студенты, имевшие все «5» или 2/3 отличных оценок независимо от материального положения. Также была введена плата за обучение, поэтому некоторые студенты вынуждены были прервать учебу и пойти работать.

Мы заканчивали 1-й курс, сдавали последний экзамен – началась война. В июне, июле, августе уходили на фронт наши ребята, а девушки, на следующий день после последнего экзамена, уезжали на торфоразработки.

Летом 1941 года актовый зал института и прилежащие к нему помещения временно заняли под расквартирование военнослужащих.

В июле общежития № 1 и № 2 превратились в госпитали, поэтому ребят-студентов поселили в аудитории № 56 и в актовом зале. Аудитория № 49 и спортивный зал стали

общежитием девушек. Вход в здание института осуществлялся строго по пропускам.

К началу 3-го учебного семестра из 10 групп первого курса осталось всего 4 группы второго курса.

Осенью 1941 года студенты и преподаватели были заняты на спецработах. Работали за городом с 8 до 16 часов, а с 18 часов начинались учебные занятия. На лекциях часто приходилось будить уснувшего соседа.

В 1941 году 24 девушки ушли в сандружину. Остальные жили так: учеба – работа. Работали на торфозаготовках, на сельхозработах, на заготовке дров (норма – 25 м³ на человека), на расчистке от снега аэродромов, на разгрузке вагонов.

Все годы учебы (1940 – 1945) прошли без единых каникул: на младших курсах после весеннего семестра – сразу работа, на старших – после окончания летних экзаменов на следующий день начинались занятия следующего семестра. После третьего курса работали на восстановлении Ярославского шинного завода и на монтаже Владимирского тракторного завода.

В те годы не было кураторов групп. Все организовывал комитет комсомола. За годы нашей учебы с 1941 по 1944 секретарем комитета ВЛКСМ был Иван Рубцов, а затем Николай Задумин. Было им и всем комсомольцам очень трудно. Студенты, в основном девчонки, голодные, холодные, изо всех сил цепляющиеся за учебу (отстанешь – не хватит сил догнать), знали, что единственная опора у них – комитет ВЛКСМ. В то время отлынивающих от работы почти не было. Не работаешь как следует – значит перекладываешь свою долю на плечи товарищей, и тогда трудно смотреть им в глаза.

Учились, зачитывая учебники до дыр. У многих не было родителей. Единственным источником существования была стипендия: 130 рублей на 1-м курсе, 150 – на 2-м, 175 – на 3-м. Для получения стипендии можно было иметь только

одну «четверку» в сессию. Очень трудно было сдавать все экзамены на «5», для этого нужно было готовиться на «6».

На нашем курсе были «сапожники»: Р. Тильман, Р. Левина и Л. Пахомова. Их, трех тонехоньких девчонок, послали учиться в сапожную мастерскую, потом дали им комнату (теперь А-232), поставили там табуретки, и наши «сапожники» после учебных занятий чинили башмаки всем студентам и сотрудникам. В профкоме в очередь выдавали талончики на починку.

В 1944 году стало увеличиваться число студентов – в институте появились бывшие наши ребята, вернувшиеся с фронта после тяжелых ранений, и те, кто стали инвалидами в годы войны.

В феврале 1945 года, выполнив полностью учебный план, мы защищали дипломные проекты. На прощание нам дали «приданое» – по одному учебнику на брата: кто получил «Электрические машины», кто «ТОЭ». Отпустили на первые за годы учебы каникулы – один месяц до явки на работу.

Позади институт – трудный, голодный, но интересный. Дружно прожили мы студенческие годы, помогая во всем друг другу.

Отрадно сознавать, что все выпускники ИЭИ 1945 года честно работали в энергетике, не изменили избранной специальности.

1985 г.

**Костерина (Вязниковцева)
Нина Алексеевна**

студентка ИЭИ (1939 – 1945 гг.)

В июне 1941 года в ИЭИ была организована сандружина, в которую вошли 24 студентки 2-го и 3-го курсов. Мы занимались разгрузкой раненых из санитарных поездов на железнодорожном вокзале в эвакуационном пункте № 35 и отправкой их в госпитали.

Зимой 1941 – 1942 годов в Иваново прибывало много эшелонов с ранеными бойцами, и сандружинницам приходилось по двое – трое суток не уходить с вокзала, заменяя медсестер, санитаров и дежурных. Много раненых переносили на своих плечах. Когда обстановка стала особенно сложной, мы решили совсем не уходить с вокзала. Пришлось оставить учебу в институте. И с 1 декабря 1941 года сандружинницам, добровольно ушедшим в РККА, был предоставлен отпуск до первого сентября 1942 года без сохранения стипендии. Мы были на казарменном положении.

Сандружина ИЭИ

Летом 1942 года раненых в Иваново стало поступать меньше и на основании Отношения МЭП № 35 нас снова зачислили в число студентов ИЭИ, который мы окончили в 1945 году.

**Тильман (Кричевец)
Рената Иосифовна**

*командир сандружины ИЭИ в годы
Великой Отечественной войны,
выпускница ИЭИ 1945 г.*

1941 год. Санитарный поезд медленно движется от линии фронта в тыл. Санитарный поезд – 14 товарных вагонов с двойными рядами нар, покрытых соломой.

В первом вагоне – походная кухня. На нарах – раненые. В вагонах по одному медработнику, если считать, что мы, сандружинницы – студентки энергoinститута, тоже медработники.

В моем вагоне было много бойцов с ранением в челюсть.

Поезд останавливается, и все медработники, захватив по два эмалированных ведра, мчатся, по колено в снегу, к первому вагону – нужно кормить раненых. Двери всех теплушек открыты, и бойцы со здоровыми руками стоят, сидят или лежат на животе, в зависимости от ранения, у открытых дверей. Все знают, что поезд идет без расписания и в любую минуту может тронуться.

Так и есть. В одной руке ведро с кашей, во второй – ведро со щами, рядом движущиеся вагоны. Раненые сначала принимают ведра, потом хватают за руки медработников и втаскивают в вагон. Едем дальше. Когда остановка – никто не знает. Долго стынут в чужих вагонах щи и каша, предназначенные для раненых моего двенадцатого вагона. Остановка. Опять бежим вдоль вагонов. На этот раз успеваю в

свой. Все едят холодную еду. Все, кроме челюстных. Им сливаю жидкость из щей и кое-как процеживаю ее в рот.

Вот опять остановка. Метров пятьсот до деревни. Жители деревни бегут с ведрами квашеной капусты, огурцами, помидорами, вареной картошкой. Раздают еду раненым. Сопереживание – вот что толкает их. И только слышно: «С какого фронта?», «Моего Василия не встречали?», «Давно от Пашки нет писем – может, знаете?», «Сын Ваня без вести пропал – может, еще живой?». И так долгие километры пути по дорогам войны.

Вот бежит пожилая женщина, и я вижу под пальто у нее четверть с молоком (трехлитровая бутылка). Кричу: «Скорей сюда!». Подбегает. Челюстные протягивают ей свои котелки. И вдруг женщина заливается слезами: «Милые вы мои, ведь молоко-то по 60 рублей пол-литра». Раненых это не смущает. Быстро собирают деньги и вручают тетке.

Со слезами выливает она молоко в котелки и при этом громко причитает: «Вот ведь дожили, из-за этого изверга... 60 рублей пол-литра молока. А у меня ведь и муж, и сын на фронте. Небось тоже где-нибудь такие деньги за молоко платят».

В теплушке раздается дружный хохот. Состав трогается. Раненые разливают молоко по котелкам челюстных. И еще долго улыбки остаются у всех на лицах. И кто-нибудь тихо со вздохом произносит: «Да, вот ведь, и такие люди бывают».

1985 г.

**Булыгина
Галина Владимировна**

студентка ИЭИ (1942 – 1945 гг.)

Лето 1943 года. Только что закончилась экзаменационная сессия за 2-й курс института. Все живут сообщениями Совинформбюро. Положение на фронтах тяжелое, идут жестокие бои за Сталинград. Фашистская авиация бомбит города и заводы. Пострадал от бомбежки и шинный завод в Ярославле. На восстановление заводов направлены наши студенты – 5-й и 6-й групп 3-го курса

ЭЭФ. Перед нами поставлена задача – восстановить электрооборудование в цехах шинного завода.

В Ярославле на пустыре шинного завода нас ждала армейская палатка с нарами. В ней мы и жили. Прежде всего надо было демонтировать старое покореженное оборудование, сменить испорченную проводку. Работа эта требовала физической силы и умения, а у нас одни девчонки, да еще не очень сытые. О технике безопасности и помину не было.

В памяти осталось, как мы демонтировали провода в одном из цехов на высоте около 5 – 6 метров. Нашли какой-то помост, на него общими усилиями водрузили бочонок, а сверху еще табуретку. И вот с этого шаткого сооружения, держась одной рукой за трос, другой, орудуя пассатижами, демонтировали провода. Непонятно, как никто не разбился? Этот помост передвигали общими силами вдоль всего цеха.

Работу выполнили. Тяжело было демонтировать обгорелые щиты с прикипевшими болтами. Приходилось прокладывать силовые кабели, копать траншеи для них и кабель с барабанов тянуть.

Много было всякой работы, но все девчонки работали здорово, никто не отлынивал. Долго еще девчонки ходили с подведенными глазами – не отмывалась сажа, она входит в состав резины.

Помню случай: в одном из цехов должны были вытащить из траншеи неисправный кабель. Прораб перепутал маркировку, и мы вместо поврежденного перепилили кабель под напряжением. Раздался характерный хлопок. Полыхнуло пламя. Хорошо еще, что никто не пострадал серьезно. Кабель перепиливал единственный среди нас парень – Юра Копылов, он был в очках, поэтому глаза не пострадали.

Мы жили все время в тревоге – сообщения с фронтов не радовали. Каждое утро, приходя на завод, останавливались у стенда, на котором вывешивались сообщения Информбюро. С замиранием сердца читали сводку о жестоких боях в Сталинграде и надеялись, что вот-вот появится известие о переломе в ходе боев. Но долго еще пришлось ждать этот радостный день.

Это было памятное время. Никогда не забудутся дни войны, мужество советских людей на фронте и в тылу.

**Колосова
Маргарита Григорьевна**

студентка ИЭИ (1940 – 1945 гг.)

Моя учеба в институте началась за год до Великой Отечественной войны. Наступили тяжелые для нашей страны годы, и все невзгоды показались мелкими после того, как на нашу землю пришла война. Город Иваново был достаточно далеко от фронта, но война сказалась на всем и на всех.

Нам довелось испытать все: днем работа, вечером учеба в холодных аудиториях. Разгружали топливо, рыли проти-

вотанковые рвы, во время летних каникул работали на торфо- и лесозаготовках. Об отдыхе оставалось только мечтать.

В летние каникулы 1943 года наша группа проходила производственную практику на строящемся Владимирском тракторном заводе. По существу это была не практика, а работа по монтажу электрооборудования. Жили в бараке, в одной большой комнате девчонки всей группы. Было голодно, но все-таки полегче, чем в начале войны.

Работали без выходных дней. Занимались прокладкой и разделкой кабелей, покраской кронштейнов, монтажом осветительной проводки и арматуры и многими другими работами.

Кадровых рабочих и мастеров было очень мало – они покажут нам, что и как делать, и убегут.

На заводе работало много военнопленных. Там были не только немцы, но и итальянцы, и венгры, и румыны. Не-

которые немецкие военнопленные еще пытались «держать марку»: были высокомерны и надменны. Но мы их сражали «Катюшей», которую распевали везде и всюду. Остальные пленные с удовольствием кричали: «Гитлер, капут!» и удивлялись, как мы, русские девчонки, выполняем мужскую работу, ходим в комбинезонах, с вымазанными кабельной мастикой руками, лазаем на высокие стремянки и при этом веселимся и поем. Им было не понять нас.

А нас радовали дела на фронте, сообщения об освобождении наших городов и еще салюты в Москве. Мы верили в победу и старались приблизить ее.

**Варенцов
Виктор Васильевич**

студент ИЭИ (1940 – 1945 гг.)

Мы – студенты приема 1940 года заканчивали сдачу экзаменов второго семестра. Мне оставалось сдать только немецкий язык. Известие о нападении Германии на Советский Союз было для нас неожиданностью. Первокурсники после сессии собирались ехать по домам в свои родные места. В институте много ребят было из Кинешмы, и я в том числе. Нас ждала Волга, ждали родные и друзья. В городе жизнь кипела: молодежь строила волейбольные и баскетбольные площадки, а на противоположном берегу Волги были прекрасные песчаные пляжи. Мы с нетерпением ждали этих дней.

Но грянула война с ее трудностями, жертвами, лишениями. Девушки были мобилизованы в госпитали и на вокзал, т.к. из западных приграничных районов в Иваново привозили тысячи беженцев и эвакуированных.

Была объявлена мобилизация «запасных», комитет комсомола по распоряжению военкомата направил нас разносить повестки. Нам вручили по 40 штук и сказали: «Пока не разнесете, домой не уходить». Я освободился только в 4 часа утра, а к 9.00 явился в институт на последний экзамен.

Война смешала все планы, вместо каникул пришлось заниматься всем, что попадало под лозунг «Все для фронта! Все для победы!». Электростанциям «Ивэнерго» для выработки электроэнергии был необходим торф, который поставляло предприятие «Черная грива» и ряд других. Мужчины ушли на фронт по мобилизации. Была собрана бригада из 22 студентов с разных курсов для работы на торфоразработках. Наша задача состояла в прокладке и переносе на новые места узкоколейных железнодорожных путей. Мы проработали полтора месяца, и нас сменила другая бригада. Нам дали краткосрочный отпуск, чтобы привести одежду и обувь в порядок. Кстати, в виде спецобуви нам выдали лапти, мы отнеслись к ним скептически. Но буквально через неделю работы наша обувь пришла в негодность. Тут уж было не до форсу! Оказалось, что лапти — это прекрасная обувь, и за время работ мы изнашивали их по 4 пары.

Тяжелые были времена для нашей Родины. Учеба чередовалась с работой в колхозах, на аэродроме по расчистке снежных заносов. Аэродром находился за городом. Ходили туда и обратно пешком. Приходили в нашу столовую. А там — каша из пшеничного зерна. Питание было на грани минимума, бывали даже голодные обмороки, но мы крепились. Конечно, помогали и родители сухарями и картофелем.

Война продолжалась. Немцы под Москвой шли напролом. Было много раненых. Общежития вуза передали под госпитали. Собрали всех парней в актовом зале, девчат — в

спортивный. Жили как в таборе: в 7 – 8 рядов стоят койки, а жизнь идет: находили время на песни, на пляски, на шахматы и на карты (кто во что горазд).

Война шла упорная и жестокая, потери и количество раненых росли. Пришлось актовый, спортивный залы, столовый комплекс с кухней передать под госпиталь.

Администрация института нашла выход. Расселились мы на 4-м этаже в чертежных аудиториях по 10 – 12 человек.

Каникул у нас не было, отпускали лишь перед новым учебным годом на несколько дней.

Под Москвой шли упорные бои. В Иванове объявили о создании народного ополчения. Начали строить рубеж обороны, рыть противотанковые рвы.

Из студентов ивановских вузов был организован Фрунзенский комсомольский батальон. Выдали обмундирование: шапки, тужурки, ботинки и обмотки. Объявили казарменное положение. Нам выделили участок обороны в районе Текстильного разъезда. Дежурили там по очереди в составе 10 – 12 человек, но оружия нам не выдавали. На лекции мы не имели возможности ходить регулярно, все урывками. Администрация вуза, как могла, помогала нам. Несмотря на все трудности, мы вовремя выполняли чертежные работы и письменные задания.

Кафедры института работали без каких-либо отклонений, в полном объеме программ.

После разгрома гитлеровцев под Москвой распустили ивановское народное ополчение, и мы вернулись в институт для продолжения учебы как раз к экзаменам за зимний семестр. Вот тут-то мы и «споткнулись». Ввиду пропуска занятий нам предложили вернуться на 1-й курс. Некоторые ребята спасовали и согласились.

Я не пошел на это и стал сдавать экзамены. В результате «завалил» 4 предмета. Один третьекурсник подсказал: «Иди на пересдачу к преподавателю Черкасскому» («Гид-

равлика и насосы»). Прочитал учебник, проштудировал его и пошел, минуя кафедру. Объяснил ему свое положение (ополчение, работа в колхозах) и попросил принять вторично экзамен. В.М. Черкасский отнесся ко мне хорошо, разложил на столе билеты – тяти свой жребий. Я вытянул удачный билет и сдал на «4». Осталось еще 3 экзамена. Вызывают меня на кафедру: «Варенцов, у тебя 4 задолженности по сдаче экзаменов». Я спокойно говорю: «Всего 3». Эффект был интересный: кто-то улыбнулся, кто-то нахмурился. Я попросил принять к сведению мою службу в ополчении и бывшее казарменное положение и дать месяц на пересдачу экзаменов (по 10 дней на предмет), а если не сдам, перевести меня на 1-й курс. Все три предмета пересдал в срок, один на «4», а два на «3».

В 1943 году для улучшения питания студентов и преподавателей был выделен земельный участок для организации подсобного хозяйства в районе города Фурманова. Была сформирована бригада под руководством Михейко. Нашей задачей было начать строительство овощехранилища. Парней, кто посильнее, отправили на заготовку бревен для строительства. Остальные копали котлован. Также мы успели заложить каркас и перекрытия.

В институте регулярно выходили стенные газеты на двух листах ватмана с красочными юмористическими рисунками. Например, после 1943 года администрация вуза организовала дополнительное питание УДП-2. По нему получали в столовой картошку и кусочек колбасы или мяса. Газета тут же отреагировала, расшифровав: «У – умрешь, Д – днем, П – позже».

Молодость брала свое – мы организовывали танцы под радиопередатчик и игры в коридорах института.

Жизнь в институте постепенно входила в свою колею. Кафедры работали четко, без срывов. Начала оживать и спортивная работа на кафедре физкультуры. Заведующий кафедрой А.М. Киселев, преподаватель и тренер по лыжам и

легкой атлетике заслуженный мастер спорта СССР С.В. Колесников, Михейко и др. вкладывали в наши души любовь к занятиям физкультурой и спортом. Возобновилась работа секций гимнастики, волейбола, легкой атлетики, лыжной. Ребят было мало, основной контингент – девушки. В военные годы проводились соревнования по лыжам и эстафета на приз газеты «Рабочий край». Так в команде на эстафету из 14 человек было четверо парней и десять девчат. В 1942 – 1943 годах особенно был развит в институте лыжный спорт. Благодаря неутомимой работе Сергея Васильевича подобрался боевой и спаянный коллектив из студентов всех курсов. Итог этой работы – команда лыжников ИЭИ стала чемпионом города Иваново среди всех коллективов вузов и предприятий в сезон 1943 – 44 годов.

В эти годы возобновились иногородние спортивные связи. Как раз после нашей победы Московский энергетический институт пригласил команду лыжников нашего вуза к себе. К сожалению, эта встреча не состоялась из-за сильной оттепели в Москве. Тогда МЭИ вместо лыжников пригласил команду гимнастов нашего института. Руководство вуза одобрило эту встречу. Мои успехи в гимнастике были скромные – 3-й разряд, я занимался ей для общего физического развития. Руководство кафедры физкультуры включило меня в состав команды для помощи тренерам во время соревнований. Приняли нас хорошо, дружелюбно, заботливо. Соревнования выиграли москвичи. Мы не проиграли в классе, а проиграли ввиду необъективного судейства.

Успешно выступала на межвузовских соревнованиях тех лет и наша волейбольная команда в составе Ю. Цветкова, И. Казачкина, Федоренко, Н. Васенина, В. Варенцова (шестого игрока не помню). Тренером команды был Ю. Цветков – участник войны, летчик, демобилизованный по ранению. В 1944 г. возобновились соревнования по хоккею с мячом на первенство города. В них принимала участие и была среди лидеров наша команда. Тренировал ее также

Ю. Цветков. Команда легкоатлетов ИЭИ регулярно участвовала во всех эстафетах на приз газеты «Рабочий край», а в 1944 году она стала ее победителем.

Необходимо отметить внимание и помощь секретаря партийной организации института А.Ф. Сорокина к жизни студентов, к комплектованию команд для спортивных соревнований. Он всегда интересовался нашим бытом и условиями жизни.

В 1945 году я закончил учебу в институте и был направлен на работу в Молотовскую (Пермскую) область на Березниковскую ТЭЦ-2. С этого времени вся жизнь была связана с отечественной энергетикой.

**Мухина
Анжелика Петровна**

*студентка ИЭИ (1944 – 1949 гг.),
работала в ИГЭУ (ИЭИ) с 1952 по 2010 г.,
преподаватель кафедры «Электрические машины»*

В годы войны (1941 – 1944 гг.) я была школьницей. Когда началась война, наша семья жила в Иванове. Родители работали в Кохме, домой приходили только в воскресенье, т.к. добраться из Кохмы в Иваново было очень сложно из-за отсутствия общественного транспорта. Я оставалась с двумя братишками, оба моложе меня, младшему было 2 года.

Поздней сенью 1941 года мы переехали в Кохму, и я стала ходить в школу, т.к. в

Иванове осенью 1941 года наша школа не работала. Мне пришлось догонять класс в учебе за 3 месяца по всем предметам, а по немецкому языку – за 3 года, потому что до этого я учила французский.

Зима 1941 – 1942 годов была очень холодной. Дров у нас не было. На стенах – иней. Отец дома почти не бывал, он готовил эвакуацию скота из колхозов. Ему было 45 лет, и у него была бронь. Мама – целый день на работе, потом домашние дела, она опухала от голода, плохо себя чувствовала. Поэтому я была основной рабочей силой в семье. Если привезу сучков из леса – топим печку, иначе – нет.

Весной 1942 года я нашла три заброшенных участка земли (15 соток), все вскопала сама лопатой. В то время школьники с 4-го класса ежегодно сдавали экзамены, мне пришлось ходить на них без подготовки.

Школьников часто привлекали к работе: зимой – на разгрузку вагонов на Кохомской железнодорожной станции (один раз мы вдвоем с девочкой разгрузили целый вагон дров), летом – на заготовку дров для школы в лесу, также работали в колхозе на прополке.

В 1944 году я закончила школу и с аттестатом отличника поступила в Ленинградский университет на физико-механический факультет, но мне сообщили, что вызова на учебу не будет. Поэтому я подала документы в ИЭИ за месяц до сессии, пришлось опять догонять.

Жила в Иванове на частной квартире: в избе 12 человек, 1 лампочка, 2 стула, поэтому вечерами занимались в аудиториях института. Со второго семестра мы стали жить в общежитии № 1 – 7 человек в комнате. Было холодно, отопление почти не работало. В институте на занятиях сидели в пальто. Еда – 500 граммов хлеба плюс обед в столовой: щи и тушеная капуста, все без масла и мяса. Тушеную капусту называли «шукрут». Юмористическая расшифровка – «широкое употребление капусты работниками умственного труда».

Все время хотелось есть. Чувство голода не проходило даже осенью, когда было много картошки. Причина – отсутствие белка, жира, сахара. От недостатка витамина «А» болели глаза. Первый раз чувство голода пропало в день отмены карточек – тогда досыта напились сладкого чая с черным хлебом.

Несмотря на трудные условия, учеба шла нормально, скидок на зачетах и экзаменах не было.

Девушки проходили обязательный курс военной подготовки. Для обучения владения противогазом мы однажды около получаса сидели в комнате, наполненной газом, в одноэтажном домике во дворе общежития № 2.

Студентов привлекали на разные работы, чаще всего на заготовку дров. Запомнилась поездка на 15-й километр дороги на Комсомольск. Привезли нас на поезде вечером, ночевать оставили в красном уголке какого-то клуба. Мебели никакой там не было, воды и еды тоже. Спали на полу вповалку. Утром без завтрака отвели нас в лес пилить деревья на дрова. Хорошо, что у одного из парней был котелок. Вскипятили воды из снега, у кого-то было немного хлеба. Досталось примерно по 25 граммов. Пошел снег с дождем, обувь вся промокла. Вечером вернулись на полустанок, начался мороз, очень все замерзли. Подошел поезд, двери в вагоны не открывают. Как-то ребята смогли открыть дверь в один из вагонов – так вернулись домой.

Вопреки всему старались не скучать. Преподаватель с кафедры сопромата Б.В. Лопатин раз в месяц организовывал лекции-концерты о знаменитых композиторах. Сам читал эти лекции, а группа солисток, человек 5 – 6, выступала по ходу лекции, сам же аккомпанировал на рояле. Впоследствии одна из девушек после учебы в ИЭИ закончила московскую консерваторию. Лекции длились около часа, потом были танцы под радиолю. Все это проходило в актовом зале корпуса «А» (сейчас там библиотека).

В новогоднюю ночь 1944 – 45 годов в институте был организован бал-маскарад. Моя подруга взяла у нашей хозяйки частного дома ее одежду (юбку, кофту, платок, валенки) и метлу, надела все на свое платье – получилась настоящая Баба Яга. На балу оказались еще черт и чертиха – хорошее было трио!

В красном уголке общежития по субботам (кроме сессии) устраивались танцы, которые продолжались до полуночи. Некоторое время я, как член студсовета, отвечала за их организацию.

9 Мая – День Победы! Всю ночь я выполняла чертеж, т.к. обычно до 10 часов вечера стол в комнате был занят. В 5 часов утра началась передача по радио. Радость при известии об окончании войны не забыта до сих пор!

9 мая 1945 года был солнечный и очень ветреный день. Одна из девушек нашей группы работала в госпитале медсестрой (тогда не было вечернего и заочного обучения). Мы пошли ее поздравлять. Кто-то из девочек по знакомству купил пол-литра медицинского спирта. Мы его разбавили и отметили праздник. Так я первый раз попробовала алкоголь.

В эту войну у меня погибли дядя и три двоюродных брата со стороны отца, также на фронте воевал мамин брат.

2009 г.

ЗАПИСКИ РАЗВЕДЧИКА (от первого лица)¹

В архиве одного из членов нашей семьи бережно хранятся воспоминания ветерана Великой Отечественной войны, прошедшего ее дорогами с первого до последнего дня. Автора уже нет в живых, поэтому, уважая его решение не называть своего имени, я решил обнародовать рукопись под названием «Записки разведчика (от первого лица)».

*Зиновьев Борис Сергеевич,
канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры высшей математики*

В Великой Отечественной войне я участвовал с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 года.

Оборона Витебска

Шел июнь 1941 года. В это время я служил начальником штаба отдельного механизированного разведывательного батальона. 22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно, внезапно, без объявления войны начала военные действия против нашей страны. Огромные полчища гитлеровцев вторглись на нашу родную землю. Началась Великая Отечественная война. Такой войны еще наш народ не испытывал. Война была самая суровая, самая жестокая из всех войн. Рано утром 22 июня 1941 года главные силы фашистской армии начали наступление на западных границах нашей страны. Наступало 190 дивизий, 5000 самолетов, свыше 3500 танков и более 50 000 орудий и минометов. Земля пылала и горела. Наш 106-й отдельный разведывательный батальон 5-го особого управления Западного особого

¹ В этом разделе фактический материал представлен в авторской редакции.

военного округа находился в городе Полоцк, БССР. Батальон 22 июня в 12-00 был поднят по тревоге и начал свои действия. Он с боями отходил через Бегомль из-под Зембина на Лепель и на Витебск.

8 июля 1941 года во второй половине дня наш батальон вышел на северо-западную окраину Витебска. Мы с командиром батальона, майором Саркисовым, сразу же отправились на поиски какого-нибудь штаба или части действующей армии. Одновременно хотели установить связь с партийными и советскими органами. Город горел, авиация противника его методично бомбила. И что было характерно — мы очень мало встречали жителей.

Ни в обкоме партии, ни в горсовете мы, к нашему сожалению, никого не застали. Окна и двери везде были раскрыты, кругом пусто, всюду валялись бумаги. Зато все магазины были забиты товарами. На хлебозаводе мы пополнили свои запасы продовольствия. При возвращении в батальон там застали полковника-общевойсковика, который назвался начальником обороны северного участка Витебска. О наличии какого-нибудь штаба части в городе он не знал. Полковник поставил нашему батальону задачу: занять оборону на западной окраине Витебска с целью не допустить прорыва передовых частей противника с северо-западного направления к центру города и на город Полоцк, обеспечивая этим самым возможность эвакуации города.

Выполняя приказ, батальон занял оборону, была послана разведка в направлении Шумилино. У нас в то время в боевом составе были мотострелковая рота до 50 человек, батарея из трех 76-миллиметровых орудий на автомобильной тяге, 8 танков Т-37 и Т-70, которыми командовал старший лейтенант Федор Сучков, 8 тяжелых бронемашин с 45-миллиметровой пушкой.

В последующие два дня полковник, который нам поставил задачу, больше не появлялся. Ночь с 8 на 9 июля прошла сравнительно спокойно. Наш батальон по-прежнему

действовал самостоятельно, связи не было ни с каким штабом. Но мы были готовы выполнить боевой приказ, готовы к встрече с противником.

И вот на рассвете 9 июля наша разведка сообщила о выдвижении колонны противника из Шумилино по дороге на Витебск. Личный состав занял боевые позиции. Примерно с 7 часов утра 9 июля противник, развернувшись в боевой порядок, стал вести наступление силами до 10 танков и пехоты. По нашему передовому краю начали вести очень сильный огонь минометы и артиллерия, танки противника. Батальон понес большие потери. Вступила в бой и наша батарея 76-миллиметровых орудий и бронемашин с 45-миллиметровыми пушками. У нас загорелись два танка Т-37. Пошла в атаку и немецкая пехота. Солдаты шли, подставив автоматы к животу, ведя непрерывно огонь, не жалея патронов. Стрелки нашей мотострелковой роты тоже из всех видов оружия открыли прицельный огонь. В рядах наступающих немцев сразу произошло замешательство. Их движение замедлилось, но на место убитых и раненых шли все новые и новые цепи. Наш батальон продолжал нести большие потери в личном составе. Вышла из строя еще одна бронемашина, 76-миллиметровое орудие было разбито. Тогда мы принимаем решение уходить в центр города, за реку Западную Двину. Отход этот вынуждены были делать под сильным артиллерийским огнем противника. При этом был подбит еще один танк и одна бронемашина. Убитых и раненых наших солдат на поле боя мы не оставляли.

К концу дня 9 июля по нашему приказу был взорван саперами мост через реку Западную Двину в районе фабрики имени КИМ. И опять характерно то, что, кроме нас, не было никаких подразделений, за исключением отдельных солдат и машин, которые к нам примыкали.

Во второй половине дня 9 июля в распоряжение батальона прибыли три генерала: генерал-майор, представитель штаба 19-й армии, которой тогда командовал будущий мар-

шал Иван Конев, генерал-летчик и генерал мотострелковой дивизии. Представитель штаба 19-й армии поставил батальону задачу: оборонять город два дня – 9 и 10 июля, ибо, по его словам, на подходе были части 19-й армии. А дальше нам следовало действовать по обстановке. После этого они уехали. И опять мы остались одни.

Наши разведчики упорно обороняли город: с запада в районе железнодорожного моста через Западную Двину (там стоял танк КВ, к нам примкнувший), в центре города на восточном берегу реки Западная Двина, на улице Ленина и на северной окраине. Но силы были слишком не равны. Мы несли большие потери. Город горел. Авиация противника с утра до вечера наносила бомбовые удары. 10 июля на северной окраине города наши разведчики и мотострелковая рота при поддержке танковой роты и 5 бронемашин несколько раз ходили в контратаку против наступающих сил противника. В одной из контратак, находясь в танке, погиб комсорт батальона старшина Симанкин.

Боевые действия наших танкистов и мотострелков описал в своей книге Андриющенко «На земле Белоруссии летом 1941 г.» В ней рассказывается о том, что будто бы я, когда подразделения 50-й стрелковой дивизии оказались обойденными противником, повел экипажи бронемашин в атаку и смял пехоту врага. Дело было не совсем так. Лично я в атаку наши экипажи бронемашин не водил, а только организовывал ее и руководил ею. А в атаку непосредственно вел экипажи бронемашин заместитель начальника штаба батальона, старший лейтенант Зверев. Он был тяжело ранен в спину и был вывезен из боя на бронемашине, отправлен в тыл, и вестей о нем больше не было. Кроме нашей мотострелковой роты, никаких других подразделений, других частей 50-й стрелковой дивизии в Витебске не было. Одновременно мне хотелось бы отметить, что всеми действиями по обороне Витебска руководил наш командир, командир 106-го отдельно-

го разведывательного батальона 50-й стрелковой дивизии Саркисов.

Город продолжал гореть и подвергаться бомбардировке. Из ряда домов шла стрельба. К концу третьих суток обороны Витебска, поздно вечером 10 июля 1941 года, выполнив поставленную перед нами задачу, мы под сильным огнем противника оставили город и отошли в восточном направлении. При выходе из Витебска по дороге на Рудно, в трех–четыре километрах восточнее города, нас встретил ранее упоминавшийся генерал. Уточнив у нас обстановку, он приказал до утра 11 июля вести разведку на восточной окраине Витебска. Одновременно попросил дать сведения об отличившихся бойцах.

После отхода из Витебска наш батальон вел боевые действия в составе 19-й армии в районе Духовщины Смоленской области. А за мужество и героизм, проявленные в боях, 17 наших разведчиков Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1941 года были награждены орденами и медалями СССР. В их числе был майор Саркисов, старшина Симанкин и автор этих строк.

Бой при обороне Витебска был первым боем нашего батальона. Его участникам он запомнился на всю жизнь.

Оборона Москвы

Наш отдельный разведывательный батальон три дня оборонял город Витебск – 8, 9, 10 июля 1941 года. Затем батальон вел бои с противником севернее Смоленска, в районе Духовщины. В августе наш батальон был на формировании (пополнении) в селе Федоровское севернее города Вязьмы в составе БОСД (стрелковой дивизии).

В сентябре 1941 года батальон вел разведку в составе БОСД в оборонительных боях на правом фланге 19-й армии генерал-лейтенанта Конева севернее Смоленска. На рубеже восточнее Смоленска героическими усилиями наших советских войск фашистская армия была остановлена. Противник перешел к обороне.

Смоленское сражение длилось более двух месяцев. Уже здесь, под Смоленском, немецкое командование могло убедиться в силе нашего народа, его вооруженных сил. Тогда и стали срываться планы о молниеносной войне и о быстром овладении нашей столицей – Москвой.

2 октября 1941 года, подтянув резервы, создав преимущество в силах и технике в 3–4 раза на главных направлениях боевых действий, немецко-фашистская армия вновь перешла в генеральное наступление против войск Западного и Брянского фронтов на московском направлении, стремясь окружить наши войска в районе города Вязьмы силами танковых корпусов с юга и с севера и выйти моторизованными корпусами в район Москвы в целях овладения ею. Операция носила название «Тайфун». Противник, прорвав оборону наших войск, на стыке 30-й и 19-й армий, с утра 2 октября быстро устремился в глубину нашей обороны.

Наша 50-я стрелковая дивизия по приказу командующего Западного фронта товарища Конева была снята с обороны и имела задачу к концу дня 4 октября выйти в район восточнее города Вязьмы, где занять оборону, не допустить окружения Вязьмы. Но в указанный район дивизия не успела выйти, вышли только два стрелковых полка.

Наш отдельный батальон, выполняя приказ комдива, к исходу дня 3 октября 1941 года вышел в район юго-восточнее Вязьмы, где встретил начштаба 50-й стрелковой дивизии.

В ночь на 4 октября в Вязьму прорвались отдельные танки противника. 7 октября в районе города Вязьмы противник окружил несколько армий: 19, 20, 24-ю и др.

В районе города Вязьмы 28 дивизий противника задержались на неделю, ведя бои с нашими окруженными частями. 50-я стрелковая дивизия отходила, ведя бои в направлении Волоколамска. Наш батальон отходил на восток самостоятельно. 18 октября восточнее города Можайск батальон встретил части 5-й армии. Создавался новый Можайский

оборонительный рубеж, где образовалась 5-я армия, которой командовал Люлюшенко, а затем – генерал Говоров.

Севернее формировались и вели бои 16-я и 30-я армии, южнее – 33-я и 43-я армии.

В конце октября батальон был расформирован и я был назначен начальником разведки 50-й стрелковой дивизии.

50-я стрелковая дивизия была переброшена в район Дорохова, на Минское шоссе. К концу октября наступление немцев под Москвой было остановлено. Наступило временное затишье.

15 ноября противник вновь перешел в наступление и вновь сумел добиться успехов на флангах нашего Западного фронта. Противник был на ближних подступах к Москве.

Но взять Москву немцы не смогли. Немецкие полчища усилием наших частей, героическим сопротивлением солдат и офицеров были остановлены.

В начале декабря войска Западного фронта, не имея численного преимущества над противником, перешли в контрнаступление. Наши войска, в том числе и наша 50-я стрелковая дивизия, стали успешно продвигаться на запад. Противник, упорно оказывая сопротивление, начал отходить.

К 7 января 1942 года он был отброшен от Москвы на 150–200 километров. Угроза захвата Москвы была снята. К апрелю немецкие войска от Москвы были отброшены на 250–400 километров. Закончить войну до зимы гитлеровскому командованию не удалось. Операция «Тайфун» провалилась.

Первый Украинский фронт

С мая 1944 года я выполнял обязанности начальника разведотдела штаба БТМВ 1-го Украинского фронта. После овладения в июле 1944 года городом Львовом войска 1-го Украинского фронта устремились на запад к рубежу реки Вислы. Сметая на своем пути противника, обходя его сильные опорные пункты, войска вышли к реке Висла, форсиро-

вали эту мощную водяную преграду и захватили крупный плацдарм в районе города Сандомир по фронту 60 километров и в глубину 50 километров в середине августа 1944 года.

В начале октября 1944 года на левом фланге фронта противник потеснил части 1-го Чехословацкого корпуса генерала Свободы в предгорьях Карпат в направлении Дюкельского перевала на участке 18-й армии в районе населенного пункта Краско. По приказу начальника оперативного управления фронта я вывел одну из танковых бригад 4-го танкового корпуса генерала Полубоярова с задачей восстановления положения на участке Чехословацкого корпуса. Танковая бригада свою задачу выполнила успешно, противник был отброшен на свои прежние позиции.

При следовании по маршруту наш виллис свалился под мост, так как мост был разрушен, а двигались ночью, без света фар, и я был отправлен в госпиталь (Львов, Ровно, Горький), где лечился до января 1945 года. После прибытия из госпиталя вновь был назначен на должность начальника разведотдела штаба БТМВ 1-го Украинского фронта. Это было перед наступлением войск с Сандомирского плацдарма.

Львовско-Сандомирская операция

Львовско-Сандомирская операция была проведена в июле-августе 1944 года. Был получен приказ командующего бронетанковыми и механизированными войсками генерал-полковника Новикова по уточнению рубежа выхода передовых частей 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко.

В то время я был начальником разведотдела штаба БТМВ 1-го Украинского фронта. Львовско-Сандомирская операция, проведенная войсками 1-го Украинского фронта, является одной из крупнейших операций Великой Отечественной войны. В ходе операции советские войска разгромили главные силы группы армии «Северная Украина»,

освободили от немецких захватчиков западные области Украины и значительную часть территории Польши. Создались благоприятные условия для наступления на город Краков и восточные районы Чехословакии. Наступление шло на фронте 440 километров и достигло глубины свыше 350 километров. В операции участвовали три танковые армии: 1-я гвардейская танковая армия, 3-я гвардейская танковая армия и 4-я гвардейская танковая армия, три танковых корпуса, четыре отдельные танковые бригады – всего 2200 танков.

Планировалось овладеть городом Львовом на пятый день наступления 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями. Было приказано прорвать главную полосу обороны противника на второй день операции.

Наступление началось 13 июля. На главном фланге фронта войска продвинулись на 8–12 километров. Здесь противник в ночь с 12 на 13 июля отвел свои войска на вторую полосу обороны. На львовском направлении успеха наши войска не имели.

15 июля части 15-го стрелкового корпуса 60-й армии во взаимодействии с передовым отрядом 3-й гвардейской танковой армии к исходу дня (3-й день операции) овладели деревнями Нуше, Тросьцянец и Малями, завершив прорыв тактической зоны обороны противника, прорвали вторую полосу обороны на фронте 6 километров и вклинились в оборону противника на глубину 15–18 километров.

К утру 16 июля передовой отряд 3-й танковой армии продвинулся на 20 километров и перерезал дорогу Сасов–Золочев. Получился узкий коридор (6 километров) длиной до 20 километров (в центре деревня Нуше простреливалась с флангов) – узкая полоса местности между Западным Бугом и Золочевкой. Это была единственная брешь в обороне противника на львовском направлении.

С обеих сторон она простреливалась артиллерийским, минометным и даже пулеметным огнем.

С утра 16 июля в этот «коридор» начали выдвигаться главные силы 3-й гвардейской танковой армии по одному маршруту. Сбивая заслоны противника, танкисты устремились вдоль левого берега реки Западного Буга на северо-запад и за два дня наступления прошли до 20 километров и оторвались от главных сил 60-й армии на 30 километров.

Шел дождь. Дороги раскисли. Штаб 3-й гвардейской танковой армии потерял связь со своими передовыми бригадами, отказало радио. Было неясно, где находятся передовые танковые бригады, куда они вышли и с кем ведут бой.

Вот тогда рано утром 17 июля я и получил приказ: срочно выехать на броневике, выдвинуться в район действия передовых танковых бригад 3-й танковой армии, уточнить на местности их боевые порядки и группировку противника перед их фронтом. Дорога проходила по ложине, броневик то и дело буксовал, дорога была очень грязная и трудная для движения.

Приказ я выполнил в срок: нашел и уточнил боевые порядки передовых танковых бригад, быстро вернулся обратно и доложил о боевых действиях частей армии.

К исходу 17 июля 6-й танковый корпус овладел городом Золочев. Полученные данные сыграли определенную роль при принятии решения по дальнейшему действию войск на данном направлении. В связи с безуспешными попытками овладеть городом Львовом 21 июля командование фронта принимает решение, используя успех правого крыла фронта, обойти город с севера силами 3-й гвардейской танковой армии, а 4-й танковой армией генерала Люлюшенко нанести удар в обход города Львова с юга. Решающая роль отводилась 3-й гвардейской танковой армии, которая, обойдя Львов с севера через Янов, должна была вывести свои войска в район Яворова, западнее Львова, и тем самым отрезать пути отхода противника на запад.

На рассвете 27 июля бои за Львов развернулись с новой силой. С запада на Львов наступала 3-я гвардейская тан-

ковая армия, с севера и востока – 60-я армия, 4-й танковый корпус (генерала Полубоярова) вел бои в городе. Южнее Львова наступала 38-я армия.

27 июля город Львов – крупный узел дорог, промышленный центр Украины – был взят советскими войсками. Уничтожено было 8000 гитлеровцев, захвачено 20 железнодорожных составов с имуществом, более 1000 лошадей, 35 танков, 200 орудий.

На этом войска 1-го Украинского фронта закончили этап Львовско-Сандомирской операции.

Висло-Одерская операция

Шел апрель 1945 года. В то время я был начальником разведотдела штаба БТМВ 1-го Украинского фронта.

1945 год ознаменовался проведением стратегического наступления Советских Вооруженных Сил по всему фронту. Из 229 дивизий немецко-фашистских войск 195 дивизий находились на Советско-Германском фронте – это 3 миллиона 100 тысяч человек, 28500 орудий, 4000 танков и 1900 боевых самолетов.

Действующая армия Советского Союза в это время насчитывала около 6 миллионов человек, 91000 орудий, около 11000 танков, 14500 самолетов.

Висло-Одерская операция в то время была приоритетной. Стратегическая цель операции – разгромить войска немецкой группы армий «А», прикрывавших военные центры Германии и выход на реку Одер, создать наиболее благоприятные условия для нанесения решающего удара на Берлин.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования проведение операции возлагалось на 1-й Белорусский (командующий – маршал Советского Союза товарищ Мещков) и на 1-й Украинский фронты (командующий – маршал Советского Союза товарищ Конев).

Войска обоих фронтов были развернуты на 500-километровом фронте и располагали мощными силами в со-

стае 2 миллионов 200 тысяч человек, 34500 орудий, 6500 танков и 4800 боевых самолетов.

Исходным рубежом для наступления обоих фронтов была река Висла.

Между Вислой и Одером у противника было создано 7 оборонительных рубежей на глубину в 500 киломеров, опирающихся на водные преграды и крупные промышленные центры.

Ударные группировки 1-го Украинского фронта перешли в наступление 12 января 1945 года, а 1-го Белорусского фронта 14 января. Состав войск фронта – 1 миллион 200 тысяч человек, 3660 танков и самоходок, 17 000 и 2 500 самолетов.

Главный удар был нанесен с Сандомирского плацдарма – по фронту 75 километров и 60 километров в глубину силами пяти общевойсковых армий и двух танковых армий (3-я гвардейская армия г. Гордов, 13-я армия г. Пухов, 52-я армия г. Кортеев, 5-я гвардейская армия г. Лядов и 3-я и 4-я танковые армии).

Войска фронта наступали в общем направлении на Бреслау, а частью сил – через город Краков. Ровно в 5 утра 12 января после короткого, но мощного артиллерийского удара передовые батальоны перешли в атаку (разведка) и быстро овладели первой траншеей обороны противника. Затем началась артподготовка (1 час 47 минут из 250 – 300 орудий на 1 километр фронта).

К середине первого дня наступления в пробитую брешь (до 200 километров в глубину и по фронту до 60 километров) были введены 3-я и 4-я гвардейские танковые армии (Рыбалко и Люлюшенко).

К исходу 17 января оборона противника была прорвана на фронте 250 километров и на глубину до 140 километров.

Войска фронта разгромили основные силы 4-й танковой и 17-й полевой армии, входившие в группу армий «А».

19 января был взят город Краков. За 23 дня войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов продвинулись на глубину до 600 километров, расширили прорыв до 1000 километров и форсировали реку Одер, создав благоприятные условия для наступления на Берлин и Дрезден.

1-й Украинский фронт нанес поражение 21 пехотной дивизии, 5 танковым дивизиям и многим специальным подразделениям. Было взято в плен 43000 солдат противника, уничтожено больше 150000 солдат и офицеров, захвачено более 5 тысяч орудий, более 300 танков, более 200 самолетов и большое количество другой боевой техники. В начале февраля 1945 года гитлеровцы с предельной быстротой перебрасывали свои войска с Западного фронта на Восточный на выручку своим армиям, разбитым в Висло-Одерской операции.

С 12 января шли непрерывные бои. Победа давалась ценой огромных физических и моральных усилий всех участников боев.

Танковые войска потеряли больше половины боевой техники. Почти все полевые аэродромы раскисли, вышли из строя. Распутица в условиях лесисто-болотистой местности стесняла и тормозила маневр танковых войск. Тылы отстали. Но войска упорно шли вперед.

К 16 февраля 4-я танковая армия генерала Люлюшенко достигла берега реки Нейсе (на правом фланге фронта). Вслед к реке Нейсе прорвались войска 3-й гвардейской и 52-й армии. Это заставило врага начать поспешный отход за реку Нейсе по всей полосе наступления нашей ударной группировки, от устья реки Реи до города Пенцих.

В ходе операции войска полностью освободили Польшу от немецко-фашистских захватчиков и перенесли боевые действия на территорию фашистской Германии.

Наступление советских войск заставило немецко-фашистское руководство прекратить операцию в Арденнах против союзных войск Англии и США.

О выполнении боевых заданий

После разгрома 19-й танковой дивизии противника в районе западнее Бреслау части 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко выходили в район Бунцлау, имея задачу продвинуться к реке Нейсе и захватить Гёрлиц.

Сплошного фронта противник не имел. Но бои шли за каждый населенный пункт. Была распутица, дороги раскисли. 18 февраля 1945 года по заданию маршала Конева наш командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-полковник Новиков выехал в передовые части 3-й гвардейской танковой армии для контроля за ходом выполнения боевой задачи и координации боевых действий. Я сопровождал генерала Новикова. В районе восточнее города Лигниц на 15 – 20 километров западнее реки Одер нами был встречен передовой отряд танковой армии – 56-я танковая бригада с командиром полковником Слюсаренко. Точных данных о противнике не было. Обстановка неясная. Сплошного фронта у противника не было.

Генерал-полковник Новиков и командующий 3-й танковой армией генерал Рыбалко 56-й танковой бригаде поставили боевую задачу: ночью пройти передний край обороны противника без боя, выйти в район города Лигниц, овладеть им или обойти город Лигниц, обеспечив выход стрелковых дивизий 52-й армии к восточной окраине города Лигниц.

Я получил задачу двигаться с 56-й танковой бригадой, помочь командиру бригады в выполнении боевой задачи. 56-я танковая бригада в составе 30 танков Т-34 и 2 бронетранспортеров успешно в ночных условиях (без света), без боя прорвалась через передний край (через лес) и устремила к городу Лигниц.

Пройдя несколько деревень, покинутых жителями, бригада около полуночи подошла к городу Лигниц, не имея встречи с противником. Разведкой было установлено, что город не затемнен (противник, очевидно, не ждал появления

советских частей). На железнодорожной станции было много эшелонов, играла музыка. Наша разведка противником не была обнаружена. Противник оборонял лишь восточную окраину города. Было принято решение – город обойти с севера и двигаться на запад, воспрепятствовать подходу резервов с запада к городу Лигниц. Этим самым обеспечить более успешные боевые действия подходящих с востока частей 52-й армии. Обойдя город с севера, 56-я танковая бригада на рассвете стремительно стала продвигаться в западном направлении, громя гарнизоны противника на своем пути следования. Бригада, успешно пройдя около 25 километров, резко повернула на 180 градусов на восток и начала продвижение на город Лигниц с запада. В городе поднялась паника, противник заметался и, боясь окружения, стал отходить из города. Подошедшие днем передовые части 52-й армии блокировали город с севера и юга и без больших потерь овладели городом Лигниц.

Таким образом, 56-я танковая бригада в данной обстановке поставленную боевую задачу выполнила успешно. Это было одно из боевых заданий, которое я выполнял.

Позднее войска фронта, прорвав оборону противника на реке Одер, ведя ожесточенные бои, успешно продвигались к реке Нейсе. Бои шли тяжелые. Была сильная распутица, стрелковые дивизии, неся большие потери, прдвигались вперед. В распоряжение штаба фронта поступил полк тяжелых танков. Полку задачу ставил сам маршал Конев. Но на марше радиосвязь с полком нарушилась. Где находится полк, было неизвестно. А выполнял он очень серьезную задачу, выдвигаясь к переправе на реке Бобер на одном из участков фронта в целях захвата переправы до подхода отходящих частей противника.

Командующий фронтом в присутствии командующего БТМВ фронта генерал-полковника Новикова приказал мне вылететь на самолете У-2 по маршруту танкового полка,

уточнить местонахождение полка и передать командиру полка приказ явиться в штаб фронта.

Пролетая по маршруту полка, я установил, что все танки (за исключением трех танков) растянулись и стояли без горючего (не взяли запас горючего), и здесь был и командир полка. Я ему передал приказ явиться в штаб фронта и лететь на том самолете, на котором я прилетел. Самолет еле взлетел, почва была, как месиво. Это боевое задание я тоже успешно выполнил. Об этом мне сказал генерал Новиков.

В марте 1945 года мне пришлось быть вместе с генералом Новиковым на участке наступления 2-й Польской армии. Армия недостаточно мобильно продвигалась. Генерал Новиков, по указанию маршала Конева, имел задачу помочь командующему 2-й Польской армией в управлении войсками армии при выполнении поставленной боевой задачи. Мне было приказано выехать на передний край наступления войск, уточнить положение одной из танковых бригад и организовать продвижение бригады. Бригада стояла на месте, обстановка в районе бригады штаба армии была неясна. По прибытии в боевые порядки танковой бригады (номер бригады уже не помню) было установлено, что бригада топталась на месте. Точных данных о противнике не было, и разведка противника не велась. Командир бригады (фамилии не помню) доложил, что для разведки в близ лежащую деревню ушел танк, и связи с ним нет. До деревни было 600 метров. Я решил сам проверить наличие противника в деревне. Вместе с начальником разведки бригады на виллисе я продвинулся в деревню, нашел там танк Т-34, экипаж был жив. Командир танка доложил, что в деревне противника нет. По радио я сообщил командиру танковой бригады, что наличие противника в деревне не установлено. После на одном виллисе с начальником разведки бригады мы, ведя разведку, продвинулись на запад на 13 – 15 километров. Противник не был обнаружен. Фашистское командование свои войска на дан-

ном участке отвело на новый оборонительный рубеж. Командир танковой бригады, выслав разведку вперед, организовал преследование отходящих частей противника и свою задачу выполнил. После выполнения задания я вернулся в штаб Польской армии, доложил генералу Новикову об обстановке и о выполнении боевого задания. Командующий 2-й Польской армией мне тогда объявил благодарность.

Взятие Берлина

Я был участником героического штурма и взятия Берлина. Битва за Берлин началась 16 апреля 1945 года. В то время я был начальником разведотдела штаба БТМВ 1-го Украинского фронта.

Артподготовка началась в 6 часов 10 минут 16 апреля. На направлении главного удара было 270 стволов на 1 километр фронта. В 6 часов 55 минут передовые батальоны начали форсировать реку Нейсе. Переправа 1-го эшелона главных сил была закончена быстро – в течение одного часа. Передовые танковые бригады уже утром 16 апреля прошли реке Нейсе, а главные силы наших славных танкистов 3-й и 4-й гвардейских танковых армий вечером того же дня начали переправу и утром 17 апреля, войдя в прорыв, смело начали движение к реке Ширее.

22 апреля части 1-го Белорусского фронта вели бои на восточной окраине Берлина, обходя Берлин с севера 2-й танковой армией генерала Богданова. 22 апреля вся 3-я гвардейская танковая армия генерала Рыбалко развернулась перед Берлином с юга, выйдя на широком фронте на Тельтов-канал. Было принято решение форсировать канал одновременно всеми тремя корпусами. На главном направлении был создан артиллерийский «кулак», который большой плотностью огня был способен пробить оборону противника и открыть дорогу прямо в Берлин.

На фронте прорыва главного участка (прорыв 4,5 км) было сосредоточено около 3 000 орудий, 650 стволов на 1 километр фронта.

Артподготовка началась в 6 часов 20 минут 24 апреля. В 7 часов канал форсировала 22-я мотострелковая бригада. В 13 часов был наведен первый понтонный мост и начали переправу танки 6-го гвардейского танкового корпуса.

Переправа шла день и ночь 24 апреля. За 3-й гвардейской танковой армией переправился 10-й танковый корпус 4-й танковой армии.

В этом бою я выполнял боевое задание нашего командующего БТМВ фронта по организации переправы через канал мотопехоты.

24 апреля в районе юго-восточнее Берлина была окружена 9-я армия генерала Бусса войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. 30 апреля начался штурм рейхстага. 30 апреля в конце дня (в 22:50) разведчики из взвода лейтенанта Береста – Михаил Егоров и Мелитон Кантария – водрузили Знамя Победы над рейхстагом.

1 мая – генеральный штурм рейхстага. Сдался гарнизон в 1500 человек. Рейхстаг штурмовала 150-я стрелковая дивизия генерала Шатилова (Белорусский фронт). В ночь на 2 мая командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг сдался в плен и отдал приказ о прекращении боевых действий в Берлине. 2 мая было пленено 134000 немцев. К 15 часам 2 мая сопротивление частей Берлина прекратилось полностью. Но война еще не кончилась. Уже 2 мая войска 1-го Украинского фронта начали сдавать свои боевые участки 1-му Белорусскому фронту. Началась подготовка к Пражской операции.

Освобождение Праги

Войска 1-го Украинского фронта вместе с другими фронтами принимали участие в освобождении Праги (столица Чехословакии). Я лично был участником освобождения Праги в мае 1945 года.

2 мая войска фронта, сдав боевые участки 1-му Белорусскому фронту в Берлине, начали выходить в новые райо-

ны сосредоточения в целях подготовки к проведению Пражской операции.

В Чехословакии была сосредоточена под командованием генерал-фельдмаршала Шернера группа армий «Центр», это до 50 полноправных дивизий. Предстояла серьезная борьба. При планировании операции Ставка отводила главную роль 1-му Украинскому фронту. Исходя из общей обстановки и директивы Ставки на правом фланге фронта, северо-западнее Дрездена, была создана ударная группировка из трех общевойсковых армий – Пухова, Гордова и Жадова, двух танковых корпусов Полубоярова и Фоминых и 5 артиллерийских дивизий.

Главный удар наносился в направлении Теплице – Шанов – Прага, охватывая Прагу с запада и юго-запада. Планировался одновременный переход в наступление общевойсковых и танковых армий.

3-я гвардейская армия Гордова наносила удар на Прагу прямо с севера и, взаимодействуя с 3-й гвардейской танковой армией Рыбалко, должна была овладеть городом с северо-востока и востока. 4-й гвардейской танковой армии Люлюшенко предстояло ворваться в Прагу с запада и юго-запада.

После прорыва обороны противника все подвижные танковые и механизированные соединения (около 1600 танков) смело на максимальных скоростях идут на Прагу и с ходу овладевают ею. От танковых войск требовалось, обходя опорные пункты, смело рваться вперед и вперед. С утра передовые отряды перешли в наступление.

В 14 часов 6 мая после мощной артподготовки перешли в наступление главные силы армий Пухова и Гордова, в их оперативных порядках двинулись танковые армии.

7 мая сражение шло всю ночь. Войска главной группировки продвигались все дальше к югу по западному берегу реки Эльбы и к концу дня оказались перед северными

склонами главного хребта Рудных гор. Темп продвижения был до 45 километров.

Утром 7 мая перешли в наступление войска 2-го Украинского и 4-го Украинских фронтов.

8 мая был взят город Дрезден. Стремительное движение войск продолжалось. 5 мая в Праге началось восстание. Прага по радио просила о помощи. И вот в ночь на 9 мая 1945 года танкисты совершили невероятный по темпам 80-километровый бросок. Первыми в 3 часа утра ворвались в город с северо-запада танки 10-го гвардейского танкового корпуса армии Люблишенко. С севера в Прагу вступили танкисты 9-го мехкорпуса армии Рыбалко. Первым и на своем танке в Прагу ворвались гвардии лейтенант Гончаренко (позднее погиб) и механик-водитель Василий Мягков (тоже погиб). Их танк до сих пор стоит на площади имени Советских Танкистов в Праге. А в 13 часов части 6-й танковой армии 2-го Украинского фронта встретились в 35 километрах юго-восточнее Праги с частями 4-й гвардейской танковой армии. Подвижная группа 4-го Украинского фронта к 18 часам 9 мая также достигла Праги. Кольцо вокруг Праги было замкнуто. Прага была взята и освобождена от немецких войск. Я лично на Прагу двигался с 12-й танковой бригадой 4-го танкового корпуса генерала Полубоярова.

Фашистская армия была разгромлена. Начало разгрома было положено еще под Москвой. Миф о непобедимости гитлеровской армии был развеян. Уже тогда противнику был нанесен сокрушительный удар, и он потерпел первое крупное поражение.

Наш советский народ показал всему миру, что может один вести борьбу с немецкой армией. Поднялся моральный дух нашего народа. Поднялся и укрепился международный авторитет СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Дети войны	5
Борисов Валерий Викторович	5
Горячкин Станислав Николаевич	9
Гусев Владимир Алексеевич	14
Капустин Владимир Петрович	17
Королёв Анатолий Николаевич	23
Королькова (Каликина) Валентина Ивановна	30
Коротков Владимир Федорович	35
Кукина (Шевченко) Раиса Антоновна	42
Кушникова Галина Константиновна	45
Майорова (Лебедева) Вильгельмина Павловна	49
Модин Валентин Александрович	51
Филиппов Герман Александрович	54
Чадова Маргарита Георгиевна	57
Чичикин Вячеслав Александрович	60
Шалыгин Владимир Фокович	64
Бушуев Владимир Васильевич	69
Шингарев Марк Романович	71
Яблоков Лев Дмитриевич	75
Ясинский Фёдор Николаевич	78
Солдаты Победы	81
Афенков Николай Иванович	81
Гладышев Федор Григорьевич	95
Грико Владимир Михайлович	98
Забелина (Андреева) Валентина Петровна	101
Казаков Анатолий Павлович	104
Лабазов Василий Васильевич	107
Точигин Анатолий Алексеевич	111
Фомин Евгений Александрович	115
Хлопушин Владимир Ильич	118
Шарков Александр Тимофеевич	128

Бойцы вспоминают минувшие дни	134
Алехникова Надежда Никифоровна	134
Андреев Евгений Николаевич	138
Баженов Алексей Петрович	140
Братанова Тамара Федоровна	143
Востриков Сергей Яковлевич	144
Выдра Валентина Никифоровна	146
Корень Леонид Иосифович	148
Купчиков Владимир Иванович	150
Лохов Роман Дмитриевич	153
Малышев Всеволод Александрович	155
Морозов Николай Васильевич	157
Никитин Владимир Ильич	159
Пятачков Борис Иванович	161
Сазонов Григорий Исакович	163
Федоткин Иван Терентьевич	169
Шкитов Андрей Викторович	170
Ивановский энергетический институт в годы	172
Великой Отечественной войны	
Степанова Зоя Сергеевна	172
Лопатин Борис Владимирович	176
Склянина Людмила Ивановна	180
Прохорова Валентина Николаевна	183
Костерина (Вязниковцева) Нина Алексеевна	186
Тильман (Кричевец) Рената Иосифовна	188
Булыгина Галина Владимировна	190
Колосова Маргарита Григорьевна	192
Варенцов Виктор Васильевич	193
Мухина Анжелика Петровна	198
Записки разведчика (от первого лица)	202

Войну опишем просто и правдиво...

**Воспоминания ветеранов ИГЭУ (ИЭИ)
о Великой Отечественной войне**

Составители: ТАЛАНОВА Вера Вячеславовна,
АБАКШИНА Татьяна Алексеевна,
КАЛЕНОВА Екатерина Алексеевна

Редакционная обработка текста УИУНЛ ИГЭУ
Компьютерная верстка В.П. Биткина
Дизайн обложки Е.В. Родионова

Подписано в печать 25.04.2015.
Формат 60х84¹/₁₆. Печать плоская. Усл. печ. л. 13,02.
Тираж 100 экз. Заказ №

ФГБОУВПО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»

Отпечатано в УИУНЛ ИГЭУ
153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

*“Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось”*

Давид Самойлов

ИГЭУ

Иваново 2015